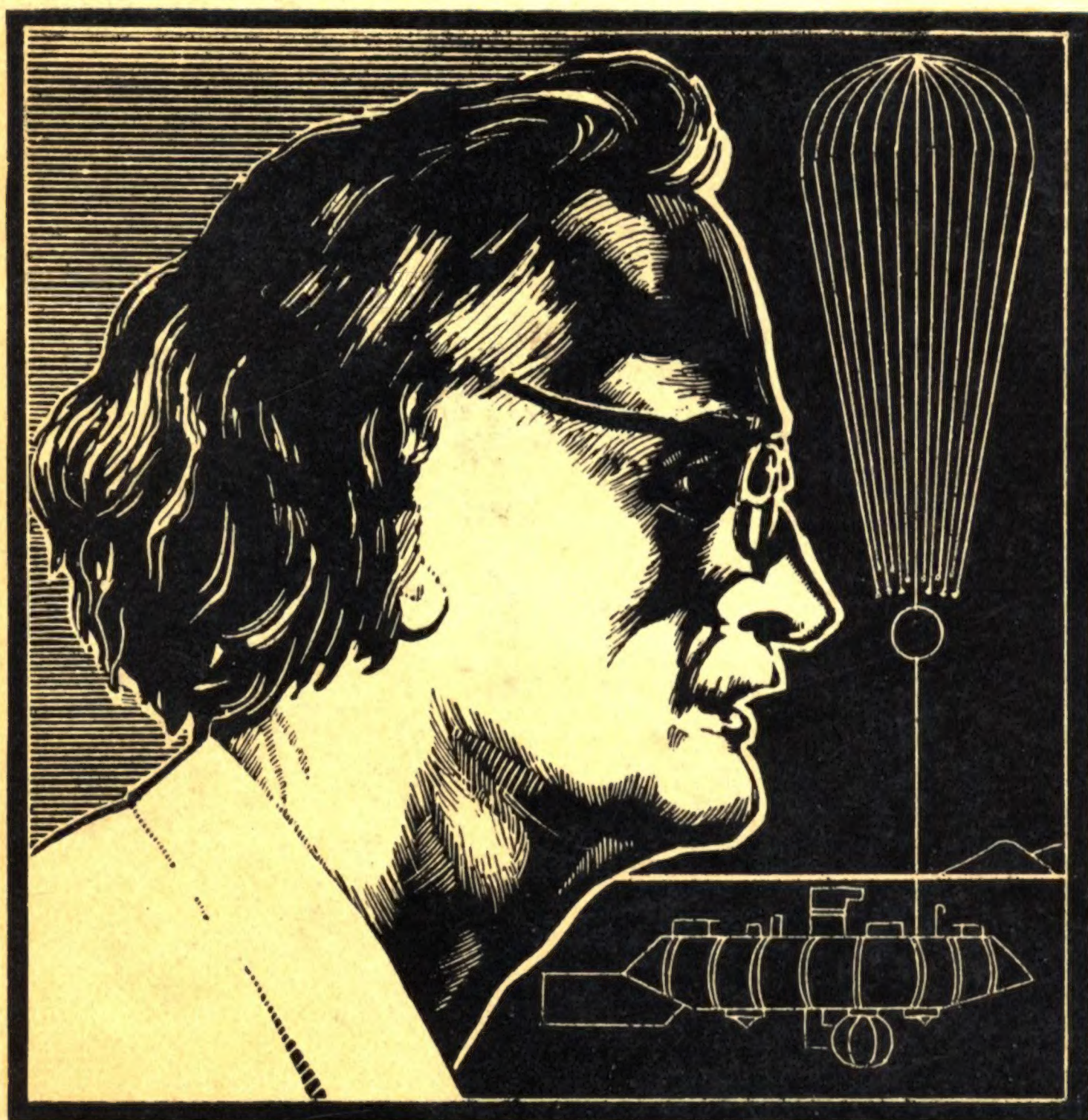

ЛЕОНИД
РЕПИН

ДВАЖДЫ ПЕРВЫЙ

О
О
Кто
О
Кто
И

О тех, кто первым ступил на неизведанные земли,
О мужественных людях — революционерах,
Кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше.
О тех, кто проторил пути в науке и искусстве,
Кто с детства был настойчивым в стремлениях
И беззаветно к цели шел своей.

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1975

ОГЮСТ ПИККАР

Выпуск 45

ЛЕОНИД
РЕПИН

ДВАЖДЫ ПЕРВЫЙ

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

551.49
P41

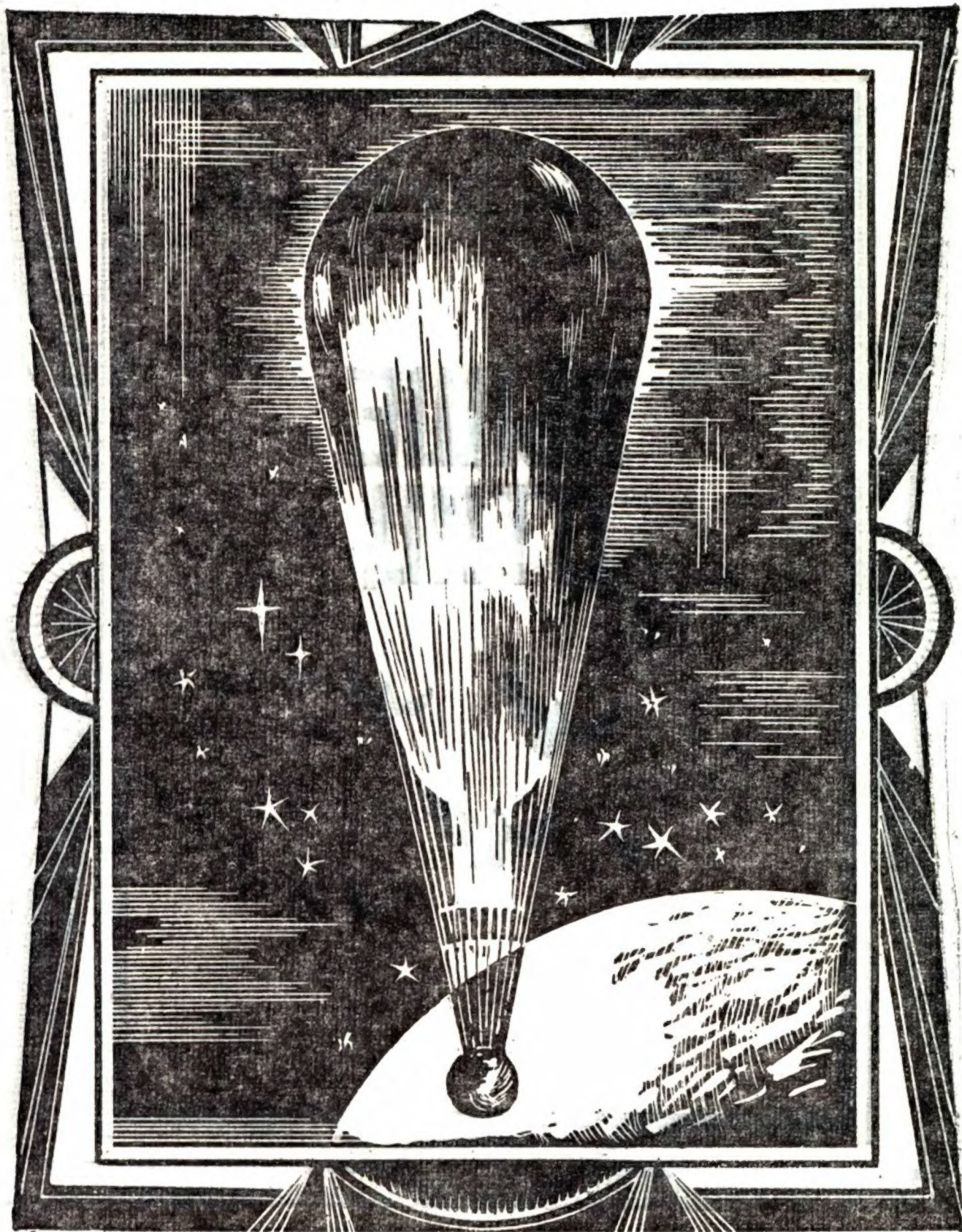
P $\frac{70803-211}{078(02)-75}$ 61 — 75

© Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1975 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ВЫШЕ
ПТИЦ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Мы поднимаемся! — воскликнул с удивлением Пауль Кипфер, приблизив лицо к иллюминатору гондолы.

— Да нет же, — ответил Огюст Пиккар, склонившийся над приборами. — Еще не было команды на подъем.

— Но под нами фабричная труба! Взгляните, профессор!

Пиккар оставил приборы и, не имея возможности выпрямиться — гондола была слишком тесна для него, — согнувшись, придвинулся к круглому оконцу.

Прямо под ними плавно покачивалось, удаляясь все дальше и дальше, нацеленное в небо орудийное жерло красной кирпичной трубы. Такой странной она казалась отсюда, сверху...

«Что они, в самом деле... — с раздражением поду-

мал профессор. — Ведь было условлено: без команды не выпускать. О чем они там, внизу, только думают. Лишь бы избавиться от этих двоих чудаков — пусть летят себе. Наверху-то, надо полагать, одумаются»... Профессор снял очки, достал платок и привычным жестом протер стекла.

Пиккар не знал еще, что стратостат просто вырвался, буквально ускользнул из рук стартовой команды.

Дул сильный порывистый ветер, гондола, уже готовая к старту, упала с тележки. Нервы у всех были предельно напряжены. Пиккар придирчиво осмотрел гондолу — тонкую алюминиевую скорлупу толщиной всего три с половиной миллиметра, нашел на ней заметную вмятину и обнаружил, что от удара повредился один из двух кислородных приборов. Тогда и решили продеть через строповое кольцо еще одну толстую веревку — так будет надежнее. Вот эта веревка и вырвалась из рук, освободив стратостат без команды.

Профессор снова принял к иллюминатору, и внезапное чувство радости охватило его. Стратостат, похожий на гигантскую сушеную грушу, безмолвно, словно видение, стремился в темное небо. В такой тишине можно услышать свое дыхание.

Перед взглядом Пиккара из плотной предрассветной мглы вырастал город, который он хорошо знал и любил.

Вот где-то здесь должно быть двуглавое здание ратуши, а перед ней старый фонтан. А вот здесь, будь светлее, наверное, можно было бы увидеть знаменитый собор.

«Ну вот. Я все-таки сделал это», — подумал Пиккар.

Было 27 мая 1931 года. Три часа пятьдесят семь минут. Впервые в истории человек стартовал в стратосферу.

...А за день до этого он шел один по улицам Аугс-

бурга, шел не спеша, иногда останавливаясь, чтобы лучше запомнить фасады — лица домов. Ему хотелось перед первым полетом собраться с мыслями, сосредоточиться. Ему просто хотелось побыть одному. А этот город так хорошо располагал к размышлениям.

Старый-старый город... Ему почти две тысячи лет. Много он видел за свою долгую жизнь, многое бы смог рассказать, умеет говорить камни, из которых сложены стены его старых домов. Сколько бурных событий разыгралось подле древнейших его стен, сколько людей прошло мимо них — пришло из ниоткуда и ушло в никуда... Вышли из бесконечности времени и в нем же и растворились. Мало кто из них сумел оставить что-то после себя. Зато другие что-то вносили в город, строили и обновляли его, мостили улицы, воздвигали соборы, сооружали фонтаны. Две тысячи лет город копил в себе труд людей, впитывал их вдохновение, потому что без вдохновения невозможно создать архитектурных шедевров.

Время, время... Что самые грозные силы природы в сравнении с ним? Оно сравнивает с землей цветущие города, засыпает их песком, и вот уж не скажешь, что когда-то здесь кипела шумная, яркая жизнь. И оно же, время, создавало такие вот города, где прежде, возможно, никогда не жил человек. Время всесильно и своенравно.

И все же камни могут говорить о себе. Уйдите дальше от пестрой, суетливой толпы, встаньте напротив древнего дома, и, быть может, вы найдете с ним общий язык. Его камни расскажут о тех, кто строил его, о тех, кто жил в нем, заботливо очищая от пыли времени, оберегая от старости, согревая изнутри живым теплом человека. Домам очень нужно это тепло: они быстро разрушаются, если в них не живет человек.

Вот этот старый кирпичный дом. Крутая высокая кровля, укрытая плотной чешуей черепицы, почернев-

шей от времени. А на фасаде — густая паутина из стеблей плюща. Нигде ни листа, стебли уже стары, но держатся крепко, и кажется, что это кровеносные сосуды старого дома. Когда-то этот фасад был весь сплошь зеленым, и только небольшие оконца с белыми рамами, прорезанные в стене асимметрично, раздвигали густую зеленую сень. Но это только кажется, что окна размещены где попало: строитель был расчетлив и думал прежде всего об удобстве. И два железных фонаря без стекол. Интересно, сколько десятилетий, а может, столетий назад зажгли их последний раз... Добротный купеческий дом.

А рядом, почти вплотную к нему, дом побогаче. Он и выше, и окон на фасаде побольше, и над тяжелой дверью — витиеватый выпуклый герб: щит, увитый золоченной некогда лентой, а на нем звезды и парусник. Здесь жил богатый купец. Наверное, корабль с этим гербом хаживал по многим морям...

Пиккар любил разглядывать старинные изображения парусников. Вот и сейчас он стоит, думая о чем-то своем, глядя на этот корабль.

Он знал, что Аугсбург всегда был купеческим городом. Разве только поначалу, когда его заложил римский император Август в ознаменование одной из своих побед, он был небольшим поселением. Здесь жили крестьяне, ремесленники. А рядом река, готовый путь в иные края и страны, а город у реки чаще всего становится торговым купеческим городом.

Аугсбург всегда был богатым городом. Но не всегда независимым. Первое тысячелетие его жизни из-за него сражались герцоги и короли и он то и дело переходил из одних рук в другие, а потом, отвоевав право на независимость, стал вольным имперским городом. И сразу расцвел, обзавелся пышными церквами, фонтанами. Его знаменитый собор считается одним из лучших творений зодчества средневековой Евро-

пы. Пятьсот лет строил народ этот собор — столько эпох и стилей, — и все отразилось в нем, каждая эпоха и каждый стиль оставили свой след, удивительно слившись в единое целое.

Пиккар любил еще один город, спрятанный в самом чреве Аугсбурга. Его построил один из купцов известной семьи Фуггеров, что разбогачел, сделав торговлю делом всей своей жизни. Построил еще в 1519 году и предназначил его для бедняков. Жилище в нем можно было получить или бесплатно, или за небольшие деньги. Как знать, что заставило богатого купца развязать кошелек — искреннее желание предоставить кров беднякам или еще что, но город возник и стоит уже четыре сотни лет с лишком, и стены, окружающие его, тоже стоят, и четверо ворот тоже стоят, и каждый день, отдавая дань старой традиции, их запирают, едва часы пробьют десять часов.

Или старый район города — Лехштадт, со своими каналами... Древние узкие улочки, противоположных стен которых можно коснуться, раздвинув руки, — улочки, резво бегущие вниз или устало ползущие кверху, аккуратно мощенные, иногда вдруг переходящие в лестницы, ныряющие под низкие своды порталов. И всюду на старых стенах — фонари, фонари, фонари... Так и кажется, что вот-вот приоткроется, чуть слышно скрипнув, дубовая дверь со ржавым железным кольцом, и на темную пустую улочку, кутаюсь в темный плащ, подол которого приподнимает конец спрятанной шпаги, бесшумно выскользнет молодой кавалер, спешащий к дому возлюбленной.

Камни здесь вымощены плотно один к другому, почти без щелей, но бесконечное количество ног, прошедших по ним, кое-где оставило вмятины, выбоины. Да и лестницы тоже, кажется, прогнулись от непомерной тяжести лет. И капля камень долбит, и человек тоже.

Глядя на эту панцирную грудь старой улицы, застывшую плавными волнами, можно подумать: она дышит, эта улица. Каменные волны — это волны дыхания. Вдох — столетие, и выдох тоже... Много все-таки повидал за свои тысячелетия город. Пиккар вспоминал: кажется, здесь, в Аугсбурге, возник род Гольбейнов. Да и самый знаменитый из этой семьи художников — Ганс Гольбейн-младший — тоже родился здесь. Аугсбуржцы с гордостью показывают в соборе алтарь, расписанный его кистью.

В этом городе возник и род Моцарта — в Аугсбурге родился отец его. Вот и статистика рождения гениев для одного города: два гения за две тысячи лет. Впрочем, Аугсбургу еще повезло.

Нет, не только купеческим был этот город, и музам искусства давал он приют.

И все-таки трудно поверить, глядя на эти дома, что сложены они еще более пятисот лет назад, — до того ухожены они, опрятны и чистоплотны. Может, поэтому и сам город напоминает некоего импозантного розовощекого старика, который понимает, что все лучшее в его жизни уже позади и что прошлыми трудами он обеспечил себе безбедную, счастливую и вполне спокойную старость. А будущее... Будущее его не волнует. В будущем он останется точно таким же.

Вот эти фонтаны на главной улице города, построенные знаменитыми нидерландскими зодчими Андриеном де Фризом и Хубертом Герхардтом еще в XVI веке... Четыреста лет стоит в центре фонтана в застывшей позе вельможный Август, в царственном жесте поднявший правую руку: быть здесь городу! Вот четыреста лет с другого фонтана с болью и со снисхождением взирает на мир и на людей, что проходят мимо, всемогущий Меркурий... Четыреста лет нежатся под тонкими струями бронзовотелые наяды, замороженно глядящие на этот неиссякаемый хрустальный

водопад. Они не замечают, что вот так же заморожено и на них самих глядят люди.

А иногда древний город оживает, становится шумным. Импозантный старик, словно бы вспомнив далекую молодость, будто желает показать, что и в нем есть еще вкус к жизни.

Пиккар почувствовал, что попал в незнакомую часть города, и вышел случайно на старый рынок. Это была небольшая площадь, с четырех сторон окруженная древними домами, фасады которых вплотную прилепились друг к другу. А внизу, вдоль стен, под яркими зонтами стояли лотки с овощами. После запаха прогретого на солнце асфальта и камня как приятно и неожиданно пахло запахом свежих трав, прохладой клубней.

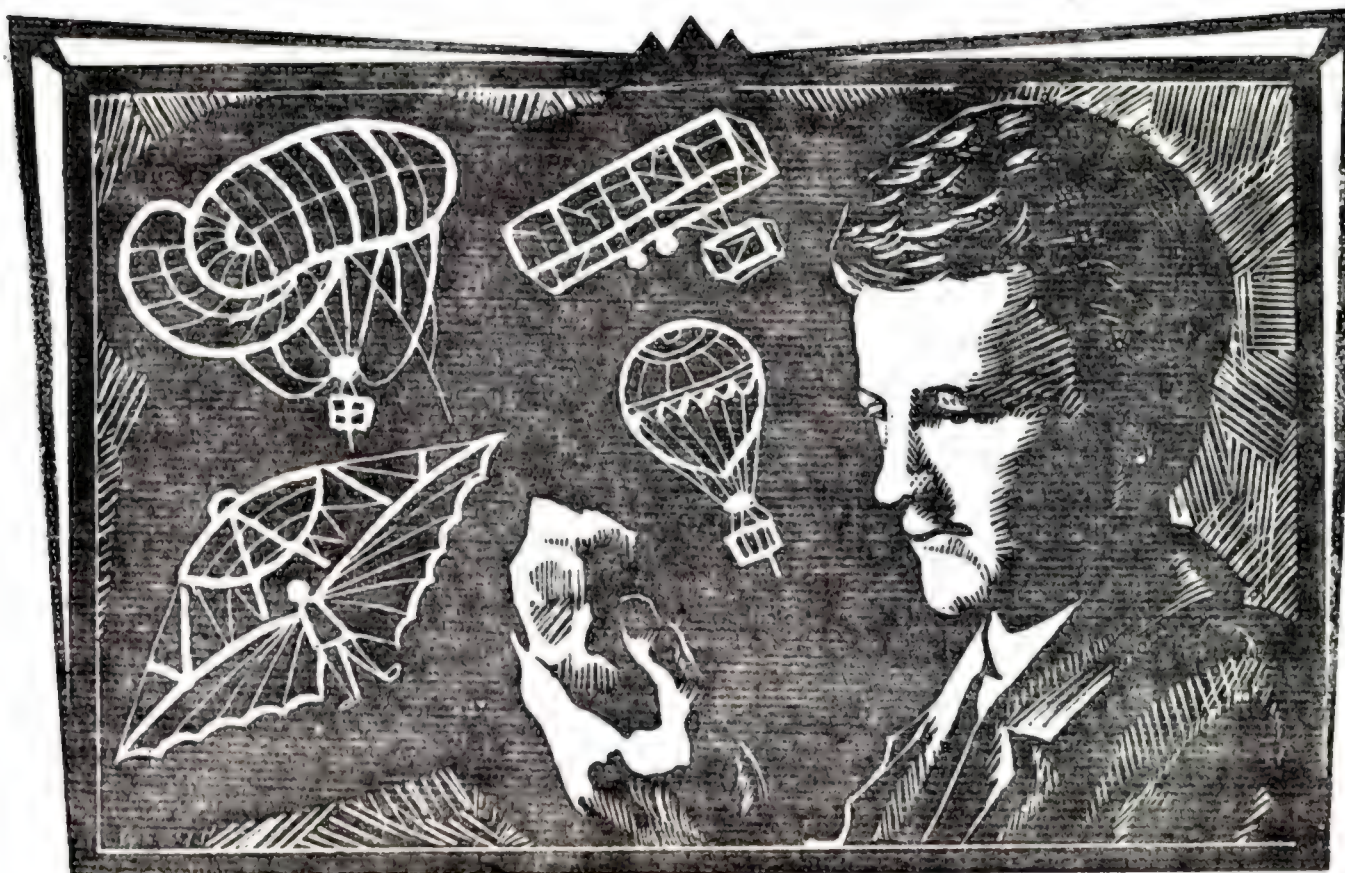
На рынке было оживленно. За одним из прилавков стояла старушка в цветастом платке, в приталенной кофте, с засученными рукавами, в полосатом переднике и черной, почти до земли, юбке. Лицо ее, испещренное морщинами, да и руки — старые, узловатые руки, щедро облитые солнцем, — показались Пиккару знакомыми... Наверное, он видел похожих старушек в Базеле, в своем родном городе, таких же спокойных, неторопливых в движениях. Всю жизнь, может, спешили... Теперь-то уж некуда.

И он вдруг подумал — неожиданно для самого себя, — что люди очень похожи на города, в которых живут. У них похожи лица — у города и у людей, — на них всегда можно увидеть печать времени. У них похожи характеры, которые тоже сложило время. Потому что они неотделимы — люди от города и города от людей.

...Он выбрал этот город местом своего первого старта не только потому, что здесь, на известной во всей Европе фабрике аэростатов А. Ридингера, была сделана оболочка его стратостата и везти ее куда-то еще само

по себе дело хлопотное. Главным было другое: Аугсбург, расположенный в Баварии, на юге Германии, находился, по существу, в самом центре Европы. До морей во все концы почти одинаково далеко. Крайне важное обстоятельство, поскольку при полете на большие высоты аэронавтов всегда подстерегает опасность во время спуска оказаться над морем. А тут, откуда бы ветры ни дули, всегда должно оставаться время, чтобы успеть приземлиться на суше.

Пиккар очень часто думал об этом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«— Мы поднимаемся?

— Нет! Напротив! Мы опускаемся!

• • • • •

— Выбросить балласт!

— Последний мешок только что опорожнен!

— Поднимается ли шар?

— Нет!

— Я как будто слышу плеск волн!

— Корзина над водой!

— До моря не больше пятисот футов!»

— Огюст! Жан! Где вы? — раздался женский голос в небольшом саду подле дома, где жили Пиккары. — Да отзовитесь же! Время обедать!

Огюст с сожалением закрыл толстую книгу, на обложке которой было написано: «Таинственный остров», и взглянул на сидевшего рядом брата.

Оба мальчика неохотно поднялись с травы и, переглянувшись, направились к дому.

Они были удивительно похожи, эти два близнеца. У обоих удлинённые лица с тонкими чертами, и глаза их смотрели на мир одинаково: очень внимательно, пристально, чуть-чуть испытующе. И смеялись они одинаково — искренне и заразительно, как умеют смеяться только мальчишки.

Они всегда были одинакового роста, Огюст и Жан, и всегда очень высоки. Но в детстве это особенно бросалось в глаза: они были намного выше своих сверстников, долговязы и несколько нескладны. Они любили подчеркнуть и в одежде свое сходство. Даже вкусы и взгляды на жизнь у них сходились. И книги тоже читали одни. Мальчишки стольких поколений зачитываются романами Жюль Верна, но тогда, в самом конце прошлого века, эти романы открывали миры, недоступные прежде даже фантазии.

Вместе с доктором Фергюссоном, поднявшись на воздушном шаре, они пересекли небо над Африкой, вместе с инженером Сайресом Смитом и его верными друзьями на таком же шаре бежали из плена южан, и вместе с профессором Аронаксом и капитаном Немо провели «Наутилус» над океанскими безднами.

Много позже, и даже на склоне лет, всемирно известный ученый профессор Огюст Пиккар не раз вспомнит писателя, своего верного друга, учителя, который открыл в нем неодолимое желание увидеть и познать все самому, который научил его быть дерзновенным. Потому что человек, не умеющий отдаться власти мечты, не смевающий дерзнуть даже в мыслях, никогда не сможет пойти дальше других.

Огюст Пиккар с детства мечтал испытать волнующий трепет исследователя, впервые идущего там, где еще никто не ходил.

Жизнь этого человека была удивительной, но самое

удивительное все-таки было то, что он осуществил обе свои невероятные детские мечты. Он первым проник в стратосферу и первым спустился в океанскую толщу — туда, где человек никогда не бывал.

Всю жизнь он оставался верен своей первой мечте. Он не отступил от нее ни на шаг.

А что же брат его Жан? Каждый из братьев избрал собственный путь — Огюст пошел в физику, а Жан выбрал химию. Но и посвятив себя разным наукам, они, как и прежде, оставались близки и, в общем-то, всегда шли в жизни рядом.

Братья родились 28 января 1884 года в швейцарском городе Базель. Их отец, Жюль Пиккар, ожидая прибавления в своем семействе, особенно не терзался, гадая, кого судьба принесет ему в дар. У него уже был наследник — сын Пауль, и была дочь Мари. Какая разница, кто родится еще — сын или дочь... Только и всего, в семье станет шумнее. Зато детям будет веселее вместе играть... А потом, уже в зрелости, они смогут согревать друг друга заботой. Это так важно, когда человек не чувствует себя одиноким. А что касается шума в доме, то у профессора Жюля Пиккара есть в нем убежище — кабинет, куда он скрывался всякий раз, когда хотел отдохнуть или садился работать.

Двоих сразу, близнецов, Пиккары не ждали.

День их рождения стал в семье праздником. Профессора поздравляли коллеги из университета, где он читал курс химии, прислали свое поздравление студенты, то и дело в дом кто-то входил и выходил. Нечасто все-таки судьба приносит такой подарок...

А потом жизнь вошла в свою колею, и Жюлю Пиккару иногда даже казалось, что в его семье так и было всегда.

Профессор часто брал с собою детей в горы, любил показывать им старый город, рассеченный надвое голубой лентой Рейна. В Альпах так хорошо дышится, и

человек, глядя на зеленые долины, лежащие далеко внизу, ощущает такую свободу и легкость... Огюсту и Жану было по три года, когда отец впервые привез их в горы. Конечно, вряд ли они сохранили самое первое впечатление — слишком уж тогда они были малы, но как знать — не с того ли дня в них возникла любовь к горным хребтам, к высоте.

А город, старый Базель. Отец научил сыновей понимать и ценить его степенную древность. Вот Большой Базель, поднявшийся на правом, высоком берегу Рейна, а против — на пологом берегу — Базель Малый. Город разделен рекой, его соединяют мосты. Вон тот, стальной, построен совсем недавно, всего за пять лет до их рождения, рассказывал отец, а нижний, деревянный, построили шесть с половиной веков назад. Вот сколь долговечным может оказаться дерево.

Отец научил своих детей видеть мир, научил ценить то, что создают в нем люди. Но он не мог научить Огюста мечтать о синих небесных высотах и о сумрачных безднах морей. Горы мальчик давно уже знал и любил — вот их вершины поднимаются, закрыв горизонт. Но море... Ведь он никогда еще не видел морского простора...

Этой мечтой Огюст Пиккар обязан себе самому.

Во что они любили играть?.. В то же, во что любят играть другие мальчишки. Но больше всего их привлекали машины. Подходил к своему последнему рубежу XIX век, в городах, обдавая изумленных прохожих чадом и грохотом, уже катились первые автомобили, похожие на кареты, по непонятной причине лишившиеся лошадей. Толпы людей собирались и шли рядом с ними, осыпая насмешками странные, неуклюжие экипажи. Зачем они, эти повозки, если лошадь быстрее? Чего только не придумают изобретатели!

Мало кто знал тогда, что автомобиль вкатился в XIX век из будущего и что им, вот этим насмешни-

кам, посчастливилось увидеть рождение великого изобретения, которое вскоре так преобразит жизнь человека...

Многие другие открытия и изобретения возникли на грани этих веков. Мир готовился к эпохе великих открытий. Те же, кому предстояло совершить эти открытия, были еще мальчишками. Среди них был маленький швейцарский мальчик, которого звали Огюст Пиккар.

В гимназии братья учились хорошо, особенно любили физику и химию, очень много читали. Они прочли, наверное, все приключенческие книги, которые можно было достать в городе: во многих лавках их хорошо знали и оставляли им под прилавком желанные книги. Профессора Пиккара немного беспокоил Огюст: у него была плохая память, он с трудом сохранял в голове даты, которые нужно было запомнить к уроку истории. Зато Огюст слыл самым сообразительным в классе.

Больше всего братья любили строить модели. Забавы взрослых, пытавшихся создать летательные аппараты, стали забавой детей. Сколько бумаги было изведено на рисунки самых невероятных машин, взмывающих в небо! Сколько дерева и клея пошло на модели неуклюжих конструкций, которые многим казались тогда последним словом науки и техники. Да, наверное, они и были такими, эти машины: в них нашла выражение только идея, главная мысль конструкторов, и требовать от них еще красоты, пожалуй, было бы несправедливо. Впрочем, они по-своему все-таки были красивы, эти хрупкие, ажурные сооружения, на которых человек хотел взлететь в небо, — машины, похожие на этажерки, лежащие на боку. Красота тоже понятие относительное.

В годы, когда Огюст и Жан учились в гимназии, в Европе увлекались строительством воздушных ша-

ров. Проводились крупные международные соревнования на дальность полета, фотографии победителей печатались в каждой газете. Воздухоплавание стало самым модным из всех видов спорта. Конечно, братья вместе с другими мальчишками мечтали о том дне, когда они, стоя в корзине из ивовых прутьев, подвешенной к шару, поднимутся в небо и совершат самый дальний полет.

А пока они строили модели шаров, и это было одним из любимых развлечений. Впрочем, сами они относились к строительству моделей очень серьезно. В такие минуты они ощущали себя конструкторами.

Школьные годы... Как быстро остались они позади... Огюст и Жан уже юноши, оба очень высокие, но все еще немного нескладные. Это молодые люди, ясно определившие свой жизненный путь. Они решили посвятить свою жизнь науке, как и их отец Жюль Пиккар.

А как же мечты? Нет, они не забыты. Море по-прежнему манит Огюста, и, как и раньше, небо призывает его.

Братья едут в Цюрих — от Базеля это недалеко, всего около трех часов по железной дороге, едут, чтобы поступить в Высшее политехническое училище — знаменитую школу молодых инженеров. Они с блеском сдают экзамены: Жан на химический факультет, Огюст на физический. Его интересовала механика.

Всю жизнь Огюст будет с неизменным теплом вспоминать это веселое, прекрасное время. Время, когда кажется, что жизнь щедра ко всем одинаково, что люди, которые вокруг тебя, — это лучшие люди, и сам ты на пороге чего-то очень важного.

На факультете Огюст был одним из способнейших студентов. Нет, не только потому, что он всегда знал превосходно материал, знал даже больше, чем требовалось. Он старался критически воспринимать все, что

слышал на лекциях, потому что хотел сам прийти к тому, что студентам подносили в готовом виде. И тогда, если он получал правильный вывод, его охватывало чувство радости и уверенности.

В двадцать лет Огюст Пиккар напечатал свой первый научный труд. Тема его показалась многим неожиданной. Статья называлась «Восприятие гравитации корнями растений». Сила тяжести всегда была одной из самых загадочных сил в природе, и большинство трудов, посвященных ей, мало что добавляло нового. И потому смелость студента, решившего заняться изучением гравитации в применении к жизни растений, некоторым показалась в известном смысле дерзостью: очень уж торопится этот студент...

Открытий больших он в первой работе не сделал, но сумел показать: сила тяжести влияет на развитие корневой системы растений. Об этом догадывались, Пиккар доказал.

Проходит еще четыре года, и женевский научный журнал печатает вторую работу Огюста. Она оказалась столь же неожиданной, что и первая, и неизвестно еще, чего в ней было больше — физики или химии. Называлась она «О запахах, возникающих при ударе». Внизу две подписи — отца и сына. Отец химик, и он мог один заниматься изучением запахов, но в момент удара в телах возникает явление деформации, а это уже из области физики. Здесь ему нужен был сын. Неизвестно, кто из них больше гордился этой работой...

Но не заслонила ли для него в эти годы наука небо и море? Нет, он не забывал о них никогда. Много позже, уже на склоне лет, он напишет об этом времени: «Подобно большинству молодых людей своего времени, я очень увлекался всем, что относилось к новой науке — аэронавтике. В те времена аппараты тяжелее воздуха совершали свои первые полеты, и только рья-

ные оптимисты предвидели дальнейшее развитие авиации, а пока что в небе царили шары легче воздуха». Значат ли эти слова, что он не был в числе тех рьяных приверженцев авиации и не верил в прогресс первых созданий с огромными крыльями? В том-то и дело, что верил. Верил и знал: время аэропланов настанет. Но пока еще было время аэростатов. Он застал их последний и самый высокий взлет и сам для этого сделал больше других, но время шаров уже подходило к концу. На глазах у этого поколения романтика героев Жюль Верна, дерзкая, принесенная еще недавно, казалось, из будущего, быстро уходила в минувшее.

Но и авиация только-только начала заявлять о себе. В нее действительно мало кто верил тогда. Еще бы: в памяти человечества сохранилось столько печальных примеров, как человек погибал, пытаясь подняться в небо, опираясь на крылья. Пиккар давно знал почему: «Не было еще точной науки. Математическое изучение проблемы показало бы человеку, что силы его малы для преодоления тяжести». Он с сожалением смотрел на все попытки построить машину с машущими крыльями — нет необходимой теории, нет нужных расчетов, нет легких и прочных материалов... Да много чего еще нет. Человек может полететь, говорил он, и полетит, но почерпнув силы в «наиболее драгоценной из всех сокровищниц — разуме. Именно благодаря ему, а не мускульной силе человек должен и может стать властелином вселенной».

Огюст и Жан увлеклись аэронавтикой и авиацией. Они выискивали в свежих журналах все, что касалось полетов на тяжелых машинах, и в старых — все, что можно было найти о полетах на аэростатах, и перед их взглядом проходила вся недолгая история воздушных шаров.

В России промелькнул в печати такой документ. Кто-то, роясь в старом архиве воеводы Воейкова, на-

ткнулся на сообщение: «1731 года в Рязани при воеводе подъячий нерехтец Крякутный фурвин сделал, как мяч большой, надул его дымом, поганым и вонючим, от него сделал петлю и сел в нее, и нечистая сила подняла его выше березы и после ударила его о колокольню, и он уцепился за веревку, чем звонят, и остался тако жив. Его выгнали из города, он ушел в Москву, и хотели закопать живого в землю или высесть». Это был первый в истории полет человека на шаре.

Потом, через полстолетия, сыновья крупного французского бумажного фабриканта — Стефан и Иосиф Монгольфье построили огромный шар, наполнили его теплым воздухом и 4 июня 1783 года на нем поднялись. Братья были не только изобретателями, но и просвещенными людьми своего времени. Они прекрасно понимали, что если шар наполнить не теплым воздухом, а водородом — газом, значительно более легким, то у шара появится большая подъемная сила. Но не было у них материала, способного удержать водород в оболочке.

Всего через два с половиной месяца после подъема братьев Монгольфье молодой парижский профессор Жак-Александр-Цезарь Шарль выпустил первый шар, наполненный водородом. Более 300 тысяч парижан собрались смотреть этот опыт.

21 ноября 1783 года Пилатр де Розье и маркиз д'Арланд совершили первый полет на воздушном шаре. Двадцать пять минут были они в воздухе и достигли высоты в тысячу метров.

3 декабря 1783 года Шарль вместе с Робертом совершил свой первый полет.

Теперь во всей Европе только и говорили о воздухоплавании. Всерьез обсуждались перспективы воздушного сообщения на шарах меж городами и даже меж континентами. Мечтатели, не знакомые с физикой, за-

хлебываясь от восторга и собственной смелости, предложили на шарльерах (так называли аэростаты конструкции Шарля) достичь Луны, да что там Луны — ближайших планет!

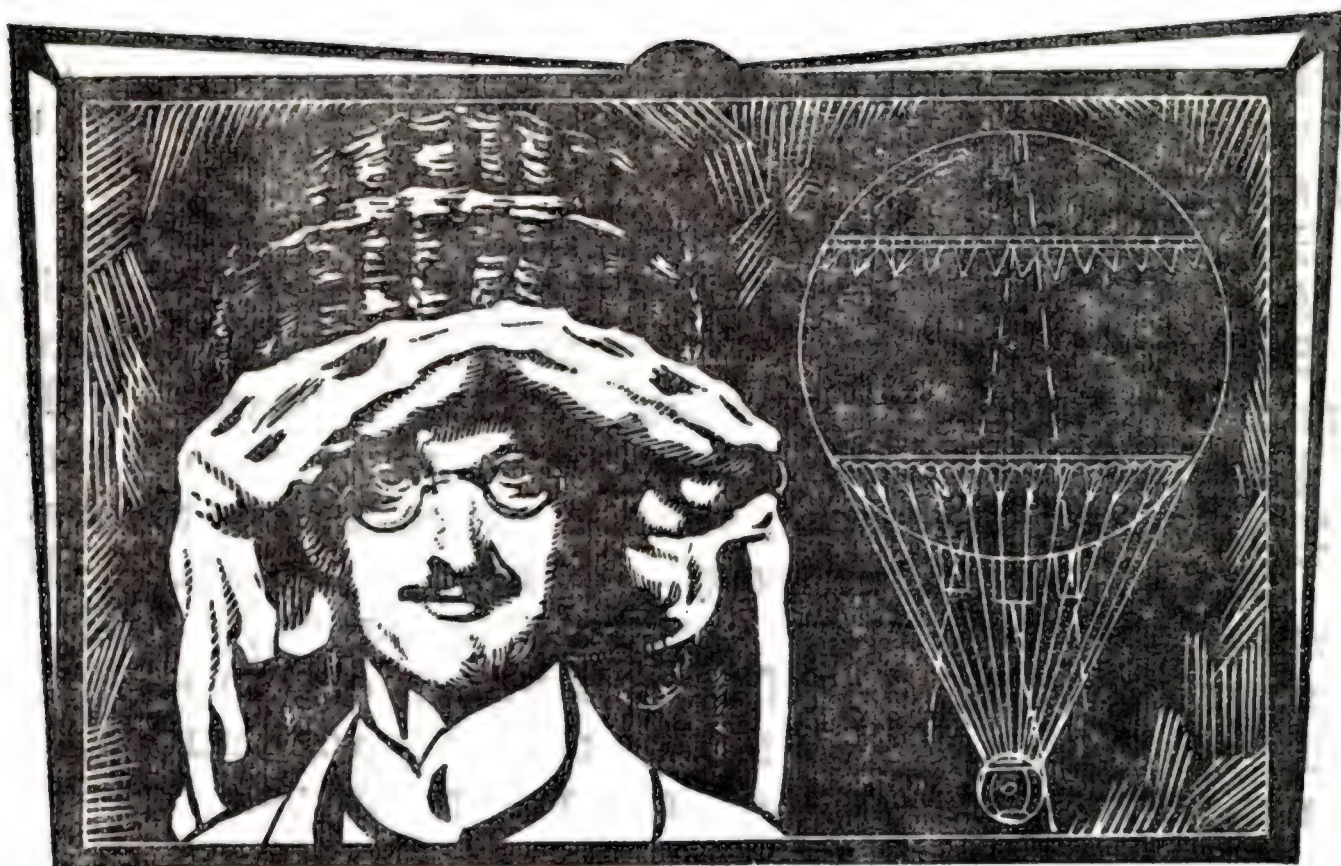
Это была настоящая «воздушная» лихорадка.

А потом первый дальний полет: 7 января 1785 года Бланшар и доктор Джефри, стартовав в Англии, успешно перелетели пролив и приземлились в Кале, на французской земле. Те, кто еще упрямо не верил в будущее авиации, теперь перестали сомневаться.

Позже, в 1863 году появился роман Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре», а еще через одиннадцать лет — «Таинственный остров», которые сразу же стали любимыми книгами тогдашних мальчишек. Потом их получило в наследство поколение Огюста Пиккара. Подстегнутое воображение рисовало им прекрасные картины; человек стал наконец властелином планеты.

Все чаще и чаще стали подниматься шары. Все дальше и дальше их перелеты. Все выше и выше стремятся они.

Но не настал еще час стратосферы. Он близился, этот час — час Огюста Пиккара.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Стратостат плавно стремился в предрассветное небо. И оно словно раскрывалось перед аэронавтами — становилось выше, светлее и шире.

«Ну вот и позади земные заботы», — подумал Пиккар. Он посмотрел на Кипфера. Тот по-прежнему был возле иллюминатора. Взгляды их встретились, и они улыбнулись друг другу.

И в эту в минуту в гондоле раздался высокий, не прекращающийся ни на мгновение звук, похожий на свист. Пиккар сразу понял: выходит воздух. Но где? В каком месте? Видимо, там, где выходит наружу изолятор электрозонда — та самая кварцевая трубка, которая разбилась, когда гондола упала с тележки.

Отверстие надо срочно закупорить — давление в кабине стремительно падает. Вместе с Кипфером они стараются приладить пробку, закрывающую отверстие

в трубке, но безуспешно: свист становится все сильнее и сильнее.

— Высота — четыре тысячи метров, профессор, — произнес Кипфер, наклонившись к приборам. — Давление за бортом и в гондоле сравнивалось.

— И зачем, в сущности, у нас закрытая гондола, — усмехнулся Пиккар, — если давление снаружи и в ней одинаково. Придется заделывать щель вазелином и паклей.

Эту смесь — просто так, на всякий неожиданный случай — он приготовил еще на земле. Задолго до старта он подумал, что, если где-нибудь в гондоле появится щель и воздух на высоте начнет из нее вытекать, внутреннее давление запрессует вазелин с паклей в щель и плотнее ее закупорит. Так должно быть. Но как будет на самом деле?

— Если сейчас гондола не станет герметичной, — сказал Пиккар, — нам придется открыть выпускной клапан и спуститься, чтобы не задохнуться. — А сам подумал: «Прекрасная была бы история. Столько усилий, и зря. И столько людей, которые верили в этот полет и ждали его вместе со мной».

Они не знали еще, что в этот момент при всем желании им не удалось бы спуститься: клапан, открывающий выход газу из оболочки, бездействовал. Им оставалось только одно: любой ценой заделать отверстие.

Для большей уверенности Пиккар заклеил отверстие зонда изолирующей лентой, а потом — своей «фирменной» замазкой.

Оба замолчали, прислушиваясь, не выходит ли воздух. Звук стал гораздо слабее, но воздух из кабины еще просачивался. Пиккару было очень неудобно работать лежа: отверстие находилось под столом, почти у пола.

Давление в кабине падало. Не так быстро, как

раньше, но падало. Пиккар повернул вентиль у баллона с жидким кислородом и вылил немного жидкости на пол. Прямо на глазах кислород испарился. Давление в гондоле чуть поднялось.

Пиккар взглянул на Кипфера. Тот сосредоточенно возился с приборами, которые вылетели из своих гнезд еще на земле, когда упала гондола. Кипфер их поднимал, заботливо осматривал со всех сторон и водворял на прежнее место.

Профессор снова принялся за эту треклятую щель. Смеси он приготовил достаточно — ее хватит, за это он не боялся, но сможет ли она надежно закупорить щель...

Лежа в неудобной позе под столом, он вновь прислушался. И облегченно вздохнул. Свист прекратился. Стало поразительно тихо.

Никогда в жизни он не слышал такой тишины. И никогда в жизни тишина не была столь желанной...

— Профессор! Высота 15 500 метров. — Кипфер замолчал на мгновение и, уже не в силах сдержать свою радость, взволнованно произнес: — Мы в стратосфере!

Пиккар посмотрел на часы. Стрелки показывали 4 часа 25 минут. Всего за двадцать восемь минут... Но Пиккар шел к этой высоте всю свою жизнь. И на всю жизнь он запомнит эти минуты, когда человеку впервые открылось фиолетовое, почти черное небо.

Они были по-настоящему счастливы в это мгновение.

Но некогда было наслаждаться прекрасным зрелищем, которое приготовила им стратосфера. Они поднялись сюда, чтобы работать. Вот как он сам говорил о цели полета: «...Наблюдения, произведенные на воздушном шаре, показали, что на высоте от 4000 до 9000 метров проводимость газов увеличивается. Это побудило физиков к созданию новой гипотезы, нового

объяснения явления — к предположению о действии космических лучей, зарождающихся в мировых пространствах. Для расширения наших познаний в данной области я и решил подняться в стратосферу».

В физике тогда не было, пожалуй, ничего более интересного и загадочного, чем космические лучи. О них знали немного. Знали только, что они возникают где-то в невообразимых далях вселенной и пронизывают земную атмосферу и даже толщу земли. Кажется, нет силы, способной их удержать. Но вот что заметили: чем больше высота над землей, тем интенсивней эти лучи. Конечно, для того чтобы раскрыть их природу, понять наконец, что же это такое, нужно встретить лучи выше, пока не иссякла их сила, пока они еще не рассеялись от бесконечных столкновений с атмосферными атомами.

Пиккар подсчитывает: там, где давление воздуха в десять раз меньше нормального — на высоте шестидцати километров, космические лучи во много раз меньше сталкиваются с атомами атмосферы, и, значит, именно на этой высоте их свойства полнее. Они там должны быть почти такими же, как в космосе, на их долгом пути к Земле. Вот почему профессор Огюст Пиккар ставит перед собой конкретную цель: поднять приборы на высоту 16 тысяч метров, измерить интенсивность космических лучей, проследить их направление и посмотреть, сможет ли свинцовый лист остановить эти лучи. И еще он хотел доказать: для достижения авиацией больших скоростей нужна большая высота.

У него был только один путь для доказательства: подняться самому в стратосферу. Тогда уже были шары-зонды, способные подняться на такую высоту, но не было приборов-автоматов, на точность которых Пиккар мог бы вполне положиться.

Ему говорили: «Это невозможно, профессор! Чело-

век не может жить в стратосфере из-за малого давления воздуха, и вы это прекрасно знаете!»

Он отвечал: «Это так. Но можно подняться в воздухонепроницаемой гондоле».

Ему возражали: «Да вы в ней просто-напросто задохнетесь!»

Он объяснял: «В гондоле можно поддерживать почти нормальную атмосферу...»

С ним не соглашались: «Нет, это утопия».

Позже, оглядываясь на длинную вереницу прожитых лет, он напишет: «То, что теперь для нас элементарно, тогда казалось утопией. Единственным возражением, которое выдвигали против меня, было: почему все это до сих пор не существует? Как много раз приходилось мне слышать соображения такого рода!»

Скептиков тоже можно понять: слишком жестоко расплачивался человек за попытку перейти рубеж атмосферы. Чудом спасаются англичане Глейшер и Коксуэлл в 1862 году, поднявшись на высоту 11 300 метров. Правда, сам факт достижения такой высоты и сейчас у многих вызывает сомнение. Один из аэронавтов долгое время был без сознания, другой зубами тащил веревку маневого клапана, чтобы выпустить газ. Потом трое аэронавтов — Гастон Тиссандье, Сивель и Кроче-Спинелли — предприняли отчаянную попытку достичь большой высоты. В живых остался лишь Тиссандье...

Сомнений не оставалось: в верхних слоях атмосферы человек жить не может. Он рожден на земле и уготован для жизни на земле. Но человек потому и стал человеком, что не захотел исполнять эту убогую роль. Он посмотрел на звезды, и его потянуло в небо. Он увидел море, и ему захотелось познать глубину.

Пиккар пришел к идее герметичной кабины совершенно самостоятельно. Его идея была и дерзкой, и не-

ожиданной для всех, кто впервые слышал об этом. Пиккар не знал, что за много лет до его рождения в далекой России великий химик Д. И. Менделеев предложил эту идею. Он не знал, что Менделеев, презрев скептицизм окружающих, сам поднимался на шаре и в полете производил измерения. В одном из своих трудов Менделеев писал: «...прикреплять к аэростату герметически закрытый, оплетенный, упругий прибор для помещения наблюдателя, который тогда будет обеспечен сжатым воздухом и может безопасно для себя делать определения и управлять шаром». Судя по всему, Пиккар никогда не читал этих строк.

Он первым построил такую гондолу. И он же первым поднялся в ней в стратосферу. Как-то уже в старости Пиккар произнес такие слова: «Для того чтобы добиться успеха, нужны были три специалиста: физик — чтобы дать идею, инженер — чтобы воплотить ее в жизнь, и пилот — чтобы поднять воздушный шар в воздух. Я владел одновременно этими тремя профессиями. Именно мне нужно было взяться за дело. И я довел его до конца».

Он принялся конструировать гондолу и оболочку. Ясно, что гондола должна быть сделана из легкого металла и иметь форму шара. Во-первых, такая форма дает при данном объеме наименьшую поверхность, а это выгодно: кабина будет легче. Во-вторых, сферическая гондола, исходя из законов физики, с большей надежностью выдержит разницу в перепаде давления воздуха. В кабине-то давление в десять раз будет сильнее, чем за бортом.

Потом он сел рассчитывать оболочку. В первый момент он сам удивился ее размерам: она должна вместить 14 130 кубических метров газа, а на высоте шестнадцати километров, когда газ расширится и займет весь объем оболочки, ее диаметр станет равным тридцати метрам. Двенадцатипятиэтажный дом-

башню можно было бы упрятать внутри такой оболочки.

И вновь находились люди, волей-неволей пытавшиеся поселить в нем сомнение. Внимательно слушая все его доводы, в недоверии покачивали головой, иногда говорили: «И все же вряд ли у вас это получится». Он отвечал: «Я уверен в своих расчетах!»

Ему говорили: «Расчеты расчетами, но дело здесь в принципе: свободный аэростат — игрушка ветров; какой цели он служит? Его даже нельзя направлять по желанию».

И он, расчетливый практик, трезвый, сознательный рационалист в работе, которую делал, отвечал так, как мог ответить только романтик: «Но должна ли действительно каждая вещь быть практически полезной? Свободный аэростат служит свободе, наблюдательности, прогрессу, возвышению души. Не достаточно ли этого? Мы, воздухоплаватели, высоко ценим свободный аэростат». И добавлял, улыбаясь: «Кто осудил бы кофейную мельницу за то, что она не может шить? Кто обвинил бы швейную машину за то, что она не способна молоть кофе? Всякая вещь, выполняющая свое назначение, хороша сама по себе».

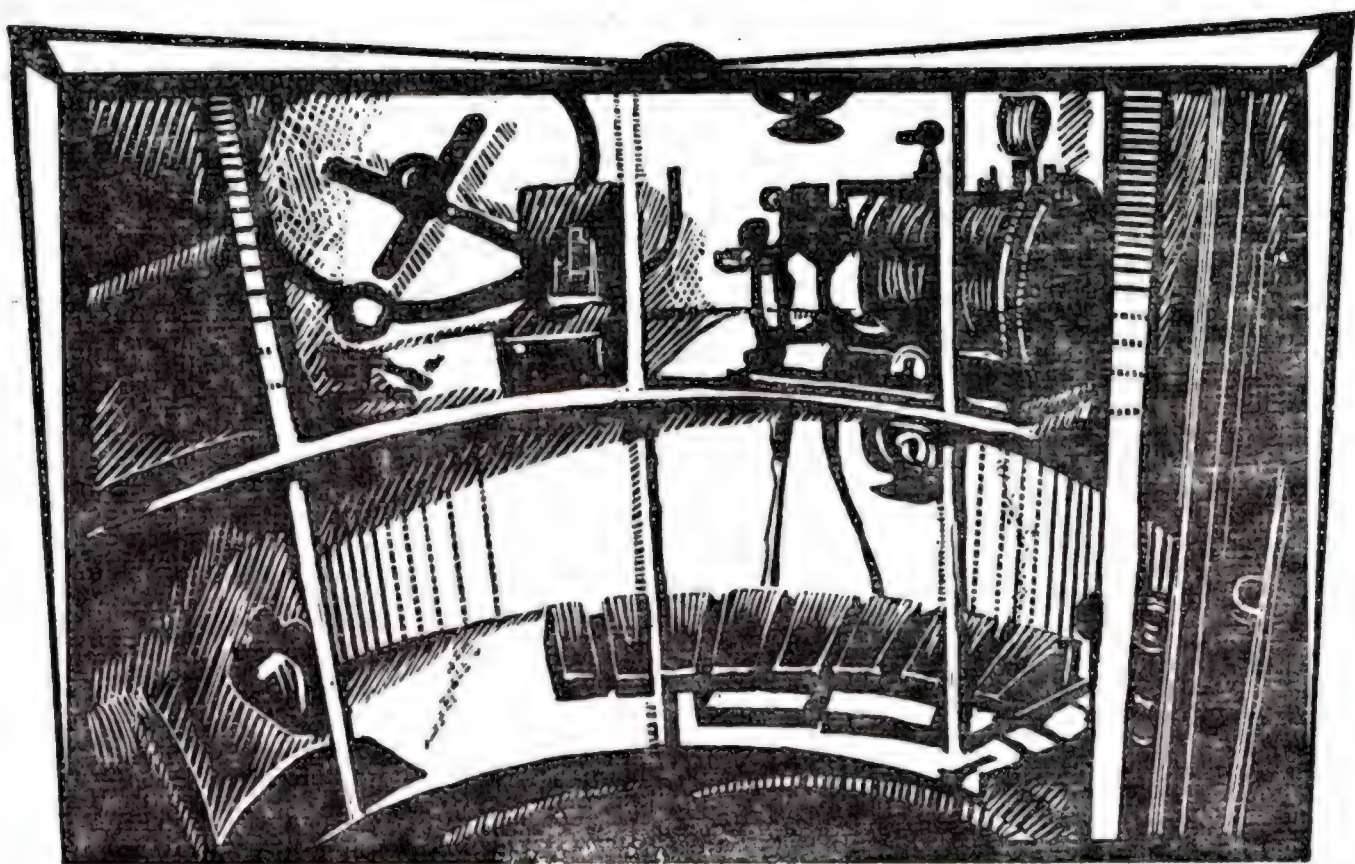
Он-то знал, какое назначение должен выполнить шар.

Теперь ему нужно было достать деньги. Что поделаешь — такова проза жизни. Прошли времена, когда можно было сделать открытие, нацелив нехитрую трубу на звездное небо или склонившись над простеньким микроскопом, на предметном столе которого всего лишь капля воды. В XX веке инструменты научных исследований стали дорого стоить. И стратостат для Пиккара был как раз таким инструментом.

Можно считать, что тут ему повезло. Он пишет в бельгийский Национальный фонд научных исследо-

ваний письмо с просьбой предоставить кредит на строительство стратостата. И обстоятельно описывает задачи полета. Пиккар подсчитал, сколько нужно: 400 тысяч бельгийских франков, и он их получил. Свой будущий стратостат он обещает назвать ФНРС — по первым буквам названия фонда, и сдержал свое обещание.

Гондолу и оболочку делали в разных местах: гондолу — в Бельгии, в Льеже, а оболочку — в Германии, в Аугсбурге. Шли последние месяцы 1929 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Быстро пролетело время студенчества. Так всегда кажется, когда смотришь назад. Еще недавно думалось, что оно тянется медленно, словно бы неохотно связывая каждый последующий день с предыдущим, а теперь, когда все позади, невольно думаешь: слишком стремительно пронеслись эти годы...

Огюст и Жан получили дипломы в двадцать шесть лет. Они стали еще больше похожи и, сами того не желая, не раз ставили в неловкое положение своих педагогов, вечно их путавших.

У Огюста после окончания учебы появилась возможность остаться в училище, в лаборатории магнетизма, которой руководил профессор Пьер Вейс. Профессор давно наблюдал за Огюстом и, как только тот получил диплом инженера-механика, сразу же предложил ему место своего ассистента. «Через три года вы

сможете защитить диссертацию», — сказал профессор Пиккару.

Докторскую диссертацию Огюст Пиккар посвятил магнитным явлениям в воде и газах. Тема была нова, почти не исследована, и Пиккар сумел многое в ней прояснить. В двадцать девять лет он стал экстраординарным профессором физики.

Сам он еще был похож на студента, этот молодой человек, в несколько свободно сидящем костюме. Когда он читал лекции, в аудитории делалось тихо, потому что говорил он всегда интересно и, рассказывая, тут же на столе возле доски показывал опыты. Еще в детстве Пиккар научился одинаково хорошо рисовать и писать обеими руками и теперь, на лекциях, всякий раз удивлял своих слушателей: совершенно спокойно он мог подойти к доске, взять мел в правую и левую руку и начать одновременно делать чертеж и писать к нему объяснение. Если нужно было сделать симметричный чертеж, Пиккар чертил его тоже сразу, и правой и левой рукой.

Студенты в нем души не чаяли и называли не иначе как «наш проф Огюст». Возможно, что в этом прозвище и есть немного фамильярности, но в абсолютном уважении к нему никто не сомневался.

С особым вождением ждали студенты дня, когда их любимый профессор являлся в аудиторию лысым: раз в год он обязательно сбривал свою могучую шевелюру. Как же они ликовали в эту минуту! Уж очень экстравагантной и смелой казалась им привычка профа Огюста.

Но он не только читает лекции. Его работа в аудитории не вытеснила, да и не могла вытеснить работу в лаборатории. Он разрабатывает свою теорию получения искусственных алмазов. Вместе с учителем профессором Пьером Вейсом открывает эффект, который можно использовать для получения сверхнизких тем-

ператур — лишь на несколько десятых градуса выше великой границы — абсолютного нуля. Эту работу он задумал, когда еще работал ассистентом профессора. Позже, когда исследования были закончены, оба профессора, учитель и его ученик, сделали два доклада в Париже в знаменитой на весь мир академии. Это была большая честь для Пиккара.

Старый Пьер Вейс очень гордился Огюстом и не раз предрекал ему большое научное будущее. Они оба любили и отлично понимали друг друга. Пиккар мог высказать любое мнение о их совместной работе без опасения, что Вейс что-то не так может понять. И тот, в свою очередь, знал: Огюсту можно прямо высказать все. Они удивительно подходили друг другу.

Потом Пиккар для Цюрихской геофизической обсерватории проектирует универсальный сейсмограф, прибор, способный замерить смещения в земной коре с точностью, по тем временам почти фантастической, — до одной двадцатой микрона. Около двадцати тонн весил такой сейсмограф. Многие, кто знал Пиккара в те годы, говорили о том, что он с особым удовольствием делал приборы с повышенной точностью. Это было его увлечением.

В это же самое время молодой неугомонный профессор изучает ледники в Альпах, потом, спустившись с гор, снова берется за дальнейшее исследование магнитных явлений. Его мозг постоянно требовал переключения с одних исследований на другие — не потому, что Пиккар уставал или ему просто по-человечески надоедало долгое время делать одну и ту же работу, колдовать с одними и теми же формулами — нет. Он хотел успеть сделать как можно больше. Это во-первых. И во-вторых, слишком многое его увлекало. Странно тут только одно: как он успевал доводить все до конца...

Ему было тридцать три года, когда он сделал боль-

шое открытие. Пиккар описал вещество, которое он назвал «актиноураном», — третье простое радиоактивное вещество из семейства урана. Пройдут годы, актиноуран Пиккара получают в чистом виде и увидят, что это не что иное, как уран-235, один из двух изотопов урана — главный делящийся материал для создания атомной бомбы. Пройдет еще время, и великий смутитель умов Альберт Эйнштейн, проследив за работами по исследованию изотопов урана, напишет Франклину Делано Рузвельту, президенту Соединенных Штатов: «Сэр! Последняя работа Э. Ферми и Л. Сцилларда, с которой я ознакомился в рукописи, позволяет надеяться, что элемент уран в ближайшем будущем может быть превращен в новый важный источник энергии...» Огюст Пиккар, конечно, не предполагал, какая судьба ждет его актиноуран. В науке это не редкость: далеко не всегда ученый может предсказать, что ждет его открытие в будущем.

А дороги Огюста Пиккара и Альберта Эйнштейна все-таки встретились. В физике неожиданно для всех грянул гром среди ясного неба — появилась теория относительности, которая заставила иначе взглянуть на многие первоосновы науки. С Эйнштейном соглашались — не соглашались, принимали его вызывающую теорию — не принимали. Все ждали и требовали экспериментального ее подтверждения. Но Эйнштейн, не будучи экспериментатором, был уверен в своей правоте. А одной уверенности не доставало. Нужны были неоспоримые доказательства.

Альберт Майкельсон, этот дотошный, въедливый в повседневной работе американец, ставит вместе с доктором Эдвардом Морли свой знаменитый опыт, вычисляет с невероятной точностью скорость света и показывает: скорость света одинакова в любом направлении. Эйнштейн рад необычайно, растроганно благодарит Майкельсона, но тут появляется другой амери-

канец — Миллер, который утверждает, что Майкельсон поставил опыт недостаточно тщательно, и у него, Миллера, результат получился немного иным. Противники Эйнштейна довольны: вся его теория вновь под сомнением и вот-вот развалится...

Майкельсон ставил свой первый опыт на равнине, Миллер — в горах, на высоте 1800 метров. Пиккар размышлял так: «Если в горах наблюдается иная картина, чем на равнине, то эта разница должна еще более увеличиться, если выполнить опыт на свободном аэростате». В конце июня 1926 года он со своим ассистентом поднимается в гондоле воздушного шара «Гельвеция» на высоту 4500 метров и с помощью очень точного интерферометра получает результаты, совершенно однозначно подтверждающие: Майкельсон был прав, скорость света неизменна во всех направлениях. Потом сам Майкельсон получил еще более точные данные, но Пиккар поставил опыт на большой высоте, где в то время никто, пожалуй, кроме него, такой опыт проделать не мог — тут мало быть физиком, надо еще быть аэронавтом. Вот почему Эйнштейн особенно благодарил Огюста Пиккара.

Пиккар пришел к конструкции своего шара не сразу. Шарльер — аэростат, созданный Шарлем, — целое столетие оставался без изменения: на оболочку, чтобы надежней ее удержать, накладывалась сетка, а уж к ней подвешивалась гондола. Выпускной клапан тоже изобретение Шарля. Конструкция оказалась надежной, пожалуй, даже и совершенной. Во всяком случае, сто лет никто не мог предложить что-нибудь лучше. А Пиккару для полета в стратосферу шарльер не годился.

По расчетам его, получалось, что шар объемом 14 130 кубических метров, наполненный водородом, на старте будет обладать подъемной силой, равной 16 тоннам. Эту силу необходимо уравновесить балластом.

А балласт — лишний вес, дополнительная нагрузка на оболочку. Чтобы выдержать эту нагрузку, оболочка должна быть сделана из очень прочной ткани. Естественно, что и сетка тоже должна быть повышенной прочности. В общем, получалось так, что на взлете шар оказывался чересчур тяжелым и, конечно же, в стратосфере уже не мог подняться. Вес и в стратосфере оставался величиной постоянной, а водород с высотой терял свою подъемную силу. На высоте 16 километров, куда собирался подняться Пиккар, кубометр водорода мог держать вес в десять раз меньше, чем на стартовой площадке, у самой поверхности земли.

Пиккар великолепно себе представлял: в оболочку нужно ввести столько газа, чтобы он занял лишь пятую часть ее объема. Тогда на большой высоте газ расширится и заполнит всю оболочку. Только в стратосфере шар станет шаром. А до этого оболочка будет в многочисленных складках, которые очень легко могут запутаться в сетке. «Мне не приходилось рассчитывать на ангелов-хранителей, расправляющих эти складки во время подъема», — говорил он, улыбаясь. И поскольку без оболочки обойтись было нельзя, он отказался от сетки, решив подвесить гондолу на поясе, прикрепив его к оболочке. Так появилась идея аэростата принципиально новой конструкции.

Теперь ему предстояло решить иной вопрос. Раз люди будут находиться в герметичной гондоле, они не смогут сбрасывать балласт старым, испытанным способом — высыпая песок за борт. Сначала Пиккар решил подвесить сверху к гондоле мешок из прорезиненной ткани с водой. Труба от мешка пронизывала бы кабину сверху вниз. Открывая кран, находящийся в гондоле, можно было бы выпускать воду. От этой мысли пришлось отказаться: трудно учитывать сброшенный балласт, да и вода на большой высоте про-

сто-напросто замерзла бы. Нужно было придумать что-то другое.

Ему помогло одно скромное наблюдение, которое он сделал еще мальчишкой. Как-то раз отец повел сыновей в зверинец. Они долго ходили меж клеток, пока не увидели большую толпу перед клеткой, в которой вместе со львом находился укротитель с хлыстом. Маленький Огюст смотрел на смелого красавца укротителя и думал только о том, как он сумеет выйти из клетки, не выпустив льва за собой. Вдруг зверь проскользнет за железную дверь? Разъяснилось все до обидного просто: укротитель открыл дверцу, вышел в соседнюю, совсем маленькую клетку, а дверцу за собой сразу же запер. Потом он открыл дверь маленькой клетки и вышел на улицу. «Я вспомнил эту сцену через сорок лет, — рассказывал позже Пиккар. — Укротителем был балласт, который нужно было удалить из кабины таким образом, чтобы лев, то есть воздух, не смог проследовать за ним».

В общем это была идея шлюза. Теперь осталось по этой идее построить герметическую камеру для отдачи балласта. Камера стала еще одним изобретением Огюста Пиккара.

Но и с балластом все оказалось не так уж просто. Скорее наоборот: препятствие возникло там, где Пиккар его вовсе не ждал. Песок не годился: слишком много места занимал бы он в гондоле. Больше всего подошла бы тут свинцовая дробь. Но увы! Международные правила авиации предписывали балласт в виде песка, воды или золы. Все остальное строгий параграф не допускал. А Пиккару нужна была дробь.

— Об этом не может быть речи! — заявили ему, когда он обратился за разрешением на полет. — У дроби, как вам известно, профессор, назначение совсем иного рода. Согласитесь, что с ней пристало больше

охотиться! Подумайте сами: это небезопасно — с такой высоты сбрасывать дробь!

— А если я докажу, что никакой опасности нет? — поинтересовался Пиккар.

— Там видно будет, — отвечали блюстители безопасности.

Ученый запасся мелкой дробью, влез в самый высокий камин Брюссельского университета и на глазах изумленных экспертов велел сыпать на себя дробь с крыши в трубу камина. Падая с высоты полусотни метров, свинцовый дождь совершенно не причинял беспокойства Пиккару.

— Ну а теперь? — спросил он. — Теперь, я полагаю, возражений не будет? Скорость падения отдельных дробинок становится постоянной при высоте значительно меньшей, чем эта. — И он кивнул на камин.

— Простите, профессор. В правилах сказано... — Это он уже слышал.

— Хорошо, — сердился Пиккар, — правила существуют для того, чтобы их выполняли, и для того, чтобы их обходили. Должен же быть какой-нибудь выход!

Выход был остроумен. «В качестве балласта я беру свинцовый песок!» — объявил профессор экспертам. В полной растерянности те согласились: песок брать можно. А какой это песок — в правилах точно не сказано.

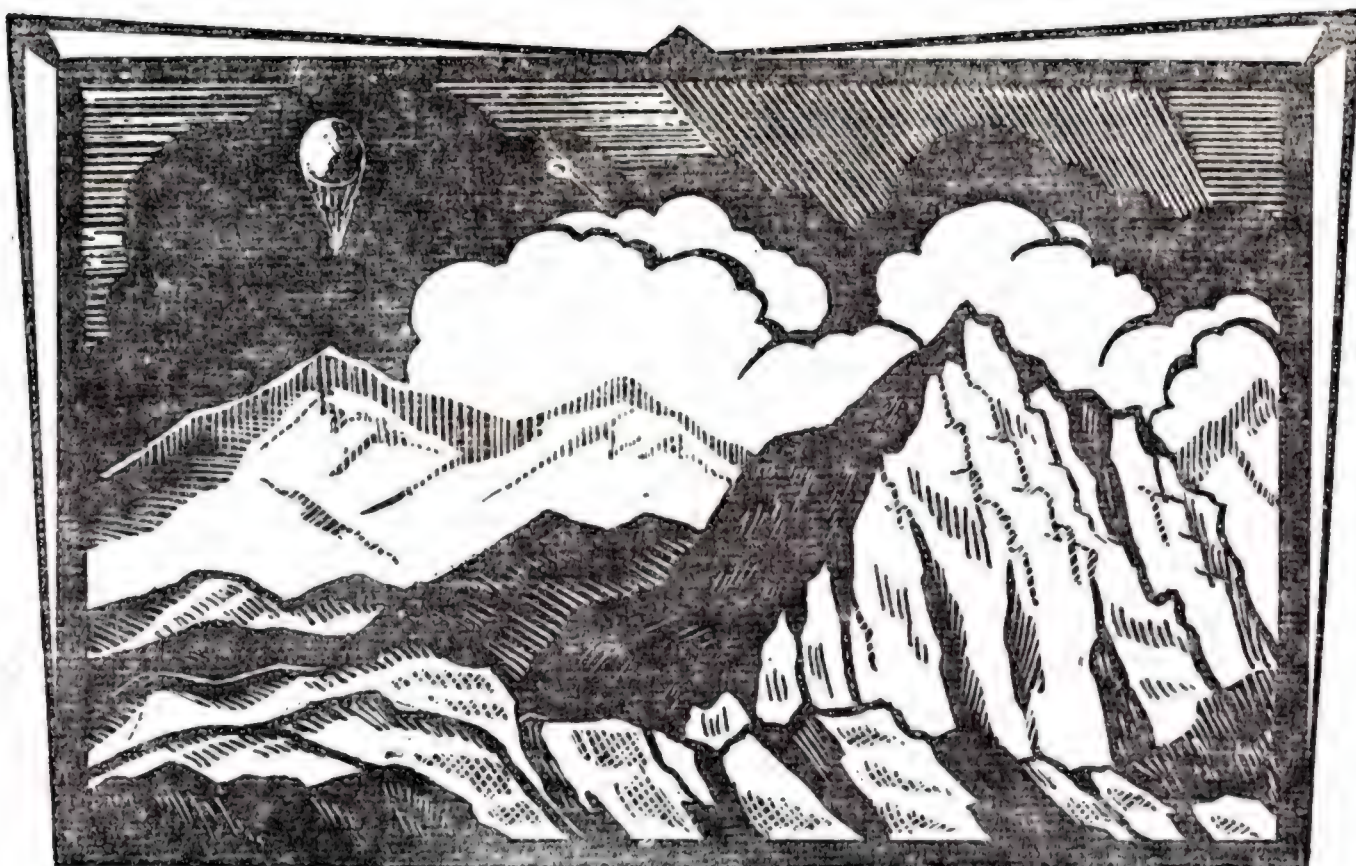
Пиккар от души веселился, рассказывая об этой истории брату: «И это мое заявление не встретило возражений, хотя, как известно, само понятие «песок» относится к веществам неметаллическим. Но никто еще никогда не видел и ничего не слышал о свинцовом песке».

Жан Пиккар внимательно следил за приготовлениями брата и чем мог помогал. Он предложил оригинальную систему мгновенного сбрасывания балласта

с гондолы аэростата — иногда это бывает нужно. Мешки с дробью укреплялись снаружи гондолы, и в каждом из них был установлен небольшой заряд взрывчатки, связанный с электрической батареей в гондоле. Если появлялась необходимость моментально сбросить балласт, нужно было нажать кнопку — мешки взрывались и дробь сразу же высыпалась.

Строительство гондолы и оболочки меж тем подвигалось. В Льеже и в Аугсбурге работа шла полным ходом. Следить за тем, чтобы все делалось в полном соответствии с расчетами и чертежами, Огюсту Пиккару помогал молодой швейцарский физик, его ассистент по университетской лаборатории, его друг Пауль Кипфер.

Пиккар уже сделал свой выбор: именно Кипфер стартует с ним в стратосферу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Им казалось, что стратостат недвижно висит высоко над землей, высоко над белоснежными холмами из облаков, плотно заставших равнины, горы и реки. Но он еще поднимался. Это можно было определить лишь по приборам: гондола висела совершенно спокойно, а в иллюминаторы, кроме облаков, ничего не было видно.

Кипфер молча работал с приборами — он уже приступил к наблюдениям. Часть измерений они собирались проделать во время подъема, но все свершилось так неожиданно быстро из-за той злополучной веревки, да и сам подъем оказался таким стремительным, что они ничего не успели сделать.

Наконец подъем прекратился. Шар, словно устав от быстрого взлета и растратив всю свою мощь, бесильно повис в стратосфере. Пиккар взялся за краны,

повернул их по очереди и, выпустив дробь, сбросил пятьдесят килограммов балласта. Шар снова пошел вверх. За короткое время они поднялись еще на несколько сотен метров.

Глядя на Кипфера, сосредоточенно делающего измерения, Пиккар довольно подумал: «Все-таки Пауль великолепен. Вряд ли кто другой смог бы так работать с приборами. Ему все равно, где он: в своей лаборатории, на старом потертом стуле или в стратосфере, в тесной гондоле. Как хорошо, что со мной именно Пауль».

От этих мыслей его отвлек снег. Внутри гондолы, медленно кружась и сверкая, стал вдруг падать рой серебристых снежинок. Иней, осевший на вогнутых стенах, когда гондола сильно остыла, теперь падал в виде снега. Значит, солнце согрело гондолу.

Еще перед стартом Пиккар обстоятельно продумал, как сделать температуру в кабине ФНРС постоянной. Мотор должен в нужное время придать гондоле вращение, и тогда к солнцу можно будет повернуть бок, окрашенный черной краской. Если же в кабине станет жарко, надо включить мотор и повернуть гондолу белым боком к солнцу. Но аккумулятор непонятно почему разрядился, и мотор оказался теперь бесполезен.

— Как дела, Пауль? — спросил Пиккар. — Тебе много делать еще?

— У меня все. Я кончил, — ответил Кипфер и пожал плечами. Оба прекрасно знали, что из-за быстрого подъема им не удалось сделать почти никаких измерений. Пиккар все время возился с щелью, а Кипфер представлял и приводил в порядок приборы.

— Тогда опускаемся. — Пиккар стал тянуть за веревку, чтобы приоткрыть маневровый клапан, но она совершенно по непонятным причинам не поддавалась. Еще не понимая, что с ней могло приключиться, профессор дернул сильнее — и вновь безуспешно. Как бы

то ни было, он понял: клапан ему не открыть. А это означает только одно: они не могут спуститься.

— Клапан бездействует, Пауль, — сказал Пиккар, повернув голову к Кипферу. Но тот и сам все прекрасно видел.

Они понимали, что к вечеру, когда солнце сядет, газ охладится, займет меньший объем, стратостат начнет опускаться. Но вот в чем вопрос, хватит ли им до этого времени кислорода? И не унесет ли ветер беспомощный шар в Адриатику?

Пиккар взглянул на приборы и увидел, что давление в гондоле медленно падает. Все-таки воздух выходит. Опустившись на колени, он снова замазал отверстие зонда. Потом, прикинув к иллюминатору, Пиккар пытался разглядеть, что случилось с веревкой. Это ему не удалось: слишком тесный обзор открывает иллюминатор. Тогда Пиккар постарался открыть клапан, натянув веревку лебедкой. Веревка, однако, не захватывалась на барабан, она перескакивала с одного желоба на другой, а вскоре и вовсе оборвалась...

Теперь стратостат неуправляем. Остается одно: ждать, когда сядет солнце.

...Пиккар и Кипфер молчали. Было очень тихо. Если не думать о том, на какой они высоте, может показаться, что гондола лежит на земле, где-нибудь в поле, на мягкой траве.

Пиккар сидел прямо, стараясь не прикоснуться спиной к холодной стенке гондолы, искрящейся инеем в электрическом свете. Он хотел собраться с мыслями и все хорошенько обдумать. «Так... — проносилось в его голове. — Наше положение, по-видимому, очень серьезно. Нам угрожает много опасностей. Возможно, что полет продлится и после полудня. Если гондола потеряет свою герметичность, мы задохнемся. Все зависит от ветра, спустимся ли мы вечером на Адриатике или на суше. Если веревка останется перепутан-

ной, как и теперь, она будет слишком короткой при спуске, когда аэростат вытягивается. Она натянется и откроет тогда клапан и оставит его открытым. Газ выйдет весь, но это еще не обязательно приведет к катастрофе, потому что аэростат должен принять форму парашюта. На худой конец, у нас с Паулем тоже есть свои парашюты. Как бы то ни было, ясно, что с открытым клапаном у нас не может быть благополучной посадки...»

Больше всего его беспокоил ветер. Сейчас он был слабым, ленивым, но Пиккар знал, что в стратосфере ветры нередко достигают огромной скорости. Приборы показывали: шар несло прямо к морю. Впрочем, можно было считать, что ветер их пока пощадил.

«А в общем-то это даже и хорошо, — неожиданно для себя подумал Пиккар. — Теперь можно спокойно сидеть и ни о чем не заботиться. Мы сделали все, что могли. В каждой ситуации, даже самой дурной, всегда есть что-нибудь положительное. Вот нам сейчас совершенно не нужно принимать какие-либо решения. Надо просто довериться ветру и шару».

Но вот обнаружена еще одна неприятность. Как будто их мало было в этом полете! Они не заметили, когда разбился большой ртутный барометр. Вполне возможно, что это случилось, когда они возились с веревкой возле лебедки. Не так было жалко барометр — бог с ним, еще есть, но из него на пол вытекла ртуть. Она могла очень быстро разъесть алюминий. Последствия, мягко говоря, обещали быть весьма нежелательными.

Надо немедленно удалить ртуть из гондолы. Насоса у них с собой не было. Пиккар рассеянно огляделся, стараясь найти какой-нибудь выход... Минутку... Если взять вот этот резиновый шланг, один его конец подвести поближе к ртути, а другой через кран вывести за борт, разница в давлении — за бортом-то

ведь вакуум — должна моментально выбросить ртуть. Пиккар подумал с довольной улыбкой, что еще ни один физик мира не обладал таким объемом вакуума, если только так можно о пустоте говорить... Во всей стратосфере они только вдвоем...

Пиккар спустил конец шланга на пол, а другой поднял и вставил плотнее в кран. Когда он открыл кран, все произошло, как он и предполагал. Снаружи из гондолы ударил сильный фонтан из смеси ртути с водой, собравшейся на полу, когда таял иней. Потом аэронавты внимательно осмотрели весь пол и обнаружили, что самые мелкие бусины ртути все же остались. Видно, придется с этим смириться...

«Ну вот, — думал Пиккар, — теперь действительно можно позволить себе отдохнуть. Столько тревожных за такое короткое время». — Впервые за весь полет он спокойно сидел возле иллюминатора. — «Какое красивое все-таки небо. Это самое прекрасное из того, что я когда-либо видел...»

Он смотрел дальше, за горизонт, отступивший перед его взглядом из стратосферы. Он видел, как небо, почти черное над головой, светлело по краям и там, где смыкалось с землею, совсем прояснялось. И какая ровная, поразительно четкая линия — грань лежащей внизу тропосферы... Белая, словно снежная грань, первозданное покрывало тумана над безлюдной равниной...

Пиккар смотрел на вершины, скрывавшиеся за облаками, и видел, как они проступали все яснее, отчетливее. Вот вырос один пик, потом — другой, третий, и вот уже весь горный хребет восстал, прорвав цепь облаков. Прекрасные скалистые горы... Чуть дальше по мере медленного движения шара поднялась еще цепь вершин. Многие из них венчали соболями шапки снегов... Пиккар узнал Баварские Альпы, высокие горы Тироля.

В эти минуты он обнаружил в себе неожиданные честолюбивые мысли: «Каждый швейцарский воздухоплаватель, да и любой другой тоже, мечтает перелететь через Альпы. Альпы — высокий, могучий рубеж, и Альпы прекрасны. И вот я сейчас пролетаю над ними».

Правда, радость его была несколько омрачена: он не знал этих гор. Он не знал Тироля, и у них не было подробной карты. Потому ему оставалось лишь любоваться изумительным зрелищем. И все равно он удовлетворенно подумал: «Ни один человеческий глаз до сих пор не мог так созерцать горы».

Кажется, в любую минуту своей жизни он сумеет по желанию вызвать перед глазами эту картину. Картину, которую поднесла ему стратосфера. Как-то позже он записал, что увидел тогда: «Сами облака казались горами. Они выступали из серых паров низин и появлялись среди гор. Прекрасные белые облака! Они громоздились, как башни, более высокие, чем все вершины, достигающие 4000, 6000, возможно даже 8000 метров. Всякий видел их снизу, а мы видели их сверху. Вуали больше не было над ними. Освещенные солнцем стороны их сверкали, теневые были очень мрачны...»

Никогда еще человек не видел свою землю с такой высоты.

В кабине меж тем делалось жарко. Еще недавно им казалось, что они сидят внутри ледяного кристалла и, дрожа от холода, думали, что долго так не вытерпят, а теперь мечтали о тех минутах, когда стены гондолы белели от инея. Вся беда в том, что уже долгое время гондола висела, обернувшись к солнцу одной, зачерненной стороной. Вот почему температура повышалась.

Пиккар огляделся, поискал бутылки с водой — очень хотелось пить, но нашел только одну, неболь-

шую. «Просил же две положить, — с раздражением подумал профессор, — и вот, пожалуйста, бутыл побольше забыли. Всегда надо делать все самому».

Кипфер вопросительно на него посмотрел, и раздражение профессора сразу же улеглось. «Ну, Паульто, во всяком случае, здесь ни при чем, — подумал он. — На Пауля можно как раз во всем положиться».

Маленькую бутылку они моментально опустошили. На полу, под деревянным настилом собралось достаточно много воды, сбегавшей по стенам, когда таял иней, она еще оставалась прохладной и приятно освежила пальцы, когда Пиккар коснулся ее. Но вода была грязной, с пылью, маслом и ртутью.

— Вот здесь есть немного воды... — позвал его Кипфер.

По теневой стороне гондолы струился слабый ручей — это осаждались выдыхаемые ими пары. Стратонавты, по очереди припадая к стене, несколько раз смочили язык. Это не принесло облегчения. В гондоле было сорок жары...

Тогда Пиккар вспомнил, что у них в баллонах есть жидкий кислород, температура которого минус сто восемьдесят. Он взял баллон и немного отлил в алюминиевый стакан. Пока кислород испарялся, снаружи на стакане нарастал толстый слой инея. Они сгрызали этот иней.

Оба, раздевшись до пояса, ждали, когда иссякнет жара. Это должно было случиться только в одном случае — когда солнце встанет в зените. Тогда шар закроет гондолу собственной тенью, и она постепенно остынет.

В 12 часов 30 минут шар заслонил их от солнца. В первый раз за долгое время они облегченно вздохнули. Еще раньше они договорились не волноваться, держаться совершенно спокойно, чтобы не увеличивать

расход кислорода. Они не знали еще, сколько времени им предстоит просидеть взаперти, а кислорода оставалось немного. Если шар еще долго не станет спускаться, на двоих им этого запаса не хватит. И Пиккар вновь обращался к приборам, стараясь не упустить момента, когда пойдут на снижение.

А барометр вдруг показал — шар поднимается. Но это длилось недолго — вскоре он снова снизился. Стратостат вел себя очень странно — он словно бы колебался у своей верхней границы, еще не надумав окончательно вернуться на землю. Пиккар волновался...

Снова стратостат спустился на несколько метров и тут же немного поднялся. Нет, положительно он испытывает их терпение! Профессор берет записную книжку, быстро пишет карандашом — прикидывает, если они вот с такой скоростью, два-три метра вниз, потом один вверх, будут спускаться, когда они коснутся земли? Получилось — через пятнадцать дней. «Веселая это будет история», — в который раз подумал Пиккар. На всякий случай он перекрывает потуже кран в аппарате дрегера, уменьшив подачу кислорода до одного литра в минуту. Подумал: «0,75 литра хватит». А если считать так, как должно быть, то два литра — самая норма.

«Ничего, — говорит он себе, — спуск все же начался, а это самое главное...»

Как медленно катится солнце за горизонт! Наверное, никогда и никому еще так не хотелось, чтобы скорее кончился день. Вечер для них — это желанная прохлада, это быстрый уверенный спуск.

Только к восьми часам вечера они спустились до высоты двенадцати километров и подошли к тропосфере. Туман, внезапно плотно окутавший горизонт, показал, что они стали внедряться в плотные слои тропосферы. Наконец-то они увидели облака не далеко

внизу, под собой, а совсем рядом. А над ними уже появились первые звезды, ярким светом засветилась Луна. Вот и сгустились желанные сумерки. Солнце скрылось, будто спугнутое прохладой и сумраком. Стратостат пошел вниз быстрее. Он вновь стал таким же, как в ранний утренний час перед полетом, — сморщился, вытянулся.

Пиккар и Кипфер увидели, как конец веревки от клапана исчез в темноте у основания оболочки. А они так надеялись до него дотянуться из люка, когда крышки можно будет открыть...

Пиккар подумал о самом моменте посадки. Он понимал, что удар обещает быть достаточно жестким; сбросить балласт, чтобы его ослабить, им не удастся: все из-за того же закрытого клапана. Если они сбросят балласт, стратостат может взвиться до прежней высоты...

И еще одна мысль беспокоила Огюста Пиккара: он не представлял, где они сядут. Скорее всего где-то в горах. Очень возможно, что гондола после удара покатится по земле, и тогда они с Кипфером могут пораниться о приборы. Поэтому Пиккар решил было связать все тяжелые приборы и на длинной веревке спустить их в корзине за борт. «К тому же это ослабит удар...» — прикинул Пиккар.

«Нет, — остановил он себя, — об этом не стоит и думать. Корзина с приборами может слишком легко оторваться, и это будет равносильно отдаче балласта...»

Приборы они оставляют в гондоле. Даже массивные баллоны с кислородом. Правда, они накрепко привязаны.

Аэростат идет к земле все быстрее и быстрее. Всем своим телом они ощущают это скольжение.

— Давление снаружи и в гондоле сравнялось! — Кипфер с радостным выжиданием смотрел на профес-

сора. — Высота — четыре с половиной тысячи метров, профессор.

Пиккар поднес руку с часами поближе к глазам. Было 20 часов 50 минут.

— Можно открыть люки, — сказал он.

Крышки люков открыли одновременно. И сразу же гондола наполнилась свежим, холодным воздухом. Они с наслаждением полной грудью вдохнули его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В этот теплый солнечный день в Тюильри приехали многие парижане. На большом, ровно подстриженном поле возвышались цветные шары, возле каждого из которых сустились люди. Шли последние приготовления к старту гонок на воздушных шарах. Победителя ждал желанный трофей — кубок знаменитого американского журналиста, издателя Джеймса Гордона Беннетта, покровителя многих, если не всех спортивных муз. Среди тех, кто готовился к старту, не было человека, не мечтавшего получить приз и вместе с ним титул лучшего аэронавта Европы. Но и среди тех, кто не собирался в полет, многие мечтали подняться на шаре, чтобы хоть раз в жизни бросить взгляд с высоты, чтобы ощутить легкий безмолвный полет.

Огюст Пиккар, двадцативосьмилетний инженер-механик из Цюриха, еще никогда не летал. В тот лет-

ний день 1912 года он появился в Париже, чтобы простым рабочим участвовать в подготовке к полету одного из шаров. Яркий баллон, возле которого молча трудился Пиккар, носил пышное имя «Гельвеция». Лететь на нем собирался известный француз — поэт и писатель Анри Боклер.

Один за другим, сопровождаемые восхищенными взглядами и возгласами присутствующих, поднимались в небо аэростаты, похожие на ярко раскрашенные детские мячи. Ветер подхватывал их и нес все выше и выше, подальше от людских глаз, как зверь, уносящий свою добычу.

Почувствовав свободу, взмыла и «Гельвеция». Боклер, поднимаясь, что-то кричал Пиккару, но тот не слышал. Стоя на зеленом ковре газона, он провожал глазами летящий шар, под которым еще плавно качалась корзина. Много бы он дал, чтобы оказаться сейчас в этой корзине... Как он завидовал в те минуты тем, кто стоял в зыбкой плетенке из ивовых прутьев... Завидовал поэту, летевшему исключительно для того, чтобы получить удовольствие и, кроме того, «аэронавтика — спорт смелых мужчин», как многие тогда говорили. Завидовал всемирно известному авиатору Эдуарду Шпельцерини, совершившему более четырех сотен полетов на шаре, этому замечательному аэронавту в хрустящей кожаной куртке, в кожаных перчатках с огромными крагами и в кожаном шлеме с очками, которые он во время полета опускал на глаза. Сколько юных сердец томилось, глядя на многочисленные портреты этого покорителя небесных высот... Ах, Шпельцерини...

Пиккар мечтал стать таким же аэронавтом, как он. Но Шпельцерини был только спортсменом, Огюст же хотел летать ради науки. У него уже накопилось довольно много вопросов, ответы на которые он мог бы получить, лишь поднявшись на шаре.

Свой первый полет он помнил всю жизнь. «Сен-Готард» — так назывался его воздушный корабль. 19 июня 1912 года молодой инженер отдал балласт и поднял шар в воздух. В конце сентября — второй полет. После этих полетов Пиккар понял: теперь он не может не летать. Тот, кто хоть раз в жизни познал вкус чистого, высокого неба, никогда не забудет его.

Однажды Огюст, поднявшись с окраины Цюриха, долгое время летел в ночной темноте. Небо было чистым, и звезды, казалось, у горизонта ложились на землю. Где-то внизу желтели скудные россыпи желтых огней — в деревушках не спали, изредка доносился собачий лай — наверху так хорошо было слышно его... Шар крался в ночном небе беззвучно, невидимый и неслышный для тех, кто жил на земле.

Огюст наслаждался своим одиночеством. Здесь, наверху, в тихом и плавном скольжении шара, так хорошо думалось... И тщетными в такие минуты могут показаться отсюда земные заботы, волнения, которые еще недавно казались неодолимыми...

Пиккар летел, чтобы проделать измерения температуры воздуха на разной высоте и над разным ландшафтом. Работу он кончил и теперь сидел, положив руки на край корзины. Когда впереди показались огни большого города, Огюст уже знал: это Базель. Тут же пришла озорная мысль: «Хорошо бы найти свой дом и покричать своим что-нибудь сверху».

Он спустился ниже. Ветер был слаб и позволил над городом маневрировать. Как ни странно, дом он быстро нашел, ориентируясь лишь по огням, еще спустился и, не веря себе, что отыскал-таки дом, начал громко кричать. Только одно окно на фасаде светилось — окно его матери. Он кричал, представляя ее изумление. Но она не слыхала его. Возможно, ей и послышался

голос Огюста, но она знала, что его быть здесь не могло — он должен сейчас мирно спать в Цюрихе. И ветер унес шар от дома, оставив вдалеке свет в одиноком окне...

И еще один полет он запомнил — шестой по счету — в феврале четырнадцатого года. Неважно, что его «Скалл» был совсем маленький аэростат, неважно, что не был далеким полет. В тот день он получил диплом пилота аэростата.

Берегитесь, синьор Шпельцерини! Пиккар будет выше летать!

...Но грянула война. Пришел четырнадцатый год. Швейцария держала нейтралитет, но мобилизацию правительство объявило. В воюющих армиях, отдавая дань техническому прогрессу, создавались воздухоплавательные подразделения, и в маленькой Швейцарии тоже. Ходили слухи, что вот-вот, впервые в истории человечества, грянет опустошительная воздушная война. На аэростаты, дирижабли и первые самолеты ставили легкие пушки и пулеметы, цепляли гирлянды авиабомб. В армиях шло спешное обучение летного состава.

Огюст и Жан были мобилизованы и зачислены в летный отряд. Звание молодому доктору наук и его брату дали самое скромное, невзирая на научные титулы. Впрочем, солдатские нашивки их отнюдь не смущали. Зато сами братья, как в былые годы в гимназии, нередко смущали начальство: в мундире они еще больше казались похожими. Жан позже вспоминал с неизменным удовольствием, что чаще всего виноватым был он, а наказывали почему-то Огюста. Можно понять растерянность их сержанта, когда оба длиннющие брата, браво вытянувшись, стояли по стойке «смирно» и, не мигая, смотрели ему в глаза — он совершенно не был уверен, кто из них действительно виноват.

Служили братья вместе недолго: скоро Огюста отозвали из армии для преподавания в Высшем училище в Цюрихе.

Чем он занимался в науке в ту пору... Его влекла авиация. Он разрабатывал теорию полета самолета на большой высоте. Еще и самолетов таких даже в проектах не было, а он предвидел: обязательно будут. И уже тогда подумал о пилоте высотного самолета: пилот должен сидеть в кабине с нормальным давлением и не зависеть от перемены давления за бортом самолета. Он предлагает создать герметическую кабину — и получает отказ: «Простите, профессор, это не нужно».

Пытаясь возразить, он сказал: «Сегодня — да, но завтра такая кабина понадобится!»

Ему отвечали: «Возможно, профессор. Но не сегодня».

Очень часто ему приходилось выслушивать по поводу своих предложений: рано, еще не время. А он знал: надо начинать работать сегодня, чтобы было в самый раз завтра.

Он привык это выслушивать и приучил себя воспринимать не волнуясь. Время покажет, кто прав. И потом впереди столько работы...

Они познакомились в Цюрихе, вскоре после того, как Огюст вернулся из армии. Ее звали Марианна Дени, она была стройной, худенькой девушкой, и он почему-то испытывал чувство неловкости, когда встречался с нею глазами. Кажется, она тоже очень смущалась. Этот очень высокий молодой профессор ей нравился.

Марианна была француженкой, дочерью Эрнеста Дени, известного историка, профессора Сорбонны. Она изучала литературу. В Швейцарию ее отправили собирать материал для диплома, найти последние недостающие звенья в работе.

Они часто встречались, бродили по старому городу, стояли на мосту, подолгу глядя в бегущую воду, а потом ей пришло время уехать. Огюст ее проводил, еще не зная, когда они встретятся, и, кажется, только после того, как мимо него проплыл, мерно покачиваясь, последний вагон поезда, который увез Марианну, понял: он любит ее.

Огюст часто писал ей, она сразу же отвечала.

Через несколько лет, в 1920 году, они поженились. Их родители гадали, где, в Швейцарии или во Франции, захотят жить молодые, а они не гадали — им все равно. Они будут вместе, и это для них самое главное.

Обычный случай решил их судьбу. Огюст получил кафедру в Высшем училище, и в это же самое время получил письмо из Брюсселя, в котором его приглашали в знаменитый Свободный университет. В университете организовывали новую кафедру прикладной физики и, перебирая возможные кандидатуры, остановили свой выбор на Огюсте Пиккаре. Он молод, но уже многое сделал, его имя в науке известно, на его труды ссылаются многие научные авторитеты. В конце концов, молодость — это достоинство. Энергичный, полный замыслов профессор — разве можно желать более подходящего человека на кафедру?

Пиккар все взвесил, прежде чем дал согласие. Главное, что его соблазнило, — это хорошо оборудованная лаборатория, которую ему обещали при кафедре. Вот тут он устоять уж не мог.

И вот они в Брюсселе. Живут в маленькой квартирке, принадлежащей университету, в котором Огюст с прежним успехом читает лекции и увлеченно работает в лаборатории. Студенты и здесь любят Пиккара, известного своими трудами, известного своими полетами на аэростатах. Не каждый профессор имеет за плечами такое эффектное прошлое...

А через год у Марианны рождается дочь — Дениза, еще через год — сын Жак, семейству, столь быстро выросшему, становится тесно в скромной университетской квартирке, и Огюст подыскивает небольшой особняк на тихой улочке неподалеку от центра. Здесь, на авеню Эрнестин, 20, у Пиккаров родились еще три дочери — Марианна, Элен и Женевьева. Здесь семья Пиккаров прожила тридцать лет.

Это было дружное, веселое семейство. Отец любил вывозить свое многоголосое семейство за город на прогулки. В воскресные дни они все вместе нередко ехали в зоопарк — отец хотел, чтобы его дети знали и любили животных. Жак унаследовал от отца любовь к технике. Кто знает, может, уже тогда профессор Пиккар, глядя на игры сына, думал о далеких еще временах, когда он, Жак Пиккар, сын Огюста Пиккара, пойдет дальше дорогой отца. Сыновья всегда должны идти дальше отцов. Но редкому отцу выпадает в жизни такое счастье — увидеть в сыне воплощение своих собственных замыслов.

Огюсту Пиккару такой жребий выпал.

Наверное, степенный профессор, глава большого семейства должен был выбросить из головы мечты своей далекой юности, расстаться с ними навсегда... Полеты в небо? Это прекрасно, но эксперименты в лаборатории куда важнее, и столько сил и времени на них уходит. Глубины моря? Чудесные, далекие мечты... До них ли человеку, который каждый день читает лекции в университете...

Но в том-то и дело, тем-то и удивителен этот человек, что он никогда не позволял себе отказаться от, казалось, совершенно несбыточных планов юности. Можно было подумать, что Огюст Пиккар дал себе тайную клятву — быть всегда, всю жизнь верным мечте — и ни на пядь не отступил от нее.

Уже несколько лет профессор Пиккар не поднимал-

ся на шаре. За это время он заново устраивал свою жизнь — в чужой стране, на новом месте. Пока ему было не до полетов... Но он непременно решил участвовать в гонках на все тот же приз Гордона Беннетта, в которых он так хотел выступить еще одиннадцать лет назад, когда снаряжал на старте «Гельвецию». На сей раз ехать никуда не пришлось: старт давался в Брюсселе.

Двадцать один шар приготовился к гонке, и, наверное, это было бы замечательное зрелище, не испортись на арене погода. Небо буквально на глазах обложило тучами, поднялся ветер. Но победителя ждал приз — 10 тысяч золотых марок, — надо было только пролететь по прямой наибольшее расстояние.

Старт решили не откладывать, и профессор Пиккар на своем «Цюрихе» вместе с двадцатью другими аэронавтами отправился в путь.

Трое из них не добрались до цели: аэростаты сгорели после прямого удара молнии... Но гонки не останавливались — все стремились к победе. Пиккар открыл выпускной клапан, пролетев чуть более девятиста километров, и опустился в Голландии, неподалеку от местечка Эйндховен. Он был слишком трезв и расчетлив, чтобы исключительно ради спортивного результата рисковать собственной жизнью. Ради науки — дело другое, тут вопрос для него не стоял.

Пиккар отовсюду извлекал урок и из этого, по существу, неудачного полета тоже. Через год он публикует работу, где с точки зрения физика объясняет опасность молнии для аэростата. Пусть кого-то предохранит его опыт...

Говорят, что именно после этого неудачного старта Пиккар задумал полет в стратосферу.

Стратостат, несмотря на необычность заказа, сделали быстро. Через полгода оболочка и гондола были готовы. В июле тридцатого года профессор Пиккар

едет в Льеж, чтобы испытать гондолу на герметичность. От этих испытаний зависит многое.

Пиккар вспоминает такой эпизод. В отличие от барокамер прежней конструкции в его гондоле отверстия для люков были сделаны круглыми. Он хотел добиться более надежного уплотнения. Раньше крышки делали овальными, протаскивали внутрь, повернув меньшим диаметром, потом разворачивали и ставили на место. Поэтому Пиккар приказал сначала положить внутрь гондолы обе крышки, а уж потом ставили последний лист алюминиевой обшивки. Иначе крышки не затащить: их диаметр равен диаметру люка.

«Директор завода был со мной согласен, — писал Пиккар, — но возражал производитель работ. Он лучше других знал, как взяться за дело. Он строил уже не первую барокамеру и всегда видел, что крышки люков ставят в последнюю очередь. Я думаю, что он никогда не понимал, почему отверстия люков делаются овальными. Для него, человека практики, имел значение только опыт. Он не очень доверял теории и ни на кого не полагался. Его не могли убедить даже сильнейшие доводы профессора университета, который, по его мнению, был отвлеченным от жизни мыслителем.

Рабочий сделал, конечно, по-своему. Профессор стал возмущаться:

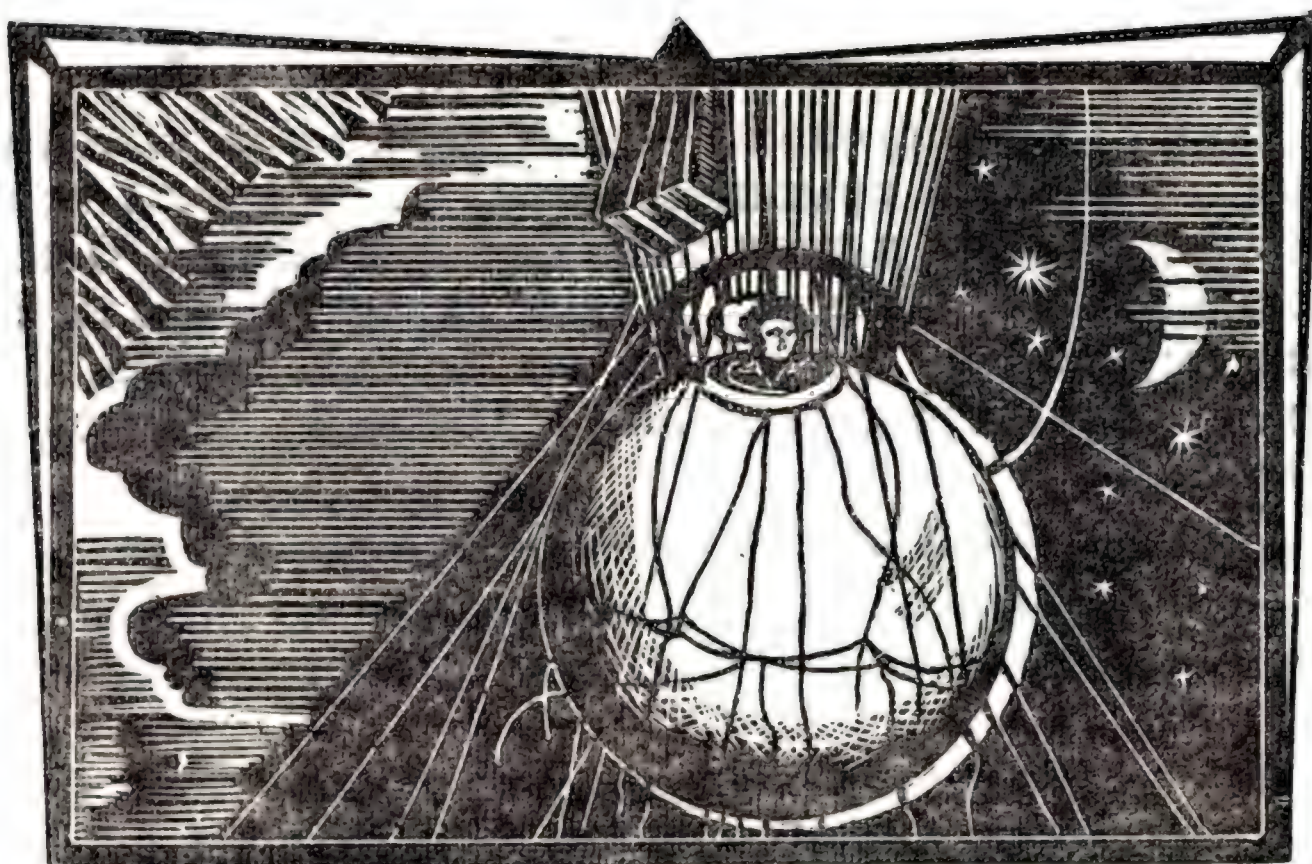
— Но теперь вы не сможете ввести внутрь гондолы крышки!

— Но я не понимаю почему? — ответил рабочий, совершенно уверенный в том, что его опыт стоит больше, чем знания десяти профессоров университета. Он взял одну из крышек и начал ввертывать ее изо всей силы, подобно ребенку, старающемуся засунуть в кастрюлю ее крышку. Однако, когда я через короткое время вернулся на завод, обе крышки были внут-

ри гондолы. Я воздал должное искусству рабочих...

Как они это сделали — для него осталось загадкой. Больше того, на крышках Пиккар при самом тщательном осмотре не нашел никаких изменений. Они абсолютно плотно ложились в свои гнезда. Гондола с успехом выдержала испытание на герметичность. С большими предосторожностями Пиккар перевез ее в Аугсбург.

Час стратосферы был уже близок.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пиккар просунул голову в люк, огляделся и сразу же увидел рядом с собой голову Кипфера. Он тоже не смог удержаться от соблазна выглянуть в люк — слишком уж им надоело тесное пространство гондолы.

Стратостат быстро спускался и был уже ниже самых высоких гор, чей черный силуэт четко рисовался на темно-фиолетовом фоне ночного неба. Над ними ярко сияли звезды, свет Луны заливал серебряным сиянием окрестности, посверкивали безобидные вспышки двух местных гроз, заставлявших изнутри светиться серые облака.

Профессор попытался прикинуть скорость спуска, чтобы рассчитать, сколько надо сбросить балласта. Ему показалось, что скорость около двух-трех метров в секунду. Осторожности ради Пиккар выбросил всего лишь два мешка с дробью. Спуск стал плавнее.

В свете Луны они хорошо видели место, где опустились. Неподалеку виднелась седловина высокой горы, покрытой матовым льдом, а внизу — голые скалы и гладкие поля ледников. Блеснули огни деревеньки. Пиккар достал карманный фонарь и посигналил в ее сторону. Сигналы, как он узнал позже, увидели.

Гондола быстро плыла навстречу ровному ледяному плато. Кипфер стоял наготове, держа в руках веревку разрывного приспособления и ожидая команды Пиккара вскрыть оболочку.

Команда... Кипфер резко дернул веревку. Гондола ударилась о ледник, по инерции, подобно мячу, перескочила через него, оставив под стратонавтами целую сеть глубоких трещин, потом еще покатила — и замерла.

Один из люков оказался как раз над Пиккаром, и он хорошо видел, как ветер колыхал сморщенную, еще не успевшую опасть оболочку. Пиккар подумал еще: «Как бы она не вздумала упасть на гондолу... Все-таки 630 килограммов не шутка...» Но оболочка медленно, словно устав, легла на ледник. Газ выходил из нее долго еще, и она напоминала огромное фантастическое существо, умирающее ночью в горах...

Пиккар посмотрел внутрь гондолы и среди груды вещей и приборов увидел Кипфера, который старался выбраться наверх.

— Цел? — спросил Пиккар Кипфера.

— Цел. А вы?

— Я тоже, — ответил Пиккар и взглянул на часы. Было девять. Шестнадцать часов длился полет.

Они вылезли из гондолы, огляделись. Просто поразительно, что они не свалились в одну из многочисленных трещин... Место пустое, суровое. Гондола одиноко лежала на леднике, похожая на корабль, прилетевший из космоса и теперь покинутый своим экипажем. Черными глазницами зияли открытые люки.

Кипфер нашел в гондоле апельсиновые корки и обрадовался им, как свежим плодам. Взяв по куску льда, они потерли им по глянцевиной поверхности корки и получили по глотку фруктовой воды. Обоим показалось, что никогда в жизни им не доводилось пить что-нибудь более вкусное.

Потом оба задумались: где мы? Высота 2800 метров. Но где этот ледник — в Швейцарии? В Австрии? А может, в Италии? Никто из них не мог точно ответить. Впрочем, сейчас это не так уж важно. Важнее другое, то, что им придется здесь ночевать.

А ночь вокруг них разливалась волшебная. Сквозь рваные тучи сияли яркие звезды, грозное облако, идущее стороной, то и дело подсвечивалось зигзагами молний, а впереди черный провал ущелья. Тихо. И ни следа человека.

Стратонавты развернули большое полотнище старой балонной материи, которое взяли с собой для того чтобы уложить в него оболочку, уселись, достали «неприкосновенный запас» — как раз для этого случая, на алюминиевой спиртовке подогрели бульон, из молочной муки приготовили нечто отдаленно напоминающее молоко — но только цветом, не вкусом — поужинали. Потом завернулись в балонную ткань и попытались заснуть.

Кипфер, кажется, спал, а Пиккар ворочался с боку на бок, переживая события минувшего дня. В голову лезли всякие мысли, которые не давали забыться, расслабиться.

«Как хорошо здесь сейчас. Замечательный отдых. Быть может, лучше не засыпать? И как приятен вот этот, едва слышный плеск воды. Откуда он? Опять этот свист! Утечка! Куда же я дел вазелин и паклю?» — Пиккар вскакивает, но тут же приходит в себя. Нет, это не свист выходящего воздуха. Это шум водопада...

Рано утром они обсудили свое положение. Дороги нигде не видно. Нет даже тропы. Можно было бы начать спуск по долине, но она кажется очень длинной — кто знает, куда она приведет... Быть может, лучше идти по ущелью? Но до него еще надо добраться, преодолев глубокие трещины... В свете приходящего дня они внимательно оглядели склоны и неожиданно на одном из них увидели избушку. Судя по всему, она была брошена. Но должна же куда-нибудь вести тропа от нее... Они решили подняться к этому жилищу.

Пиккар разложил на снегу опознавательные знаки аэростата на случай, если мимо пролетит какой-нибудь самолет. Кипфер из бамбукового шеста, который он нашел в снаряжении, сделал два альпенштока, они обвязались веревками и тронулись в путь.

Шли осторожно, то и дело останавливаясь, часто щупая снег бамбуковой палкой — очень просто провалиться в припорошенную трещину.

Пиккар вспомнил, как полковник Вало Гербер, снаряжавший его в полет, говорил: «Напрасно вы не берете полное горное снаряжение. Вы можете пожалеть об этом, профессор». Пиккар тогда ответил ему: «Ну уж если стараться предвидеть все, то нам надо бы взять с собой смокинги — на случай, если мы сядем рядом с курортом!»

Около полудня они встретили спасательный отряд, вышедший к ним навстречу из тирольского селеньица Гургль. Это его огни Пиккар видел из гондолы, снижаясь. И только сейчас они узнали, что приземлились на территории Австрии. Ледник, где осталась лежать их гондола, назывался по имени селения — Гургль. Отныне его будут именовать ледником Огюста Пиккара.

В тот же вечер сорок человек поднялись на ледник, чтобы спустить оболочку. Несли эту гигантскую,

семидесятипятиметровую змею на плечах, осторожно, боясь повредить. Много часов спускался отряд с ледника. А гондолу Пиккар оставил на леднике — она была попорчена ртутью и уже не годилась для новых полетов. Около года она лежала в горах и только потом, при поддержке студентов и служащих Инсбрукского университета, ее спустили в долину, перевезли в Брюссель и поместили в музей.

В то время к Пиккару обращались многие ловкие люди с просьбой дать гондолу напрокат. Разумеется, не для полета, а для показа во многих странах. За деньги, конечно. Ему говорили, что все его затраты на полет в стратосферу сразу окупятся, что он еще сможет очень неплохо заработать на ненужной гондоле — ведь теперь это настоящая ценность! Пиккар упорно, резко отказывался. Он не хотел спекулировать на своем достижении.

Только в Гургле Пиккар и Кипфер узнали, что во всем мире их считали погибшими. На борту ФНРС не было радиостанции, и долгое время о стратонавтах ничего толком не знали.

Перед полетом профессор заявил, что он рассчитывает опуститься через семь часов после старта, но вот прошло уже восемь... десять... двенадцать. Стало ясно: что-то с ними случилось.

Один предприимчивый журналист в Аугсбурге кинулся на завод, где делали оболочку, взял интервью у директора и передал сообщение: «На заводе опасаются за судьбу исследователей, так как профессор взял с собой кислорода только на десять часов». Другие журналисты проверили это сообщение — оно подтвердилось, и многие газеты вышли в тот вечер с известием: Пиккар и Кипфер погибли.

Один репортер с богатым воображением писал в вечернем выпуске: «Окутанный молчанием, в саване ночи, неуправляемый и беспомощный стратостат Пик-

кара бесцельно плывет над ледниками Тирольских Альп. Впереди только смерть».

В Париже, на заседании французского правительства Пиккара посмертно награждают орденом «Почетного легиона»...

И вот наконец телеграмма из Гургля: «Они здесь! Сели!»

Телеграмму тотчас внесли в покои Альберта, короля Бельгии, и положили ему на письменный стол. Король поднялся и вышел к королеве Елизавете — она тоже ждала вестей о Пиккаре. Услышав долгожданную весть, королева отправилась в сад, своими руками срезала несколько белых роз и повелела букет тут же отправить по адресу: «Брюссель, авеню Эрнестин, 20. Госпоже Марианне Пиккар».

Та получила цветы и сообщение: они сели, чувствуют себя хорошо... А в полночь ее поднял с постели телефонный звонок: это был он.

Она сама рассказала потом так об этом полуночном звонке: «Разговор продолжался более двадцати минут. Еще бы! Когда он подошел к концу, нам обоим стало неловко за столь продолжительную болтовню, и мы подумали, что завтра нам придется расплачиваться за это. Мы, должно быть, наговорили более чем на 600 франков! 600 франков — это была немалая сумма для семьи молодого университетского профессора». Но час расплаты для них не настал: на другой день из управления телефонных станций им сообщили, что этот трогательный разговор, «которым профессор Пиккар успокоил свою семью и весь мир», управление берет на свой счет. По правде сказать, этот щедрый жест был очень уместен.

В самом забавном положении оказались французы: Пиккара наградили посмертно, а он, слава богу, жив! Но живого человека наградить надо было орденом другой степени... И Пиккар получает сразу второй орден

«Почетного легиона» — золотой орден третьей степени с шейной лентой. Никто, кроме Пиккара, не становился столь быстро кавалером этого ордена.

С этой поры слава не покидала его. Третьего июня 1931 года Пиккара и Кипфера встречал праздничный Аугсбург. Он вернулся в город, из которого ушел в стратосферу. Эскадрилья из трех самолетов сопровождала Пиккара в тот же день вечером, во время его перелета в Цюрих. Двадцать тысяч человек, более полутысячи автомобилей встречали на аэродроме профессора. Кажется, никогда прежде человек науки не удоставлялся такого приема...

Потом торжественный прием в Швейцарском аэроклубе. Попасть на него могли лишь немногие. Президент аэроклуба, некто полковник Месснер, выступая, сказал:

— Желаю вам, профессор, чтобы мировой рекорд высоты, поставленный вами, не был побит в течение многих лет!

И тогда Пиккар произнес слова, которые остались жить и после него:

— Для меня будет большой радостью, если и другие стратонавты последуют моему примеру и поднимутся выше, чем удалось подняться мне. Целью моей являются вовсе не рекорды и тем более не удержание их за собой, а стремление открыть новые области для научных исследований и воздухоплаваний.

Эти слова мог сказать только такой человек, как Пиккар.

Через несколько дней поезд везет отдохнувшего после полета и безмерно уставшего от бесконечных приемов Пиккара домой. Экспресс Цюрих — Брюссель на подъезде к столице Бельгии замедляет ход и останавливается. Пассажиры с недоумением выглядывают в окна, читают название маленькой станции: Ватермаль. Смотрят в расписание — нет, поезд здесь не дол-

жен стоять... Поезд трогается, и в купе к Пиккару втискивается все его шумное семейство в бесчисленных лентах, бантах и кружевах, и вместе с дочерьми и сыном его Марианна. Поезд остановился здесь для того только, чтобы соединить семейство Пиккаров, чтобы оно было в полном составе на встрече в Брюсселе.

Взволнованная Марианна потребовала у мужа дать слово, что он никогда больше не полетит в стратосферу. Пиккар обещает ей это...

И вот встреча... Профессор растроган... Он не ожидал такой популярности... Вся вокзальная площадь забита народом... Принц Леопольд встречает его... Студенты подхватили профессора на руки и вынесли его из вокзала на площадь... Он с трудом говорил...

О высоте, на которую поднялся Пиккар, как ни странно, долгое время велись дебаты. Барограф, снятый с гондолы, показал минимальное давление в 78 миллиметров ртутного столба — по расчетам, это равно высоте в 15 781 метр. Но был еще один, более точный прибор, и он отметил 76 миллиметров. А это уже 15 946 метров. И опять Пиккар столкнулся с бесстрастным параграфом: правила Международной авиационной федерации принимают только барограф. Так эти две цифры и пошли гулять вместе по газетным отчетам, а официально приняли все-таки высоту, которую отметил барограф. Пиккара, впрочем, это особенно не волновало. Ему было все равно — 200 метров выше или ниже, — он не считал нужным из-за этого спорить.

Многих удивило, что сам он чем дальше, тем чаще высказывал недовольство полетом. Он всерьез утверждал: «Этот полет не дал почти никаких результатов».

Ему возражали: «Но вы установили мировой рекорд высоты, профессор!» А он упрямылся: «Мы не за этим летали». И даже как-то сказал: «Следует сознаться, что основная цель, которую мы преследовали, не была достигнута».

Что ж... Конечно, тот скоропалительный, преждевременный старт не позволил им провести измерения во время подъема. Но на высоте 15 километров они проделали все измерения. И на высоте 15 946 метров тоже. Ионизация оказалась здесь в два с половиной раза больше, чем на высоте 9 километров, где еще раньше проводили исследования. И он после своих измерений уже мог утверждать: «Космические лучи нельзя рассматривать как явление, сопровождающее обычный радиоактивный процесс». Другое дело, что сам он внутренне не был уверен в точности проделанных измерений просто потому, что не доверял до конца приборам, пострадавшим в гондоле от влажности.

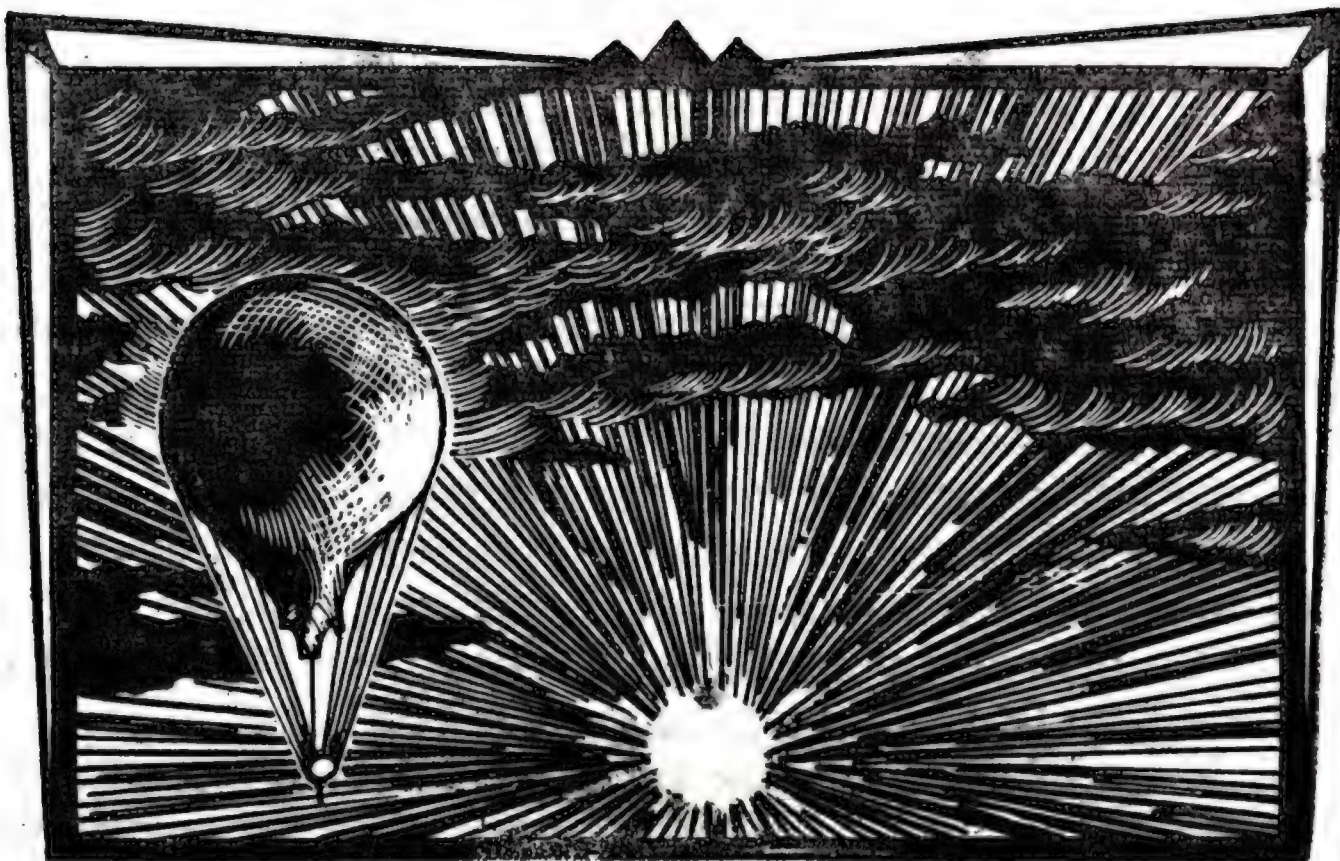
Нет, кое-что они для науки все-таки сделали.

А что было дальше? Дальше — всемирная слава, успех. Можно наконец успокоиться, отдаться семье и спокойной работе, четко отмеренной стрелкой часов. Можно до конца дней пожинать лавры такого успеха... А он ощущает в себе беспокойство, что-то мешает ему удовлетвориться достигнутым. Марианна все чаще обеспокоенно глядит на него...

Он-то, впрочем, знает, в чем дело.

Пиккар пишет: «В последующие месяцы наш полет стали называть героическим благодаря тому, что мы достигли зафиксированной нами высоты. Несмотря на то, что заело веревку клапана, мы остались целы и невредимы, и это казалось почти чудом. Моему стратостату повезло — у меня не было соперников, по крайней мере, вначале. И тем не менее я все время был занят мыслями о продолжении предпринятых измерений, относящихся к космическим лучам. Я очень хочу совершить новый подъем».

Вот о чем он думал все время. Он никак не мог отделаться от желания вновь стартовать в стратосферу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сначала ему нужно было раздобыть деньги для строительства новой гондолы. Потом нужно было уговорить жену. И только потом можно всерьез думать о старте.

Деньги он сразу достал — все в том же фонде. Теперь уже ему, всемирно известному профессору Огюсту Пиккару, отказать не могли. К тому же стратостат теперь стоил много дешевле: оболочка вполне годилась и для второго полета.

Ну а жена... Она прекрасно все понимала, и Пиккару не пришлось тратить много усилий, чтобы освободиться от данного слова («Еще один раз, и все... Только последний раз!»). «Но тогда я вместе с детьми хочу увидеть ваш старт», — просила она.

Более дешевой ценой он не мог откупиться — и согласился.

Новая гондола почти не отличалась от первой. Некоторые ее детали Пиккар изменил в соответствии с полученным опытом. Памятуя о нестерпимой жаре, которую они пережили с Кипфером из-за того, что гондола черной стороной смотрела на солнце, Пиккар решает теперь покрыть всю гондолу белилами — от холода все-таки легче спастись. Ну и, конечно, надо поставить на борт радиостанцию. Свой выбор профессор остановил на коротковолновом передатчике мощностью в семь ватт — этого вполне будет достаточно, чтобы не беспокоиться, что их не услышат.

Кипфера он попросил помочь установить и отладить приборы, а потом проследить за работой команды на старте, чтобы не повторилась история с клапаном. Лететь же с собой он предложил молодому, но уже известному физику, товарищу по Брюссельскому университету Максу Козинсу.

Местом старта Пиккар выбрал Дюбендорф — пригород Цюриха. Почему не старый, добрый Аугсбург? Может быть, потому, что он был немного суеверен и помнил всю цепь неудач, захвативших его в небе над этим городом. Может быть, потому, что в Цюрихе у него было много друзей, на помощь которых он вполне мог положиться. Объяснил он свое решение тем, что в Аугсбурге дуют слишком сильные ветры и часто бывают грозы. А в Дюбендорфе, окруженном со всех сторон горами и холмами, всегда тихо.

Но и здесь не все пошло гладко. Уже все было готово, уже фотографировалась возле гондолы Марианна Пиккар вместе со всем семейством, уже приехали из Брюсселя король с королевой, желая непременно видеть исторический старт своими глазами, уже Пиккар отдал приказ начать наполнение оболочки... Но в этот момент профессора зовут к телефону, он, недовольный тем, что его отрывают от дела, идет к аппарату. В трубке голос директора Бельгийского инсти-

тута метеорологии. Он сообщает, что над всей Центральной Европой собирается мощный грозовой фронт и что лучше всего полет отложить.

Расстроенный Пиккар некоторое время молча сидит, размышляя, что делать, потом отдает приказ прекратить наполнение оболочки.

Небо было ясным, безоблачным, и никто не понимал причины такого приказа. Зрители разочарованно уходили с аэродрома. А ночью над Дюбендорфом бушевала гроза редкой силы... Как раз в то время, когда назначен был старт.

И вот вторично назначен день взлета. 18 августа 1932 года. Три часа утра. На аэродроме Дюбендорф более тридцати тысяч зрителей. Никто не уходит. Все ждут, когда стратостат покинет землю.

Пиккар стоит возле гондолы, наблюдая за последними приготовлениями стартовой команды. Иногда он поднимает голову и внимательно оглядывает ночное небо, потом переводит взгляд на горизонт. Он боится внезапной перемены погоды. Но нет, все тихо.

Погода была прекрасная — лучше не пожелаешь. Казалось, все ветры спали за горами, и стратостат, застывший в воздухе, недвижимой свечой возвышался над гондолой. В равнину, где приютился аэродром, опустилась легкая, прозрачная вуаль тумана. А на востоке небо над холмами уже светилось, подкрашенное первыми, еще далекими лучами солнца.

Пиккар смотрел на эту часть светлеющего неба и ждал, когда светило поднимется повыше, — он не хотел лететь слишком рано, до восхода, чтобы понапрасну не мерзнуть в гондоле.

«Ну вот, пора...» — сказал он себе, подозревал Козинса, махнул рукой Марианне — она с четырьмя ребятами стояла тут же — и стал влезать в гондолу. Уже выглядывая из люка, он увидел и надолго за-

помнил широко раскрытые глаза своего десятилетнего сына Жака. Он стоял немного в стороне от сестер и, не мигая, следил за каждым движением отца. Пиккар кивнул ему.

Пять часов 07 минут. Пиккар бросил беглый взгляд на часы и сделал знак начальнику стартовой команды. Полковник Вало Гербер тут же зычно выкрикнул: «Отдать аэростат!»

Чуть качнувшись, словно еще не веря полученной свободе, баллон медленно, торжественно стал подниматься. Пиккар, высунув голову из люка, крикнул во весь голос: «До свидания!» И люди, стоящие на поле, как будто ждали этого прощания, одним дыханьем ответили ему.

Аэродром стал удаляться, драпируясь серой мглой. Но стратостат шел в небо медленно — так медленно, что с земли казалось, будто он стоит на месте. Пиккар мог бы, сбросив достаточно балласта, ускорить свой подъем, но не хотел. Он так и задумал этот медленный подъем, чтобы не спеша проделать измерения. Потом аэростат уравновесился — застыл медленно и через несколько минут начал плавно опускаться.

«Ничего не поделаешь, придется выбросить балласт». Пиккар, повернув краны, отдал килограммов сорок дробы. И вновь стратостат плавно двинулся в дорогу.

Они закрыли люки на высоте полутора километров. Позже Пиккар напишет: «Мы не могли желать себе более благополучного полета. Он был настолько удачен, что казался почти обычным. Если бы мы не перелетели через Альпы, наш день был бы похож на дни обычной работы, которую мы проводили в Брюсселе, запершись в своей лаборатории». Что же, он сделал все, для того чтобы полет был успешным. Он предусмотрел все, что могло быть и даже, пожалуй, чего быть не могло. Для него не было мелочей во

время подготовки полета. Слишком уж поучительным оказалось небо над Аугсбургом.

Приборы работали безукоризненно, и Козинс буквально не отрывался от них. Пиккар прислушался к реле счетчика космических лучей, подумал: «Слышна каждая частица, принимаемая счетчиком. Очень похоже на шум дождя о цинковую крышу избышки в горах».

Внезапно он почувствовал себя очень усталым, даже разбитым. Видно, сказалась напряженная работа последних предстартовых дней. Да что дней... Весь-то год был таким... Он сидел, положив кисти рук на колени — почему-то собственные руки ему казались тяжелыми. Прямо перед ним согнутая спина Козинса — он тоже молчал, но Пиккар был уверен, что Макс чувствует себя хорошо. Это было видно по уверенным и четким его движениям.

Пиккар поднялся и повернулся к приборам. Он должен был наблюдать за барометром и вариометром, следить за работой кислородных приборов. Иногда он смотрел в иллюминатор, определяя место своего нахождения. Малейшее перемещение внутри гондолы заставляло ее легонько покачиваться, и всякий раз Козинс, оборачивался с недовольным лицом — приборы, с которыми он работал, реагировали на это движение. Поэтому Пиккар старался не двигаться.

Иногда, глядя в иллюминатор, он испытывал пьянящую радость. Облаков над землей не было, и весь ландшафт просматривался ясно и четко, как на хорошо знакомой рельефной карте. Вот плавные изгибы голубой ленты Рейна... Чуть севернее — Констанцское озеро... А это озеро Тирано... Какой прекрасный темно-синий цвет... Во время прошлого полета — это стало понятно только сейчас — красота гор, увиденных с большой высоты, осталась для него

нераскрытой. Зато теперь Пиккар наслаждался этим зрелищем, не в силах оторваться от стекла иллюминатора. Он узнавал горы — во многих из этих открывавшихся обнаженных ущелий он бродил не раз еще с отцом... Тогда ему так хотелось подняться и пролететь над их вершинами... И вот теперь все горы далеко под ним... Значит, сбывается то, что задумаешь, то, чего хочешь в жизни больше всего!

В гондоле делалось все холоднее. Снова, как в прошлый раз, стены покрылись инеем. Пиккар посмотрел на термометры. Верхний, установленный возле люка, показывал ноль. Нижний, стоящий возле самого пола, покрытого толстой ворсистой тканью, — минус двенадцать. Вот почему мерзнут ноги.

Неожиданно на сверкающей белой стене возникло небольшое алое пятно. словно в этом месте гондола докрасна раскалилась... Пиккар не сразу понял, в чем дело. Потом, взглянув на иллюминатор, догадался: в отверстие ударил яркий солнечный луч. Солнце было удивительно сочного красного цвета. Потом оно быстро стало белеть... Но теплее от солнца не делалось, и Пиккар усомнился — правильно ли сделал, отказавшись от первоначального замысла и оставив гондолу снаружи белой. Нет, все-таки правильно: холод переносить значительно легче, чем изматывающую, расслабляющую жару...

Рука Пиккара, скользя по карману, нащупала в нем что-то плоское, жесткое. Он достал шоколад и улыбнулся, вспомнив: это сынишка Жак перед отлетом дал ему на дорогу. Профессор разломил плитку и дал половину Козинсу. Тот от неожиданности всплеснул руками: «Какой приятный сюрприз! Молодец Жак! Знает, что в стратосфере пользуется особым спросом!»

«Жак молодец, — думал Пиккар, — хороший мальчик. Чем-то он похож на меня, когда я был та-

ким. Интересно, какую он выберет дорогу, когда станет взрослым».

Шоколад они съели с большим удовольствием, потом налили из термоса горячего молока. Это было все, чем они перекусили во время полета. Впрочем, особенно им есть не хотелось, да и некогда было.

В 10 часов 56 минут большой барометр показал давление 73 миллиметра ртутного столба. Пиккар прикидывает: это что-то совсем близко к высоте семнадцати километров. Он заглянул в иллюминатор. Как раз внизу озеро Мортераи. Как же красиво оно отсюда... И какое прекрасное небо — темно-лиловое, а кое-где темно-серое, грифельное. Наверное, можно бесконечно смотреть на такое небо — как на пустынное море или как на пламя костра... Трудно оторваться от этого зрелища, и мысли так хорошо и свободно текут... В полдень они решили опускаться. Программу исследований они полностью выполнили, подниматься выше нет никакого смысла, да и балласта осталось очень немного — только самое необходимое, что пригодится при спуске. Скорость спуска может оказаться большой после того, как стратостат охладится, и уменьшить ее можно будет, лишь сбросив балласт.

Пиккар взялся за прорезиненный конец веревки, идущей от выпускного клапана, со странным чувством некоторой неуверенности — вдруг эта веревка так же запуталась, как в первом полете. Он осторожно потянул конец — секунду, другую, третью... Еще невозможно понять, открылся ли клапан... Он тянет снова, ему помогает Козинс... Да, спуск начался. И вовремя: прямо перед ними, по ходу движения, расстилалась долина реки По, а за ней были близки и берега Адриатики.

Стратостат пошел вниз быстро, со скоростью около трех метров в секунду. Пиккар и Козинс держат

клапан открытым долго — минуту, две, — и гондола еще быстрее стремится к земле.

К четырнадцати с половиной часам ФНРС был уже на высоте одиннадцати километров и вошел в тропосферу. И сразу же горизонт окрасился в белое. Каждая новая высота открывала перед ними новый горизонт и новые краски.

На высоте около четырех километров стратонавты открыли люки — давление в гондоле и снаружи сравнялось. Пиккар и Козинс просунули головы в люки — и сразу же их лица ожег морозный воздух. Как все-таки приятно вдыхать его полной грудью...

Щурясь от яркого солнца, они смотрели на земли Италии, которые лежали под ними. «Чудесный пейзаж, — думал Пиккар, — страна, купающаяся в солнце. И как хорошо садиться именно здесь днем, а не ночью в горах. Сегодня все ясно и хорошо, неудача немыслима!» Он посмотрел в сторону Козинса. Рядом торчала из люка его голова. Козинс блаженно улыбался и жмурился.

Пиккар никогда прежде не видел итальянского озера Гард, которое сейчас лежало под ними. Огромное озеро, чьи северные берега укрыты горами, а южные расположились в долине. «Вот где-то здесь, Макс, знаменитое своей красотой имение поэта д'Аннунцио», — говорит Пиккар Козинсу.

— А, это тот, что летал на шарах?

— Да, это он. Возможно, мы заглянем к нему дня через три. Если, конечно, он у себя.

— И если он примет нас, — смеясь, добавил Козинс. — Такая все-таки знаменитость.

Аэростат плыл над ровным, открытым пространством, постепенно снижаясь. Когда под ними показалось маленькое озерцо, Пиккар увидел в его гладкой воде четкое отражение кудрявых деревьев. «Это хоро-

шо, — отметил он про себя, — это значит, нет волн. А нет волн — нет ветра. Садиться будет нетрудно. Впрочем, приземление шара всегда полно неожиданностей. И в этом одна из его прелестей».

Земля приближалась. Пиккар подтянул в гондолу свободно висящую антенну и выбросил гайдроп. Этот тяжелый канат должен сориентировать движение гондолы в момент посадки, замедлить спуск перед самой землей.

Со всех сторон к аэростату по полю бежали люди. Наверное, они давно наблюдали за садящимся шаром.

Конец гайдропа резво бежал по земле, рассекая траву, и сверху казалось, будто он скользит по воде, оставляя четкий, глубокий след, который тут же, на глазах, растворяется. Люди бежали рядом с канатом и что-то кричали, видимо не зная, что надо делать. Пиккар с трудом собрал фразу из нескольких итальянских слов и крикнул: «Возьмите, пожалуйста, канат!»

Каково же было его изумление, когда получил ответ на безукоризненном немецко-швейцарском наречии: «Да, господин профессор, мы уже держим!» Это был швейцарский инженер, случайно оказавшийся здесь. Люди ухватились за веревки, свисавшие с аэростата, и стали его подтягивать. Еще минута — и гондола мягко коснулась земли. А потом вдруг медленно покатилась — поле, вероятно, было с уклоном. Пиккар и Козинс стояли в гондоле, широко расставив ноги и крепко держась за стойки. Ради предосторожности на головы они надели специальные защитные шлемы, сплетенные из ивовых прутьев и выложенные изнутри небольшой мягкой подушкой. Вид у них в этих шлемах был довольно смелой — очень похоже на головной убор кочующих бедуинов.

Наконец гондола легла неподвижно. Пиккар снял шлем, выбрался через люк и стал фотографировать

вздымающую бока оболочку. Все-таки удивительно похож в эти минуты шар на животное...

Козинс все еще тянул канат разрывного приспособления, и газ широким потоком покидал оболочку. И вот она медленно стала клониться набок и с шорохом повалилась, подминая кроны деревьев...

«Вот и все, — думал Пиккар. — Теперь все позади».

А потом ночь в городке Дезенцано, в местной гостинице, где они оба спали мертвецким сном. Утром к ним ворвался радостный Кипфер — он только что примчался на автомобиле из Цюриха. И весь день после полета официальные встречи, визиты. Подест города граф Пеллигрини приглашает их в свой особняк на обед, министр Бальбо сажает их в свой аэроплан и везет в Венецию («Что вы, господа! Быть в Италии и не посетить Венецию!»), потом встреча с Д'Аннунцио — сначала в его волшебном имении, а потом в Дезенцано... Многие дома в городке были украшены флагами в честь стратонавтов. Перед отелем, где они жили, темпераментные итальянцы непрерывно кричали приветствия... Дни мелькали, как разноцветные стекла в калейдоскопе...

И опять в Авиационной федерации пошли споры из-за достигнутой высоты. Барограф, установленный в гондоле официальным представителем федерации, показал наименьшее давление в 73 миллиметра ртутного столба. Это 16 201 метр. Но за полетом стратостата почти непрерывно велись с земли наблюдения, и теодолитная съемка — безусловно более точная — дала результат в 16 940 метров. В бортовом журнале, правда, было тоже записано — 73 миллиметра, но Пиккар объяснял это так: «Да поймите же — нам с Козинсом некогда было непрерывно следить за барографом! Да, верно, самое низкое давление, отмечен-

ное нами, было 73 миллиметра, но, конечно, это вовсе не наименьшее давление... А впрочем, все это не имеет большого значения. Мы поднимались не для того, чтобы установить новый рекорд».

Но рекорд все же они установили. Им засчитали высоту 16 201 метр. Гораздо ценнее, как считал сам Пиккар, были научные результаты. Им удалось проследить направленность космического излучения, измерить поглощение лучей толстым слоем парафина и свинцовым экраном, провести множество измерений интенсивности лучей на разных высотах.

«И все-таки я должен сказать: ничего не доказано, — убежденно говорил сам Пиккар. — Мы еще не знаем, что такое космические лучи и откуда они приходят».

Он, как всегда, предельно строг к самому себе и предельно скромн: от него никто и не ждал никаких доказательств! Науке нужны были измерения, проделанные на большой высоте, там, где никогда прежде человек не бывал, и он это сделал. А космические лучи... Еще не пришло время раскрыть их тайну. Еще многие поколения физиков будут биться над их разгадкой.

...На приеме в королевском дворце Огюст Пиккар был строг, внешне спокоен, торжествен. Парадный мундир хорошо облегал его высокую гибкую фигуру, а стоячий воротник, как и обшлага рукавов, шитый галунами, подпирал подбородок и заставлял профессора еще выше держать голову. Брюки с широкими атласными лампасами делали бы его похожим на генерала, если бы не шпага, висевшая на поясе у левого бедра. Со шпагой и маленькими, аккуратнейшим образом подстриженными усиками Пиккар был похож на мушкетера, сошедшего со страниц романа Дюма... И еще он на кого-то похож... На профессора Аронак-

са, того самого профессора, который вместе с капитаном Немо прошел 20 тысяч лье под водой. Такой же высокий, выпуклый лоб, такой же уверенный, пронизательный взгляд из-под очков, пышные длинные волосы, лежащие гривой...

Четким, уверенным шагом шел он, придерживая шпагу, через залу дворца, этот странный, немного нескладный человек, которого уже знал весь мир, похожий, кажется, на столько людей и ни на кого не похожий.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

После полетов Пиккара стратостаты начали строить сразу в нескольких странах. Через год после его последнего рекордного старта в стране, где когда-то отчаянный подъячий поднялся на наполненном горячим воздухом мешке и саданулся о колокольню, но все же полетел, где великий химик предложил построить герметическую гондолу, теперь зрел стратосферный старт. На одном из московских аэродромов могучей свечой вздымался стратостат «СССР». Тысячи людей, советские и иностранные журналисты ждали минуты старта. Экипаж первого советского стратостата: Георгий Прокофьев, Эрнст Бирнбаум и Константин Годунов, стоит рядом с гондолой.

Они тоже долго ждали погоды. Московская осень неустанно стлала туманы, моросили затяжные дожди. Приготовления кончились, но снова и снова все про-

веряли. Оболочка... Конструктор ее, Константин Годунов, изучает свою работу придирчиво, тщательно. Голубой шар гондолы осмотрен с особым вниманием — главное проверить на герметичность крышки обоих люков и все девять иллюминаторов. Нет, они не текут. Приборы в полном порядке. В баллонах под сиденьями кислород, тут же кислородные маски. Прокофьев проверяет НЗ: шоколад, печенье, консервы, сгущенное молоко и галеты — на случай, если придется, как пришлось в первый раз и Пиккару, сесть далеко от людей.

Утро 30 сентября 1933 года. Метеорологи приходят с последней сводкой погоды, Прокофьев внимательно ее изучает, потом радостно восклицает: «Ну, сегодня обязательно полетим!» Раннее утро обещает солнечный день.

В семь часов пятнадцать минут гондола прикреплена к оболочке и стартер дает команду: «На поясных и гондольных — дать слабину!» Кинокамеры операторов нацелены на алюминиевый шар с алыми буквами «СССР». Журналисты уже начали писать свои репортажи.

Старт. Стратостат торжественно, плавно возносится в небо. Голубое ядро гондолы становится горошиной, потом точкой, потом совсем исчезает.

В полете у экипажа было много работы. Все время отнимали приборы — велись исследования космических лучей, приходилось много писать в бортжурнале. На высоте двух километров они задраили люк — температура за бортом резко падала. А в гондоле вскоре сделалось жарко — плюс тридцать, они уже давно сбросили шубы. Прокофьев: «В кабине мы зверски потели...» И вскоре он же воскликнет: «Одиннадцать тысяч! Москва видна великолепно!»

Через четыре часа после старта стратостат достиг высоты девятнадцати тысяч метров. На его борту при-

няли радиogramму с земли: «Сообщите, как работают кислородные приборы, какая температура в кабине. Рекорд побит, не особенно увлекайтесь. Ваши успехи переданы по радио всей стране и за рубежом».

Несколько часов они висели на рекордной отметке. Впервые здесь были взяты пробы заборного воздуха, впервые на такой высоте человек работал с приборами, изучал космические лучи, пришедшие к Земле из недр вселенной.

Они сели в пять часов вечера, недалеко от Коломны, в 120 километрах от места старта.

Свершилось то, что предсказал Огюст Пиккар: по его стопам пошли другие.

Потом — через четыре месяца — второй полет советских стратонавтов, на «Осоавиахиме». Пилот П. Федосеенко, конструктор А. Васенко и молодой ученый И. Усыскин поднялись на 22 тысячи метров, они уже спускались, как связь вдруг оборвалась... В Мордовии, неподалеку от Кадошкина, нашли гондолу, сплюсненную, наполовину врезавшуюся в землю... Эксперты объяснили, что стратостат снижался слишком быстро, и на высоте в двенадцать километров гондола стала отрываться от оболочки...

В 1935 году, в конце июня, новый старт советских стратонавтов. Профессор Вериге, Прилуцкий, Зилле на стратостате «СССР-1-бис» поднялись на высоту 16 тысяч метров. Потом пришлось начать снижение: в нижней части оболочки стали появляться трещины... Скорость спуска все возрастала... Экипаж держался мужественно, хладнокровно. Все трое выбросились из гондолы с парашютами...

Нет, не сдалась еще стратосфера.

Пиккар внимательно следил за всеми сообщениями: из Советской России, из Соединенных Штатов, где удалось достигнуть высоты 18 665 метров: стратостат «Век прогресса» поднялся на такую высоту в ноябре

тридцать третьего года. Все эти баллоны были много больше стратостата Пиккара.

Брат Жан уехал жить в Америку — он там преподавал в Миннесотском университете, на кафедре авиационной техники и в 1934 году вместе с женой совершил полет в стратосферу. Его «Век прогресса» поднялся на 17 550 метров, и оба брата стали стратонавтами.

Почему Жан уехал? Трудно сказать... Может, потому, что его привлекло это место в университете, но скорее потому, что ему было трудно жить рядом со всемирно известным братом и быть к тому же похожим на него как две капли воды...

Огюст Пиккар добился своего: многие пошли в стратосферу за ним. Вновь и вновь уходят в небо стратостаты, выше и выше стремятся они, вознося человека.

А что Пиккар? Нет ли в нем сожаления — из-за того, что другие поднялись выше него? Нет ли в нем тайного, тщательно скрываемого от всех желания построить новый стратостат, мощнее, и вновь подняться — выше — в стратосферу?

— Нет, я ни капли не сожалею, — он это сказал вполне искренне.

Но он еще хотел полететь. Сначала он вместе с Козинсом собирался возродить ФНРС, превратив его в монгольфьер. Они рассчитывали, что солнце сможет нагреть оболочку, и шар окажется подвешенным в равновесии без непрерывного подогрева. Они уже готовились совершить пробный подъем с горячим воздухом, но сильный порыв ветра бросил оболочку на землю, ее охватило пламя, и через несколько секунд она перестала существовать.

Он попытался собрать деньги для строительства своего третьего стратостата, доказывая всюду и всем, что совершенно необходимо продолжить исследование в стратосфере — нужен третий полет, нужны и дру-

гие, но тщетно, денег никто не давал. Тогда Пиккар поехал в Америку — может быть, там удастся найти деньги... В Америке любят размах, там любят энергичных, смелых людей и смелые идеи тоже... Не может быть, чтобы там не нашлось человека, который бы понял его.

Так думал профессор Пиккар, стоя на борту океанского лайнера и глядя вперед: где-то там, за этой синей гранью неба и моря, лежала Америка... От встречи с ней он многого ждал.

С собой Пиккар вез гондолу, в которой он поднялся почти на семнадцать километров. Она должна была стать одним из самых замечательных экспонатов Всемирной выставки в Чикаго. Выставки, называвшейся «Век прогресса».

Вилли Пост, американский летчик, давно уже изыскивающий способ обрести известность, сам нашел Пиккара. Энергичный, бодрый, румянолицый, Вилли Пост был, по существу, единственным, кто обратился к Пиккару в Штатах с предложением:

— Профессор, представьте хотя бы на минуту: яркий солнечный день, и вы прямо с территории выставки принимаете старт в стратосферу! Все желающие увидеть старт своими глазами допускаются за ограду и платят доллары. Впрочем, даже не обязательно вам лететь самому — ваш брат может занять место в гондоле, — великодушно разрешил Вилли Пост. — Организацию всего предприятия я беру на себя.

Американец хотел заработать... Пиккар не указал ему на дверь только потому, что был излишне деликатен. Профессор надеялся, что никогда уже не услышит ничего об этом человеке, но ошибся: о Вилли Посте заговорили. Через год после встречи на выставке он изобретает высотный скафандр, весьма похожий внешне на водолазный, а еще через год совершает на самолете полет в стратосферу. Это был очень недолгий

полет, скорее даже прыжок, но все-таки Пост достиг стратосферы.

Говорят, что после своих полетов Пост не раз предсказывал конец научной карьеры Пиккара — больше этот швейцарец никогда ничего не добьется. Но теперь он ошибался. Пиккар прожил целую жизнь — это так. Но и еще целая жизнь была у него впереди.

...Выставка подходила к концу. Интерес к ней уже ослабел — за те месяцы, что она длилась, те, кто хотел, успели все посмотреть, и теперь павильоны стояли почти пустыми. Осенний ветер катил по аллеям картонные стаканчики из-под кока-колы, сметал в кучу обрывки бумаги. Тихо и пусто... Как быстро люди пресыщаются чудесами науки и техники... Еще недавно все говорили: «Смотрите, просто невероятно!..», а вскоре на ту же самую вещь смотрят как на само собой разумеющееся.

Пиккар остановился возле массивного стального ядра с тремя иллюминаторами. На боку белела четкая надпись: «Нью-Йоркское зоологическое общество. Батисфера». Профессор знал, что эта батисфера — вторая достопримечательность выставки. Ее конструктор инженер Отис Бартон и Уильям Биб опустились в прошлом году в море на глубину почти семьсот метров. Биба за это погружение называли самым «низким» человеком на земле, потому что никто не погружался глубже, ну а Пиккара давно уже прозвали самым «высоким».

Профессор стоял у батисферы, внимательно разглядывая ее со всех сторон и представляя, как она опускается в бездонную пучину, подвешенная на тросе. Единственная нить, связывающая гидронавтов с поверхностью, с жизнью... Тонкая нить, которая может оборваться от собственного веса...

— Здравствуйте, профессор! — раздался сзади не-

знакомый, чуть хрипловатый голос. — Ну, как вы находите нашу батисферу?

Пиккар оглянулся. Возле него стоял человек, почти такой же высокий, как он сам, и такой же худой, с волевым, сильно загорелым лицом. Он протянул руку Пиккару, представился: Уильям Биб.

Пиккар вспомнил, что видел фотографии этого американца в журналах, читал о нем, но не предполагал, что им придется встретиться — ведь пути их шли в противоположных направлениях. Пиккара путь вел в небо, а Биба — в морскую глубину.

— Так что вы скажете о батисфере? — улыбаясь, повторил Биб вопрос.

— Вас можно с ней поздравить, мистер Биб. Ваша батисфера превосходна. Но...

— Но?.. — поднял брови Биб.

— Но, по-моему, довольно опасная штука.

— Знаете, профессор, мне столько раз говорили об этом, что я перестал к этим заверениям относиться серьезно. Что значит — опасна? Автомобиль тоже опасен. А ваш стратостат — так тем более. Как на это все посмотреть.

— Не совсем так, мистер Биб. Из своей гондолы в случае катастрофы я могу выпрыгнуть с парашютом. Да и сама оболочка, если стратостат слишком быстро станет снижаться от потери газа, превращается в парашют. А вы... вы остаетесь пленником в своей батисфере. Вся ваша надежда — ваш трос.

— Но согласитесь, профессор, — возражал, улыбаясь, Биб, — без риска в нашем деле не обойтись.

— Конечно. Некоторый риск, наверное, всегда есть. Но его надо стремиться свести до минимума. Кроме того...

— О, еще что-то, профессор? Не слишком ли вы обрушились на мою батисферу?

— Кроме того, трос не даст вам достичь самых больших глубин.

— Я знаю, профессор, — ответил серьезно Биб.

— Для этого нужен совершенно иной аппарат.

— Какой же?

— Мне не хотелось бы говорить об этом заранее... Видите ли, я сейчас работаю над таким аппаратом.

— Вот как? — удивился Биб. И пошутил: — Наверное, это будет подводный стратостат?

— Вот именно, мистер Биб. Только не стратостат. А подводный аэростат. Надеюсь, это останется пока между нами? Мне бы не хотелось, чтобы сведения об этом раньше времени попали в прессу.

— Да, разумеется. В таком случае желаю удачи, профессор.

— И я вам тоже.

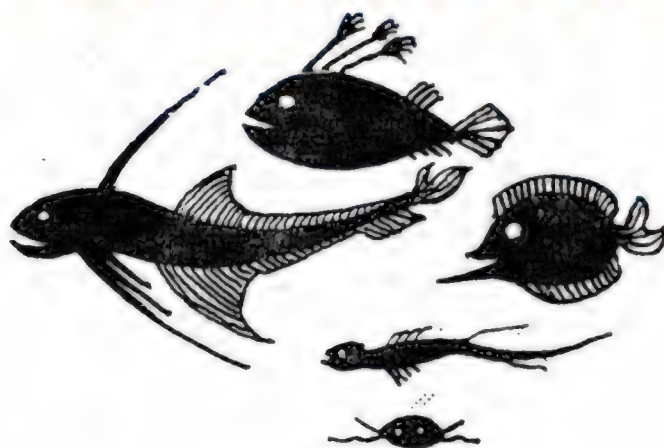
— Возможно, встретимся! — И Биб показал большим пальцем правой руки вниз. — Где-нибудь там, возле дна.

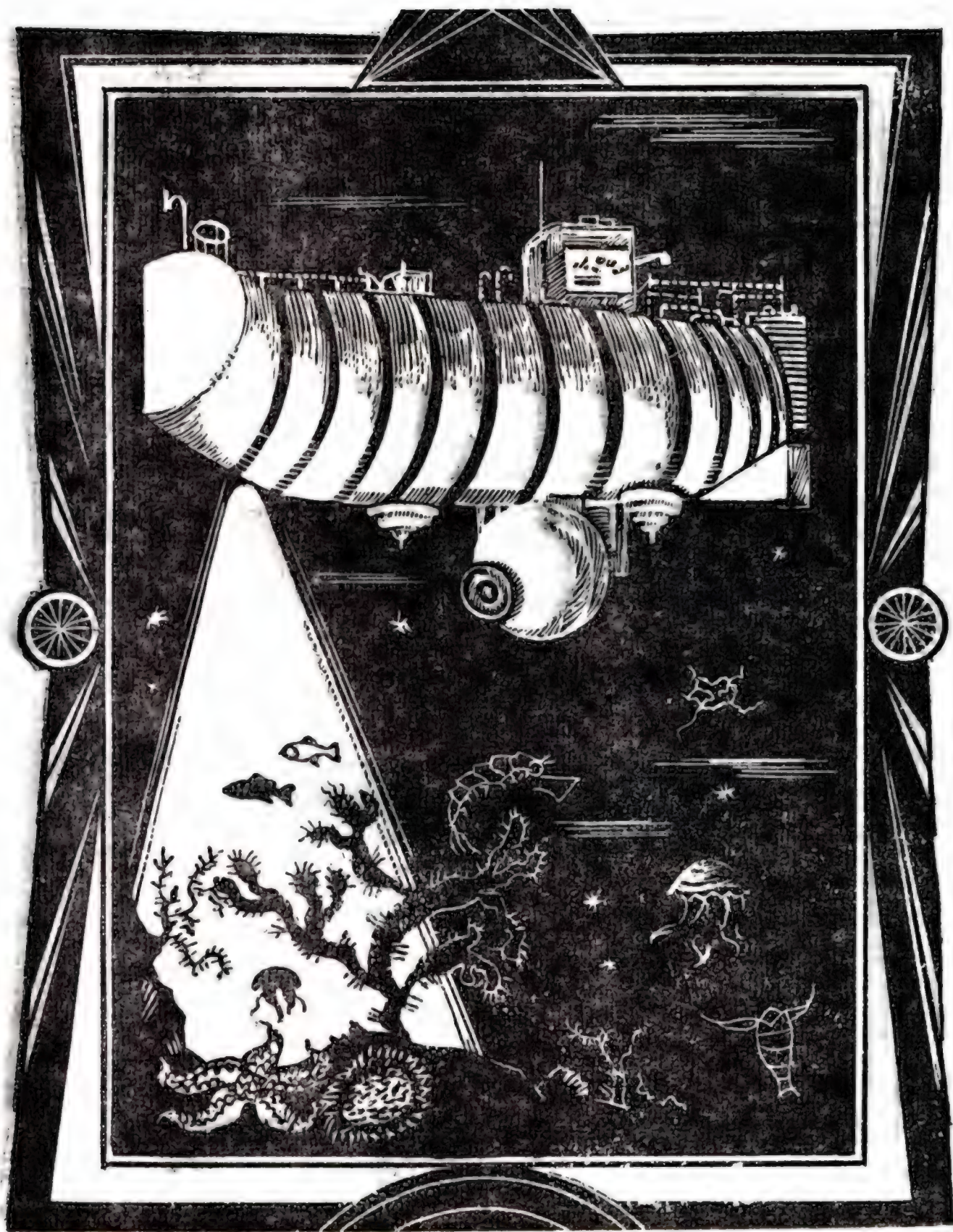
— Как знать... Все возможно, — поклонился с улыбкой Пиккар.

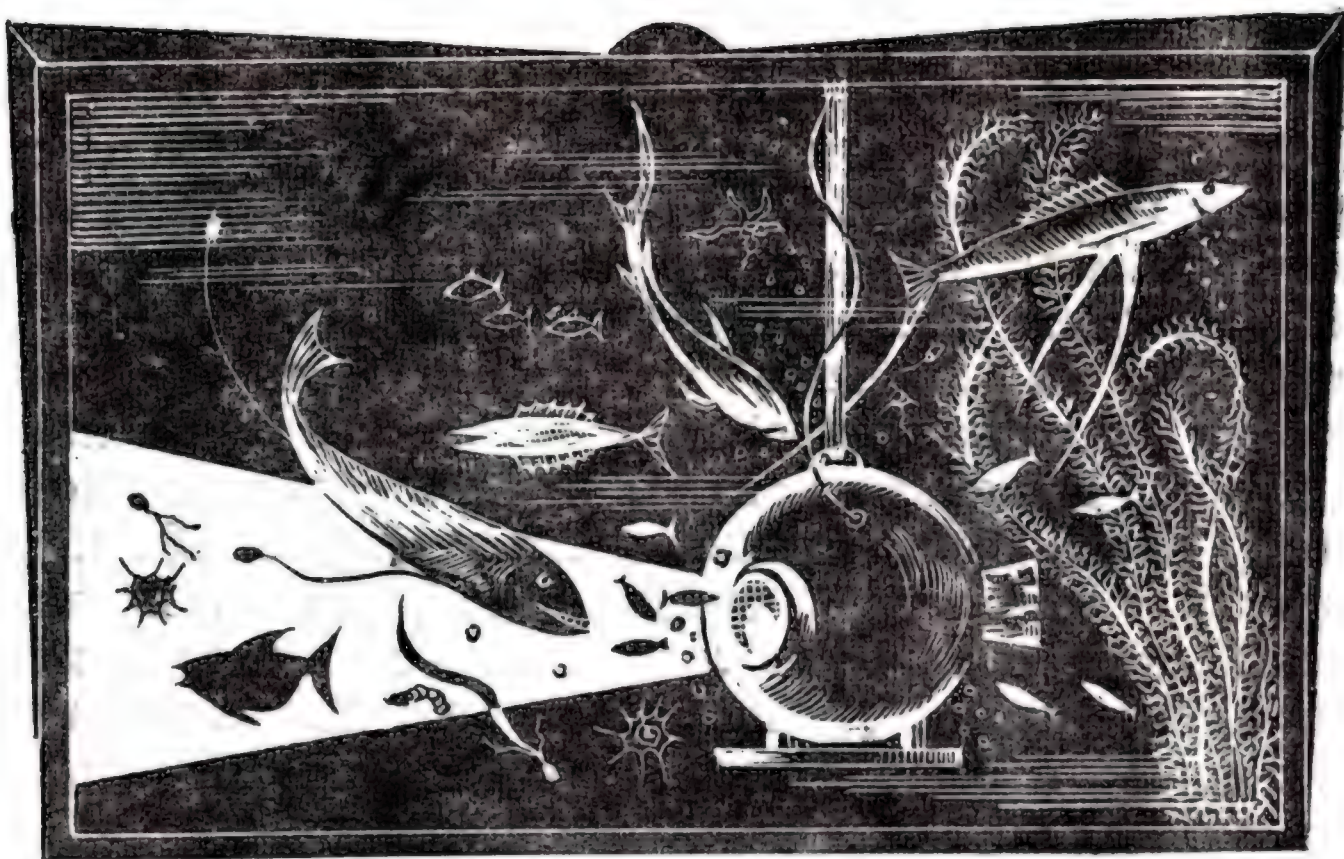
Биб, скрестив руки на груди, долго глядел ему вслед.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САЛЮТ АДМИРАЛУ!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Пиккар, погруженный в свои мысли, не спеша шел по улицам Антверпена. Он оставил автомобиль возле отеля и решил пройтись немного пешком. Он любил думать во время ходьбы.

«Ну вот, батискаф готов, — думал он, — удалось достать даже судно для его буксировки в Дакар, так что все, кажется, сложилось очень удачно, и в то же время... — Он не верил в предчувствия, но что-то его беспокоило. — Вот это судно, «Скальдис», уж очень оно невезучее... Похоже, что его создали не под счастливой звездой...»

Бельгийскому грузовому пароходу «Скальдис» и впрямь не везло. Во время его первого плавания по Балтийскому морю у него заклинило руль, вышел из строя электродвигатель, приводящий его в движение. В довершение всего капитан изловчился и посадил

«Скальдис» на риф. Пароход с трудом сняли с него и отвели в Антверпен, в сухой док. Едва успели спустить, и сразу серьезный ремонт.

«Или это уж происки рока, — думал Пиккар, — ...первая моя экспедиция обязательно начинается с неприятностей. А уж там только начнись. Как было тогда, в тридцать первом году? С самого начала, во время полета и на посадке сплошная цепь невезения. Впрочем, надо надеяться, что сейчас все будет иначе».

Пиккар вышел на центральную, Мейрскую площадь города. Здесь было шумно и многолюдно. Да и темп жизни в Антверпене совсем иной, чем в Брюсселе. Здесь больше спешащих людей, они не стоят у витрин магазинов, подолгу разглядывая разложенные за стеклом товары, а бегут каждый своей дорогой — иногда сталкиваясь, бормоча впопыхах извинения.

Торопливые люди, торопливый век...

Пиккар прошел мимо старого собора — он заглянул сюда как-то — и на темных, холодных стенах, к своему удивлению, увидел картины Рубенса. Некоторые из них были наполовину задернуты темно-зелеными люстриновыми занавесками. Он не понял тогда, что это — забота или небрежность...

Улица, по которой он теперь шел, была прямая и опускалась отлого к порту. Дома здесь стояли попроще, да и улица сама уже не казалась такой чистой, как в центре города. А вскоре в лицо ему ударила густая смесь запахов свежего дерева, соленой рыбы, машинного масла, железа, кажется, пива — здесь много мелких пивнушек и чего-то еще очень знакомого, но что в этой сумятице запахов нельзя различить.

Это был запах большого порта.

А вскоре прямо перед ним, в просветах меж закопченными стенами зданий, блеснули желтоватые, покрытые вечной рябью воды реки Шельды. Здесь, чуть выше Антверпена, стоял в доке «Скальдис».

На пирсе ждали только Пиккара. К погрузке батискафа все было готово. Пиккар обошел вокруг платформы, на которой стоял батискаф, окинул его придирчивым взглядом, потом осмотрел развернутую пасть трюма, прикидывая, свободно ли туда пройдет батискаф.

Когда стрела мощного подъемного крана подняла это странное, неизвестно на что похожее сооружение и медленно пронесла его над землей, потом над судовыми надстройками «Скальдиса» и остановила как раз против открытого трюма, Пиккар снял шляпу, достал аккуратно сложенный носовой платок и вытер покрывшийся испариной лоб.

Через минуту батискаф погрузился в глубокий трюм «Скальдиса». Было 15 сентября 1948 года. Перед кораблем лежал путь в Дакар. Там назначена встреча с французским судном «Инженер Эли Монье», на борту которого Пиккара будет ждать капитан Жак-Ив Кусто. Им предстоит вместе испытать батискаф.

«— В этой компании не хватает только профессора Биба, — подумал Пиккар. — Все-таки нельзя не признать, что именно Биб первым открыл нам подводные бездны».

Уильям Биб, как сказал о нем его друг, изобретатель батисферы Отис Бартон, был «недоступен, как индийский набоб, и вдвое недоверчивее». Он очень неохотно заводил новые знакомства, но зато с невероятной настойчивостью добивался встреч с людьми, ему нужными. Что поделаешь: деньги на научные экспедиции дают не слишком охотно и их приходится выбивать всеми возможными способами.

В ранней молодости Биб занимался зоологией, много путешествовал, работал в экспедициях в Гималаях, в Южной Америке и в двадцать два года дослужился до должности директора крупного музея орнитологии

и сверх того был уже автором солидной монографии, посвященной фазанам. Тогда он еще и не думал, что оставит своих птиц ради рыб, что тихим и пустынным залам музея он предпочтет шум морского прибоя и вечный зеленый сумрак морских глубин. Биб навсегда полюбил море, только однажды опустившись в водолазном костюме. Бурная безмолвная жизнь, которая открылась ему, глубоко взволновала его.

Он увидел, как «в зеленой пучине в сумеречном свете раскачивались щупальца морских вееров и плавали огромные рыбы, там, куда меня не пускал шланг». Чтобы увидеть ближе жизнь этих странных существ, Биб решил к ним опуститься в глубоководном аппарате, напоминающем формой короткую толстую трубу, запаянную с обоих концов. Биб был биологом, а не инженером и искренне верил, что цилиндр — лучшая форма для камеры, способной выдержать гигантские давления больших глубин.

В 1926 году Биб построил свой аппарат и через газеты сделал заявление, что собирается совершить погружение на одну милю. Еще недавно о таких глубинах могли только мечтать...

Не все, конечно, поверили Бибу: мало ли прожектеров, делающих экстравагантные заявления, не имеющие под собой реальной опоры... А Отис Бартон, который тогда еще Биба не знал, поверил ему. Он поверил в главное: Биб намерен всерьез, пожалуй, даже любой ценой осуществить задуманное. Но Бартон понял и другое: в цилиндрической камере Биб не сможет глубоко опуститься — ему нужна сфера. У Бартона уже был проект такой сферы, и расчеты, сделанные им, говорили, что она может выдержать давление на глубине около двух миль.

Бартон написал Бибу, предлагая свою батисферу. Тот не ответил. Бартон вновь написал — с таким же успехом. Бартон выдал целую серию из нескольких

десятков писем — Биб как рыба молчал. Тогда-то Бартон и обозвал его «индийским набобом».

Через два года их все-таки познакомили. Союз, необходимый обоим, образовался. Биб не мог обойтись без Бартона-инженера, а Бартону нужен был Биб-ученый, известный, авторитетный зоолог в стране.

Биб со своей цилиндрической камерой, в которую он все-таки еще верил, обосновался поблизости от Бермудских островов, на острове Нонсач. Взглянув на чертежи Бартона, он великодушно пообещал ее опробовать. Бартон построил батисферу на свои деньги и приехал на остров Нонсач. Он ожидал, что сразу же закипит работа, что Биб не выдержит и сразу же захочет совершить пробное погружение, но Биб оказался на редкость невозмутимым человеком. Бартон написал об этом времени в своей биографии: «Жизнь на острове сконцентрировалась вокруг доктора Биба, который все свободное время наблюдал в телескоп за звездами. Перед обедом он раздавал нам по стакану виски с содовой, а перед сном читал баллады Киплинга».

Работа их началась с неудачи: корабельная лебедка, которая должна была опускать и поднимать пяти-тонную батисферу, оказалась для нее маломощной. Бартон особенно не раздумывал: он моментально снял с батисферы все оборудование и отдал ее в переплавку. Потом он снова погрузился в расчеты и сконструировал другой шар — вдвое легче. К лету тридцатого года новая батисфера была готова. В июне исследователи наметили ее первое испытание.

Как раз в это время Огюст Пиккар испытывал свою первую гондолу на герметичность. Они шли параллельным курсом и с одинаковой скоростью, но направления у них были разные. Пиккар шел вверх, Биб и Бартон собирались идти в глубину.

И вот испытание. Биб и Бартон, обдираясь о шер-

шавые края люка, диаметр которого был менее сорока сантиметров, забрались внутрь батисферы. Бартон, конструируя люк, впрочем, знал, на кого он рассчитывал: оба, и он сам, и Биб, были очень худы. Потом на люк наложили массивную крышку и стали ее завинчивать, ударяя по гаечному ключу тяжелой кувалдой. В иллюминаторы было видно, как гидронавты пытались защититься от страшного грохота свои уши ладонями и какие при этом у них были несчастные лица.

Биб надеялся в первом же погружении провести наблюдения и распорядился, чтобы снаружи на батисфере развесили приманку для рыб, так что внешне она выглядела не слишком-то привлекательно. Внутри было тесно невероятно — диаметр кабины был менее полутора метров, и Биб с Бартоном сидели согнувшись. Особенно неудобно пришлось высокому Бибу, но он уверял своего компаньона, что его комфорт батисферы вполне устраивает. Впрочем, вряд ли что-либо существовало на свете, что могло бы Биба вывести из терпения.

Прошло совсем немного времени после начала спуска, как Бартон увидел и вскоре почувствовал течь под крышкой люка. «Наверное, надо сказать, чтоб нас подняли...» — обратился он к Бибу. «Не стоит, — ответил Биб, едва бросив взгляд в сторону люка, — а то они испугаются».

Все это, впрочем, никак не влияло на их превосходное настроение, они были полны оптимизма и жаждали самых опасных приключений — так им казалось. Это было верным симптомом легкого кислородного опьянения. А приключения еще продолжались.

— Уилл, — спросил твердым голосом Бартон, — что будем делать? — И он указал на толстый электрический кабель, медленно вдвигавшийся через отверстие в стенке внутрь батисферы. Это огромное давле-

ние воды заталкивало его в аппарат. Кабель вползал как живая змея и опутывал сидевшего рядом Бартона. Он все еще вопросительно смотрел на Биба.

— По-моему, это очень похоже на гибель Лаокона и его сыновей в змеиных кольцах, — констатировал Биб и вновь занялся наблюдениями.

Когда батисферу подняли и с трудом открыли туго закрытую крышку, Бартон не смог сразу выбраться: его запутали кольца кабеля.

Успеха они добились большого. Батисфера отлично выдержала давление на глубине 240 метров. Биб окончательно уверился, что они смогут достичь и больших глубин. Так и случилось.

С каждым погружением они шли все дальше и дальше. Их увлекал уже не только пыл открывателей, но и чисто спортивный азарт.

17 сентября 1932 года. Тяжело ударив о морскую поверхность, стальное ядро с заключенными в нем Бибом и Бартоном пошло в глубину. С визгом вращается барабан лебедки, выдавая новые и новые метры стального троса. Те двое, сидящие возле иллюминаторов батисферы, вверили свою жизнь этой тонкой нити. Никто и ничто не сможет помочь им, если нить оборвется... Они стараются об этом не думать.

Потом они уже просто не могут думать об этом: мир, открывшийся перед ними за стеклами иллюминаторов, заставил позабыть об опасности. Широко раскрытыми глазами смотрели гидронавты в зеленый сумрак... Это впечатление они сохраняют в себе навсегда. Биб позже напишет о том погружении: «В течение двух миллиардов лет до нашего появления здесь не было ни дня, ни ночи, ни лета, ни зимы и вообще времени. И мы были первыми, кто засвидетельствовал это». Рыбы с безразличием смотрели на странный предмет, спустившийся к ним откуда-то сверху, люди с изумлением разглядывали необычных существ, которых мог-

ло создать — так казалось — разве только больное воображение. Некоторых из тех рыб, что увидел тогда и подробнейшим образом Биб описал, больше никто из ученых не видел. Выключив свет снаружи и внутри батисферы, гидронавты не отрываясь глядели на обитателей глубинного мира. Многие из них светились призрачным светом...

Вот «саблезубая рыба-змея», — так назвал ее Биб — проплыла, извиваясь длинным телом, ощерив свои изогнутые тонкие зубы. Вот «рыба-дракон» — страшилище с большой головой и уродливой пастью. А вот кальмары, живущие только здесь, на большой глубине: «Их большие глаза, каждый из которых был окружен светящимся кружком, внимательно смотрели на меня и казались разумными». Батисфера медленно скользила меж них.

А потом неожиданная встряска: внезапно батисферу стало сильно качать, неведомая сила бросила гидронавтов на стенку, потом — на другую. Им показалось, что трос оборвался и батисфера, переворачиваясь, падает на далекое дно... Но нет: все улеглось. Биб и Бартон с тревогой глядят друг на друга. И снова эта страшная пляска... Они поняли: качает корабль. Трос, то резко натягиваясь, то ослабляясь, заставляет прыгать в морской глубине батисферу.

И все же Биб и Бартон решили спускаться дальше. Бартон передал по телефону на корабль команду, и снова пол под ними стал уходить вниз. Они остановились на глубине шестисот семидесяти метров. Никогда прежде человек не бывал на такой глубине. Возмущенные, Бартон и Биб молча приникли к иллюминаторам...

Возглас удивления вырывается у них почти одновременно. Море вокруг батисферы будто бы ожило — сотни голубых рыб-попугаев собрались, привлеченные светом. Маленькие и огромные рыбы, некоторые из

них достигали метра в длину, теснились вокруг аппарата, шевеля губами и тычась в него носами.

Только возобновившаяся тряска заставила их оторваться от этого зрелища и передать на корабль команду «подъем». Но, даже и поднимаясь, Биб встречал рыб, никем не описанных прежде. Вот страшное почти двухметровое чудище с длинным и узким телом, с большой головой, с открытой пастью и частоколом острых зубов. Биб не мог не обратить внимания: зубы рыбы светились, вдоль бока бежали голубые огни, на голове и хвосте висело нечто вроде длинных усов, концы которых отсвечивали красным и синим цветом. К этой рыбе присоединилась вторая, точно такая же... Биб и думать не мог, что погружение окажется столь интересным, и без усталости рисовал, то склоняясь над своим блокнотом, то поднимая голову к иллюминатору. Если бы знал он тогда, что эти его рисунки, после того как их напечатают, многие ученые — его коллеги — будут называть не иначе как «плодом фантазии» и что мало кто поверит ему, будто он действительно видел таких рыб... Как неохотно все-таки верят люди в то, что существует на самом деле, но кажется им необычным. В чем только не обвиняли потом Уильяма Биба! К счастью, его невозмутимость служила вполне надежным щитом.

Весь следующий год Биб готовился к новым, как он говорил, «большим» погружениям. Бартон же занялся съемкой подводных фильмов — до того времени, пока Биб снова не призовет его под свои знамена.

Они встретились в начале августа тридцать четвертого года. 15 августа они вновь сидели в своей батисфере, готовые к спуску. Потом, как немногословно сам Биб описал происшедшее, «мистер Бартон и я были сброшены в океан». И опять по мере спуска вода моря меняла свой цвет: сначала она теряла красные и желтые краски, потом, где-то на глубине метров ше-

стидесяти, уже нельзя было вообще определить цвет воды — она казалась то ли темно-голубой, то ли зеленой. И всюду, во всей толще океана, бурная жизнь.

Спускаясь, Биб увидел одновременно шесть рыб неизвестного вида, с большими светильниками на голове, даже отдельные чешуи у них ярко светились. Рыбы не спеша проплыли пространство, освещенное прожектором батисферы, и скрылись во мраке. Потом, почти уже на предельной глубине, которой могла достичь батисфера, еще одна неизвестная рыба — плоская, как камбала, но гораздо крупнее и какая-то уж очень неловкая... Океан щедро дарил свои тайны тем, кто, невзирая на трудности и презрев все опасности, вступил с ним в единоборство. Но Биб понимал, что он увидел лишь самую малую долю того, что может открыть океан человеку.

И вот батисфера застыла. Трос почти весь был размотан с лебедки. Биб и Бартон, выключив прожектор, смотрели в крошечную мглу — мир, в который никогда прежде человек не глядел. Глубина 923 метра.

От размышлений их оторвал телефон. Капитан корабля сообщал — на поверхности поднимаются волны. Они уже возвращались, когда раздался резкий, звенящий звук, похожий на пение лопнувшей струны. Бартон сказал: «Если это оборвался трос, у нас будет предостаточно времени для наблюдений». К счастью, лопнул вспомогательный — направляющий трос. На корабле тоже пережили несколько неприятных минут, ожидая, что вот-вот туго натянутый трос расслабится и из воды покажется голый конец...

Биб позже сказал: «Спокойнее всех чувствовали себя мы с Бартоном». Те, кто его хорошо знал, понимали: раз Биб так сказал, значит, так было на самом деле.

Что он считал самым важным во всем этом деле? То, что ему удалось открыть новые виды рыб. То, что

во мраке подводных глубин человек впервые увидел живой свет. Ну и, конечно, сама глубина. Биб понимал, что сделанное им вместе с Бартоном всего лишь первый шаг человека на пути в океан.

Второй шаг предстояло сделать Огюсту Пиккару. Он высоко ценил Уильяма Биба и всегда помнил, что Биб в океане был первым.

Вот теперь дороги их встретились. Пиккар опустился с небес на землю. Он пошел в океан после Биба и Бартона, но не вслед им. Он избрал собственный путь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Пиккара как-то спросили:

— С чего начался ваш интерес к океану?

Он ответил:

— О, еще в детстве, когда я читал романы Жюль Верна.

— А как вы пришли к идее своего батискафа?

— Мысль о таком корабле появилась у меня давно. Когда я был студентом первого года обучения в Цюрихе, мне случайно попала книжка Карла Шуна, описывающая океанографическую экспедицию на «Вальдивиа». На несколько тысяч метров опускались сети и доставляли на борт судна подводную фауну.

Чтобы изучить рыб в их естественной среде, есть только один способ — опуститься возможно глубже в океан. Я говорил себе, что можно построить непроницаемую кабину, способную выдержать подводные дав-

ления и снабженную иллюминаторами, через которые наблюдатель может знакомиться с новым миром. Такая кабина будет тяжелее вытесняемой ею воды (точно так же, как гондола аэростата тяжелее вытесняемого ею воздуха). Нужно по аналогии с воздушным шаром подвесить ее к большой емкости, наполненной веществом более легким, чем вода».

Вот вся идея. Простая и неожиданная. Говорят, все гениальные идеи просты...

Огюст Пиккар не потерял свою мечту, она не растворилась в мелочах жизни, как это часто бывает. Ведь очень немногие могут признаться в самом конце своей жизни: я прожил так, как хотел, как задумал. И конечно, не только мелочи жизни поглощают светлый порыв человека: реальность, от него не зависящая, тоже управляет судьбой. Поэтому давайте не станем винить тех, кто не сделал всего, что задумал и о чем мечтал в юности. Давайте воздадим должное тем, кто это сделать сумел. Вся их жизнь говорит: надо очень верить в мечту, надо жить для нее, и она не заставит вас ждать.

Огюст Пиккар был одним из этих людей.

В 1937 году он начал работу над своим батискафом. Дело ускорила случай. Леопольд, король Бельгии, увидев Пиккара на одном из приемов, подошел к нему и спросил: «Над чем вы работаете теперь, профессор?» Вопрос застал Пиккара врасплох: его работа в лаборатории была обычной, повседневной работой. Вряд ли она могла заинтересовать короля. И он сказал о другом: «Я пытаюсь создать аппарат, который позволит человеку опуститься на дно моря. Я собираюсь вернуться к принципу свободного аэростата и приспособить его для подводного плавания».

На другой день профессор в лаборатории объявил: «Я изложил королю свои планы. Больше нельзя терять времени. Пора браться за работу». И он начал ее. День-

ги на исследование и на строительство дал все тот же фонд. Конечно, в жизни было все не так-то просто — деньги приходилось доставать довольно хитроумным способом, и не будь сам директор фонда на стороне Пиккара, еще неизвестно — получил бы он их или нет. Во всяком случае, он получил деньги «на фундаментальные работы по технологии высоких давлений». В принципе именно такие работы и предстояло ему провести: мир, в который собирался вторгнуться Пиккар на своем батискафе, был миром высоких давлений.

Сначала Пиккар вместе со своим ассистентом Жаном Гюлиссеном организовал лабораторию высоких давлений — раньше в Брюссельском университете такой лаборатории не было. Пиккар не мог обойтись без нового оборудования, без испытательных стендов — ведь столько материалов еще предстояло опробовать, прежде чем выбрать один, самый надежный.

Вместе с Гюлиссеном Пиккар строил модели гондолы — такой точно формы, таких точных размеров, как она должна быть построена. Строили из сплава магния — надеялись, что материал этот, прочный и легкий одновременно, даст большую толщину стенкам гондолы, а это важно, поскольку в воде такая гондола стала бы весить меньше. Пробовали строить даже из плексигласа — отец Гюлиссена, профессор химии, обратил внимание Пиккара на этот прозрачный, только что появившийся материал. Плексигласовая гондола не выдерживала давления, царящего на той глубине, куда намеревался спуститься Пиккар. Зато в качестве материала для иллюминаторов плексиглас вполне подходил.

Они опробовали еще несколько прочных сплавов и остановились на стали, которую называли «неустойчей».

Пиккар задумал сделать гондолу своего батискафа из двух полусфер. Да иначе, вероятно, и быть не мог-

ло: целиком отлить такой полый шар было бы попросту невозможно. А прочность гондолы, собранной из двух половинок, как показали расчеты, такова же, как и целой гондолы. Трудность для Пиккара-инженера состояла в другом: в гондоле придется делать много отверстий. Входной люк, иллюминаторы, отверстия, через которые протянутся кабели, трубы — все эти дырки ослабляют прочность стенок гондолы. Поэтому вокруг всех отверстий нужно усилить стенки, сделать их толще. Впрочем, и это еще не такая уж трудность. А вот рассчитать переходы от утолщенной стенки к нормальной — это уже задача в инженерном смысле изысканно тонкая. Все расчеты Пиккар делал сам.

Истекали последние месяцы тридцать девятого года. Расчеты и бесконечные проверки и перепроверки — все позади. Теперь они должны были воплотиться в металл. В самом начале 1940 года Пиккар передал чертежи на заводы. Он надеялся до конца года закончить строительство. Но в жизни получилось иначе.

Разразилась война. Фашисты вторглись в Польшу, в Чехословакию, подходила очередь Бельгии. Пиккар чувствовал себя неуверенно, не знал, что предпринять. Остаться в Бельгии дальше было опасно. В университете ему посоветовали уехать в Швейцарию. Он колебался. Все-таки столько лет прожито здесь, да и к тому же работа...

Он перестал колебаться, как только немецкие моторизованные части появились на бельгийских дорогах. Пиккары быстро собрались и покинули Бельгию. Судьба батискафа в стране, где решались судьбы людей, никого не заботила.

В местечке Шебро, недалеко от Лозанны, Огюст Пиккар построил дом и здесь, среди знакомых гор и долин, среди тихих пейзажей, к которым он привык еще в детстве, такими странными, нет — даже нелепыми казались мысли, что совсем неподалеку отсюда

гремели орудийные залпы и умирали невинные люди.

В бою погиб Жан Гюлиссен... Сколько дней до самого позднего вечера сидели они над расчетами, сколько напряженных часов провели они вместе, проводя испытания. Жан так хотел первым опуститься с ним в батискафе... И нет больше Жана...

Потом другое известие: фашисты пришли домой к Максу Козинсу и забрали его. И никто не мог сказать, где он сейчас. Может быть, нет в живых... А ведь, кажется, совсем недавно — полет в стратосферу, пышные встречи, портреты в газетах... В немецких газетах тоже.

«Что мог сделать им Макс? — думал Пиккар. — Макс всего-навсего физик...»

Следующее расставание было с Жаком. Прощаясь, Огюст Пиккар долго глядел в лицо сына, стараясь понять, о чем он сейчас думает. Оба молчали. Жак уходил добровольцем во французскую армию.

«Когда я теперь увижу его, — думал отец, — увижу ли? — А вслух только сказал: — Возвращайся скорее, Жак». Они обнялись.

Время для Пиккара теперь тянулось словно бы нехотя, он стал молчаливее. Он не знал, сколько придется ждать, пока можно будет заняться прерванным делом, пока придет домой Жак, а сейчас он чувствовал себя неуверенно, даже немного растерянно, как человек, которого внезапно лишили всех перспектив.

Он стал заметно сутулиться, ходить медленно и, казалось, был всегда погружен в свои мысли. Его пышная грива стала совершенно седой...

В это время он работал на заводе металлических конструкций инженером-консультантом, потом на алюминиевом заводе в такой же должности. Несколько раз ему подвернулся счастливый случай, и он сумел по-

ставить кое-какие эксперименты, которые, как он надеялся, понадобятся в работе над батискафом. Он верил, что рано или поздно, но построит его.

Жак вернулся после войны, в сорок пятом году. Появился в Брюсселе и Козинс, измученный, истощенный... Большую часть войны он был в Дахау, в фашистском концлагере. Кажется, чудо спасло его. Из этого лагеря, расположенного поблизости от прелестного немецкого городка, где на каждом шагу можно было встретить цветы, мало кто возвращался живым.

Пиккары снова в Брюсселе, в своем доме на авеню Эрнестин. Профессор — на кафедре в университете. Щедрый фонд вновь дает деньги на строительство батискафа. Правда, с одним условием: все права, руководство, а также ответственность профессор Пиккар разделит с ученым, подданным Бельгии.

Пиккар удивлен, озадачен, он не понимает, что стоит за этим условием. Он знает, что в таком деле раздвоение руководства опасно, но выбора ему никто не давал. Вопрос стоял так: или — или.

К счастью, вторым шефом строительства батискафа был назначен Макс Козинс. А что касается самого факта назначения второго руководителя, то тут оказалось все просто: бельгийцы платили деньги и хотели поровну разделить славу с Пиккаром. Теперь им стало мало того, что батискаф, как и стратостат, будет носить название фонда — так еще до войны решил профессор Пиккар.

Как бы то ни было, а строительство Пиккар и Козинс начали вместе.

Когда обе полусферы были готовы, встал вопрос: как их испытать? Одно дело — модели, другое — реальные вещи. Модели Пиккар испытывал в специальном резервуаре, заполненном маслом. А где испытать готовую гондолу? Нет на свете такой камеры, в кото-

рой можно было бы поднять давление до нужных пределов. Только море, само море способно подвергнуть батискаф испытанию.

И все же кое-что профессор предпринял. Если нельзя испытать девятисантиметровые стенки гондолы давлением, можно проверить однородность структуры стали. Пиккар с трудом раздобыл один грамм радия и положил его внутрь, в центре гондолы. Снаружи всю сферу он обложил фотопленкой. Если в стенках есть хотя бы небольшие пустоты, излучение радия в этих местах засветит пленку. Через сутки пленку проявили, Пиккар внимательно ее изучил и увидел, что кое-где в стали незначительные пустоты есть. Тогда Пиккар решает вырезать сталь в этих местах и вогнать в отверстия пробки в виде усеченного конуса. Во время погружения давление воды плотно вожмет пробки, и прочность гондолы останется прежней.

Теперь, кажется, все было готово к первому испытанию батискафа. Уже подходил к концу ремонт «Скальдиса», осталось только соединить эти два корабля — пароход и батискаф. Корабль, уходящий в прошлое, и корабль, перед которым открывалось большое будущее. День погружения близился.

Как-то Пиккар и Козинс попали на новый фильм, снятый Жак-Ивом Кусто, капитан-лейтенантом французского флота. Фильм назывался «Обломки затонувших судов». Это был удивительный фильм! Люди, вооруженные аквалангами, только-только изобретенными Кусто и Ганьяном, чувствовали себя под водой свободно, как рыбы. Они осматривали останки древнеримских судов, поднимали на поверхность уцелевшие амфоры, утварь, увенчанные богатой резьбой мраморные капители колонн, которые много столетий назад вез этот корабль. Пиккар не предполагал, что под водой можно снять такой увлекательный фильм. Потом он подумал о своей экспедиции и решил попросить Кусто

присоединиться к нему, чтобы снять фильм о погружении батискафа.

Козинс написал Кусто, тот ответил, потом приехал в Брюссель, где все трое и встретились. Кусто очень заинтересовался аппаратом Пиккара. Возможность снять новый фильм тоже его привлекала, и он с радостью согласился принять участие в экспедиции. А вскоре дома у Кусто состоялся такой диалог. Симона, его жена, говорила, немного нервничая:

— Прошу тебя, Жак, не погружайся в этой противной машине. Откажись от участия в экспедиции Пиккара. Мы все ужасно беспокоимся за тебя.

Густые черные брови Кусто в удивлении шевельнулись: он не мог припомнить случая, чтобы Симона хоть раз протестовала против его решения.

— Но почему же? — спросил он. — Почему ты меня просишь об этом?

— Тебе ведь никто не приказывал? Верно? Так почему ты сам лезешь в эту историю? Зачем рисковать собой ради какой-то безрассудной идеи?

Кусто понял: жена привыкла ко всем его подводным приключениям, но она привыкла и к тому, что он всегда выступает в роли свободного пловца, который в случае необходимости быстро может подняться. А тут тесный стальной шар... Человек, заключенный в нем, кажется совершенно беспомощным. К тому же она начиталась всяких страхов об экспедициях Биба, о которых всякий раз писали, что они сопряжены с предельным риском. Но если про батисферу Биба, подвешенную на тросе, это действительно можно сказать, то батискаф Пиккара — корабль самостоятельный во всех отношениях.

Кусто так и сказал жене:

— Батискаф вполне надежен. Тебе не из-за чего беспокоиться.

Правда, как он потом признался, он сам тогда еще не вполне доверял батискафу, хотя бы потому, что видел его только на чертеже. Но жене это незачем знать. Она должна думать, что муж отправляется в самую обыкновенную подводную экспедицию.

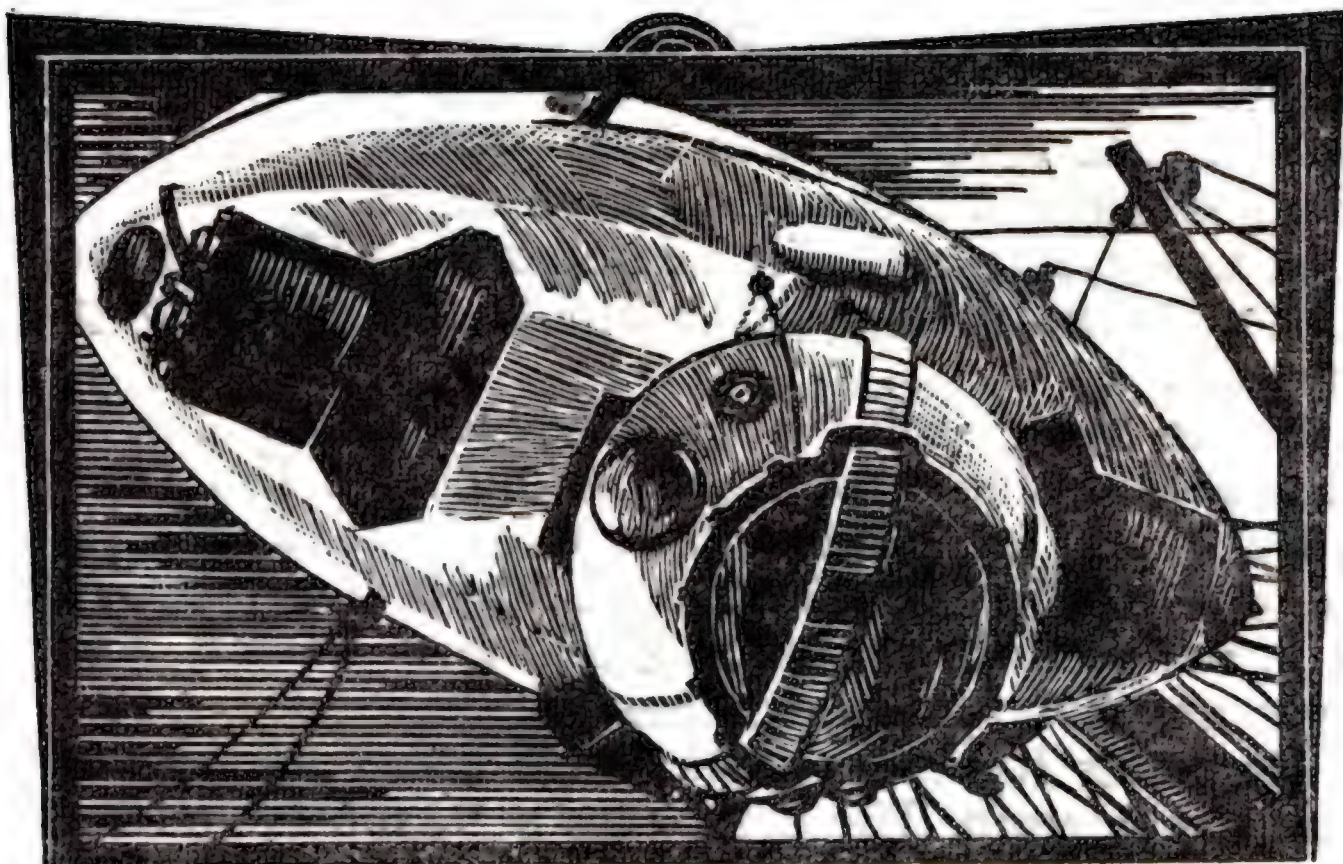
А что думал он сам? Прославленный капитан, первый человек, вошедший в море, как в свою родную стихию...

Кусто так написал: «...конечно, наша операция не была застрахована от неожиданностей. Но, как бы то ни было, мы с Дюма и Тайе снова были вместе, готовые плыть к берегам Западной Африки навстречу самому замечательному приключению в нашей жизни, и ничто не могло нас удержать».

Капитан Кусто понимал, что стоит на пороге большого свершения. Никогда еще у человека не было такой возможности — опуститься на самое глубокое дно океана. Он понимал, конечно, что это произойдет не сейчас, а немного позже, но он знал и то, что сделает это человек в подводном корабле, придуманном и построенном этим удивительным швейцарцем, который сначала первым поднялся в стратосферу, а теперь задумал пройти через всю толщу вод океана.

Кто же он, профессор Огюст Пиккар? Ученый? Конечно. Большой ученый. Инженер? Да, разумеется. Конструктор, изобретатель? Да. И, хотя он сам не говорил, что рекорды, спортивные достижения его не волнуют, все-таки его можно назвать и спортсменом. Не по профессии — нет, но по духу, характеру. И, если бы существовала на свете такая профессия — мечтатель, его можно было бы назвать одним из самых выдающихся представителей этой профессии.

Как много разных людей бывает заключено в одном человеке...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«Скальдис» шел в Дакар медленно, то и дело в пути останавливаясь. Механики сбились с ног, устраняя бесконечные поломки в машинах. Капитан Ла Форс беспомощно разводил руками, когда к нему приближался Пиккар с одним и тем же вопросом: «А теперь что случилось?» Пиккар нервничал, опасаясь, что Кусто на своем «Эли Монье» придет в Дакар много раньше и долго ждать их не сможет. «Нет, этот «Скальдис» — детище недоброго рока», — думал Пиккар.

«Эли Монье» ждал их в Дакаре. Пиккар облегченно вздохнул, едва увидел его стройный, сияющий белизной корпус, четко вырисованный на фоне темно-синего моря. Стоял первый день октября. Было солнечно, тихо. Но Пиккар прекрасно понимал, что погода в любой час может испортиться. Дело обычное в этих краях. Впрочем, время есть: можно подождать, если на-

грянут штормы. От этой мысли он успокоился. А что волноваться напрасно? Бог с ними, с этими мелкими неудачами, что преследуют его с той поры, как они вышли из Антверпена, — важно, что в целом идет все по плану.

Подошел сын Жак, встал рядом, облокотившись о поручень. Он был выше, крупнее отца. «Как быстро он вырос, — думал отец, — недавно он был совсем еще мальчик — вот в тот день, когда я второй раз стартовал в стратосферу. Тогда он стоял рядом с Марианной и с восторгом глядел на меня. А теперь Жак мужчина. И кажется, обещает стать настоящим ученым. Теперь мы вместе, в одной экспедиции...»

Огюст Пиккар поправил очки и сказал, кивнув на белый корабль, к которому они приближались:

— Это «Эли Монье», Жак. Капитан Кусто ждет нас.

Когда корабли сблизились, над «Эли Монье» взлетел сноп ярких, разноцветных огней, рассыпавшихся звездными искрами, — французы устроили фейерверк Огюсту Пиккару. Потом Пиккар с сыном увидели шлюпку, которая спускалась вдоль белого борта. Кто-то с «Эли Монье» спешил нанести первый визит.

Это был Жак-Ив Кусто. Он поднялся на палубу «Скальдиса», почти не останавливаясь, поздоровался с капитаном, с Пиккарами и буквально скатился по трапу вниз, в открытый грузовой трюм — так не терпелось ему посмотреть батискаф. Позже он скажет: «Вспыхнули яркие лампы, и я увидел чудесный корабль... Теперь я смог пощупать его своими руками... Моя вера, питавшаяся до сих пор теорией, окончательно окрепла».

Кусто ходил вокруг батискафа, разглядывая его тупоносый баллон-поплавок, подвешенную гондолу, которая, казалось, удивленно таращила широко раскрытые глаза-иллюминаторы. «Даже странно, как сильно он

похож на дирижабль, — думал Кусто, — а эти винты с обеих сторон гондолы еще больше делают сходство». Он заглянул внутрь гондолы — и увидел невероятное, так ему показалось, множество рычагов, рукояток. Тут же, в кабине, приборы и, конечно же, счетчик Гейгера — Пиккар хотел знать, насколько глубоко космические лучи проникают в море и как при этом меняется их интенсивность.

Взглянув на кислородные аппараты, Кусто вспомнил, что Пиккар рассказывал ему на встрече в Брюсселе: «Два человека могут жить в батискафе двадцать четыре часа». Любит точность профессор. Он не сказал — «сутки», а «двадцать четыре часа». Сутки, может быть, и немного меньше, а может — немного больше. А он назвал точное число часов, отпущенных человеку для жизни в батискафе.

Группа Кусто по просьбе Пиккара и Козинса сконструировала стальные клешни-манипуляторы, с помощью которых можно было бы поднять со дна какой-либо интересный предмет или камень. Французы же по проекту Пиккара и Козинса создали настоящую подводную артиллерию. Семь подводных пушек, заряженных гарпунами метровой длины, могли на расстоянии в пять-семь метров пробить доску толщиной около восьми сантиметров. Причем мощь пушек возрастала с увеличением глубины. Сделали их просто так, на всякий случай — вдруг на батискаф обрушится кто-нибудь из гигантских обитателей моря. Предусмотрели и тот случай, если силы гарпунов вдруг окажется мало: к их наконечникам подвели электрический ток. Если же и ток не поможет, тогда через канал в гарпуне в тело врага, как шприцем, можно впрыснуть порцию яда. Можно сказать, что гидронавты вооружились до самых зубов.

На вооружении батискафа был еще и гидролокатор. Он поможет быстрее найти подводный ко-

рабль после того, как он всплывет. Этот момент крайне важен: гидронавты не могут открыть сами люк, изнутри.

...Кусто поднялся на палубу «Скальдиса», подошел к Пиккару и, пожимая руку ему, сказал: «Профессор, ваше изобретение — самое замечательное из изобретений нашего века!»

— Благодарю вас, капитан, — ответил Пиккар. Когда он поклонился, его седые волосы рассыпались, закрывая лицо.

Почему они выбрали для испытаний Дакар? Во-первых, Пиккар не хотел уходить далеко от Европы — «Скальдис» им дали на короткое время и к тому же приходилось экономить топливо. Во-вторых, Пиккар искал место, где бури случаются редко. В-третьих, им нужна была глубина. Пиккар и Козинс рассчитывали спуститься на четыре тысячи метров, а для этого им необходимо испытать батискаф с перегрузкой в полтора раза большей. Значит, им нужна глубина в шесть километров. Вот и выходило: работать надо где-то в районе Дакара.

А в Дакаре им устроили пышный прием. Газеты расписали подробности экспедиции и подогрели к ней интерес, так что в Дакаре многие из влиятельных лиц ощущали свою причастность к событиям.

На приеме произносили много торжественных то-стов — выступал губернатор, говорил адмирал Соль, комендант французской базы в Дакаре, и все вели себя так, будто на их глазах уже состоялся триумф. Пиккар во время речей чувствовал себя крайне неловко — он вежливо улыбался, когда это было необходимо, приподнимался, раскланивался, но Жак, который не отходил от него, видел, что отец, если бы мог, с большим удовольствием исчез отсюда. Впрочем, прием прошел не без пользы для экспедиции: адмирал обещал отрядить в помощь Пиккару два фрегата и два

гидроплана. Поддержка оказалась могучей — профессор на нее никак не рассчитывал.

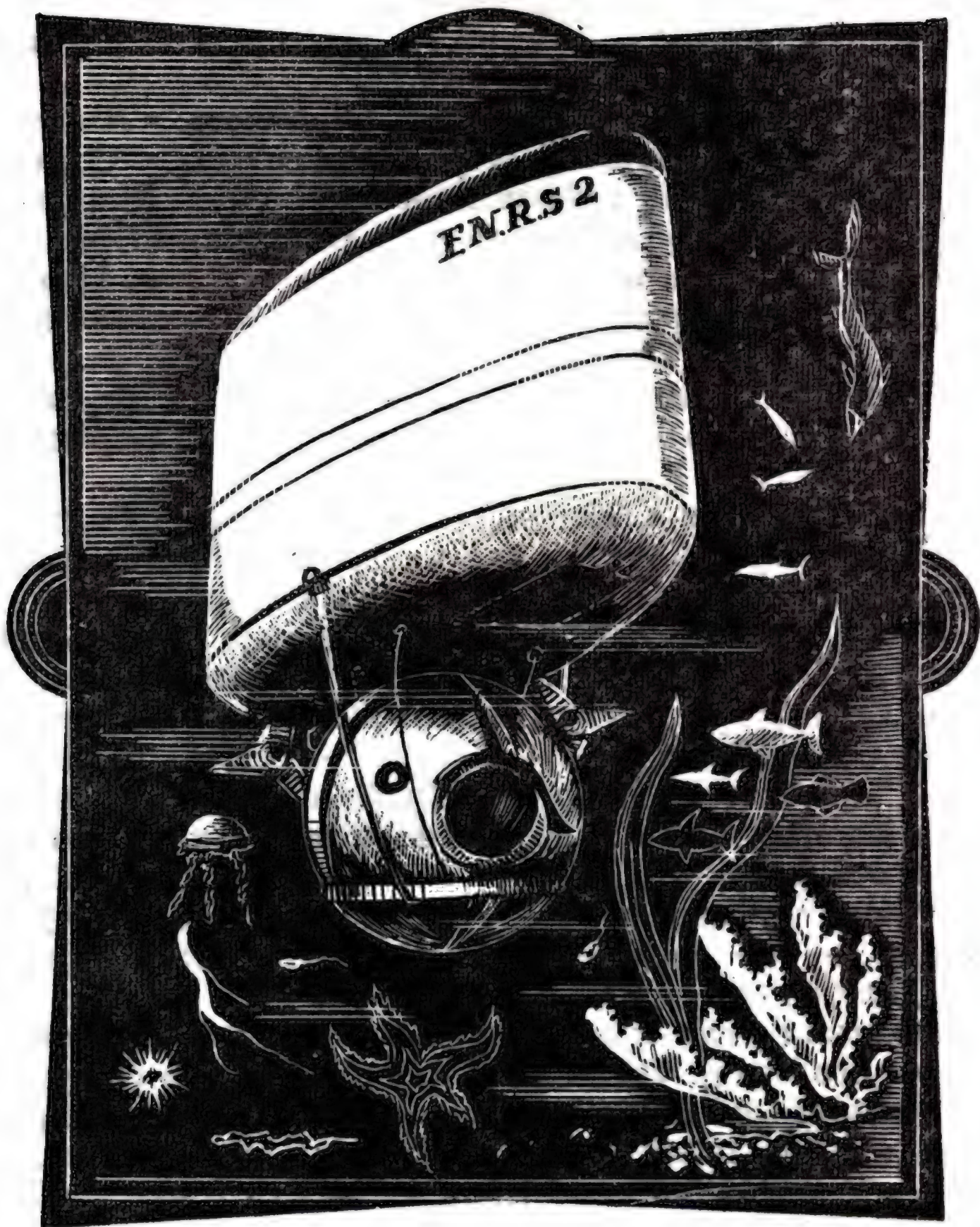
В конце октября корабли покинули порт. Пиккар и Козинс опасались, что долго не смогут найти пригодное место для погружений, и потому торопились.

Они нашли глубокое место неподалеку от острова Бао-Виста, одного из островов Зеленого Мыса. После недолгого совещания в кают-компании «Скальдиса» все сошлись на одном: батискаф сначала надо испытать на небольшой глубине. Решили, что 25 метров — самая подходящая глубина.

Пять дней еще ушло на то, чтобы подготовить батискаф к первому спуску. Все утро последнего дня несколько человек трудились в поте лица, подвешивая к батискафу балласт — несколько тонн железных чушек. На подводном корабле был автомат-устройство, сбрасывающее балласт при достижении заданной глубины — на тот случай, если погружаться он будет без экипажа.

Козинс, который последние дни почти не вылезал из трюма, очень много возился в гондоле с приборами и перед самым испытанием зачем-то подключил автопилот. Он сделал это совершенно спокойно, поскольку убедился, что часы, включающие систему сбрасывания, стоят. Потом, уже после того как удалился Козинс, в гондолу заглянул профессор Пиккар. Как настоящий швейцарец, он не мог равнодушно смотреть на недвижные стрелки часов и завел их, не посмотрев, подсоединен или нет автопилот. Ровно в 12 часов дня «Скальдис» содрогнулся от грохота: часы шли отменно и отключили балласт. Несколько тонн металла обрушилось в трюме. Хорошо еще, что никого рядом не было...

Капитан Ла Форс, невозмутимый человек, с обветренным лицом и неизменной трубкой в зубах, замер и побледнел в эту минуту... Ощущение у многих было

такое, что их торпедировала подводная лодка. А капитан, кажется, невзлюбил батискаф и заодно всех, кто с ним был связан. После этого эпизода многие старались обхсдить батискаф стороной.

К 25 октября все, кажется, утряслось. Батискаф приготовили к первому его погружению. Осталось только решить, кто займет место в гондоле. Профессор Пиккар — это ясно. Составить компанию по полному праву ему должен был Козинс, но он заболел. Пиккар, глядя на него, нередко думал о том, как сильно пошатнулось здоровье Козинса после концлагеря. Впрочем, чего другого можно было еще ожидать... Здесь же, в Дакаре, стояла жара, а Козинс плохо ее переносил, вот он и слег.

Пиккар предложил тянуть жребий, кому быть вторым в экипаже, и выбор пал на Теодора Моно, профессора Парижского музея естественной истории.

Когда оба они забрались в гондолу, к батискафу подкатили по рельсам массивную крышку люка. Ею накрыли входное отверстие и завили. Пиккар сразу же взял телефонную трубку — надо проверить связь. Телефон не работал. Профессор вспомнил, что они с Козинсом так и не договорились о том, кто займется отладкой связи — и вот результат, связи нет.

«Макс все дни работал, не жалея себя, — думал Пиккар, — но в таких экспедициях все-таки руководить должен кто-то один».

Стальная рука крана подняла батискаф, в иллюминаторы его сразу ударило солнце, и Пиккар подумал: «Как похоже на старт в стратосферу». Кран пронес батискаф над палубой и плавно опустил его за борт. Ровный, нежно-голубой свет моря заполнил гондолу. Пиккар приник к иллюминатору, потом порывисто обернулся к Моно: «Сорок лет я ждал этого момента». Моно рассказывал, что Пиккар был очень взволнован.

В гондоле стояла почти полная тишина, и Пиккар

вслушивался в звуки, доносившиеся сверху, стараясь понять, что там сейчас происходит. Вот шум паровой машины лебедки — значит, их сейчас немного опустят. Поплавок еще не заполнен бензином, так что батискаф слишком легок и погрузиться глубже не сможет. Пиккар услышал, как заработала помпа, нагнетая бензин по шлангам в батискаф из трюма «Скальдиса». Гидронавты почувствовали, как их корабль стал оседать.

Неожиданно возле иллюминатора появился пловец. Он приближается к гондоле и старается в нее заглянуть. «Это Никола, — глядя на него, подумал Пиккар, — друг капитана Немо. Сколько уж лет помнится эта картина из «Двадцати тысяч лье под водой». Арронакс и Немо, молча стоящие в полумраке гостиной «Наутилуса», а снаружи, в ярком свете плывущий человек. Сегодня я сам в подводном корабле. И около меня французский профессор Моно. Но мы не в «Наутилусе», мы в ФНРС-2, и, наконец, сейчас 1948 год».

— У нас еще есть время, профессор, — обернулся Пиккар к Моно, — может быть, сыграем партию в шахматы?

Тайе, известный аквалангист, друг Кусто, когда во второй раз подплыл к иллюминатору, застал профессоров за этим занятием. Оба увлеченно резались в шахматы и не замечали пришельца. От доски они поднимали головы только тогда, когда Тайе постучал в стенку гондолы. У него было с собой послание. Тайе приложил к иллюминатору небольшую дощечку, и гидронавты смогли прочитать: «Вы сейчас опуститесь. Не оставайтесь слишком долго внизу. Не маневрируйте».

Это очень напоминало детскую игру в испорченный телефон, и Пиккар рассердился: «Это еще что за новости? Что это значит — «не слишком долго»? Как будто мы собираемся на прогулку! Разумеется, мы

останемся внизу ровно столько, сколько нам будет нужно. А почему нельзя маневрировать?»

Потом, уже на борту «Скальдиса», он спрашивал об этом, но никто не смог объяснить. Видимо, Козинс, да и все остальные просто-напросто решили быть осторожными: аппарат первый раз погружается, мало ли что может случиться. А Пиккару такая осторожность весьма не понравилась.

Батискаф погружался медленно и плавно. Пиккар и Моно считали, что еще висят где-то возле поверхности, когда Моно, заглянув в иллюминатор, воскликнул: «Мы уже на дне!» Подводный корабль опустился на дно океана мягко, как будто оно было усыпано пухом. Но пуха не было, не было ила — всюду, куда ни глянешь, ровный песок, лежащий плавными волнами. И пустота. Нет кораллов, которые так хотел увидеть Пиккар, нет раковин, только две рыбы заплыли в освещенное батискафом пространство. Глубина совсем небольшая — всего 25 метров, но каким же мертвым казалось море вокруг. Не скрывая разочарования, смотрел Пиккар на пустынное дно.

Потом, словно вспомнив о деле, он включил счетчик Гейгера, и тот сразу же начал потрескивать. Пиккар отметил, что здесь космических частиц значительно меньше — значит, их поглощает толща океанской воды. В общем-то, он этого ждал.

Через пятнадцать минут после того, как батискаф сел на дно, Пиккар и Моно решили сбросить балласт — они не решались оставаться дольше, помня приказ, который передал им Тайе.

Пиккар нажал кнопку и увидел в иллюминатор, как от батискафа отделился бункер с грузом, потом другой, третий, и гондола, легко качнувшись, стала всплывать. Но только еще через два часа иллюминаторы ФНРС-2 показали над водой — много вре-

мени ушло на то, чтобы откачать бензин, подсоединить трос лебедки.

Весь экипаж «Скальдиса» собрался на палубе. Пиккар, прикинув к стеклу, сразу увидел Жака. Вот он стоит, вглядываясь в пятно, освещенное прожектором «Скальдиса», в центре которого покачивается на легкой волне батискаф. «Жак самый высокий из этих людей, — думал Пиккар. — На голову выше всех остальных. Как он просил, чтобы я взял его... Конечно, после того как Макс заболел, я мог настоять, чтобы Жак был вторым, но это нельзя было делать: право на первое погружение надо еще заслужить. Ничего, Жак почти мальчик — ему всего двадцать шесть. У него все впереди».

Если бы Огюст Пиккар мог знать в эту минуту, какое будущее ждет его сына! Ведь именно он, Жак Пиккар, станет первым человеком, который достигнет в другом батискафе самого глубокого дна в Мировом океане, опустится на дно планеты Земля.

Но это случится еще не скоро. Время должно отмерить еще много лет — для того чтобы успел возмужать Жак Пиккар, чтобы люди привыкли думать: дверь, за которой лестница, ведущая вниз, в гидрокосмос, открыта. Открыта с той самой поры, как профессор Огюст Пиккар изобрел батискаф. К этому действительно надо было привыкнуть: ведь человек всегда видел море рядом с собой и всегда думал, что ему не дано постигнуть морские глубины. Только теперь это стало возможно.

А пока ФНРС-2 поднимался на туго натянутом тросе и прежним путем возвращался в трюм корабля. Пиккар и Моно провели двенадцать часов внутри аппарата. Они устали, их утомил монотонный шум аппарата, который регенерировал воздух. Это был тот самый аппарат Дрегера, что семнадцать лет назад стоял

в гондоле стратостата ФНРС. Тогда он послужил Пиккару в стратосфере, теперь — на дне моря.

Когда батискаф замер на своем месте в трюме «Скальдиса», гондолу осветили прожектором и отвинтили тяжелую крышку люка. Все, склонившись над трюмом, ждали, что будет дальше. Было уже три часа ночи.

Сначала из люка вылез сапог. Потом голая нога, по которой оказалось очень трудно определить ее обладателя, потом второй сапог и вторая нога. Затем показались плавки, голый живот и сам профессор Пиккар с взлохмаченной головой. Смеясь, он держал в вытянутой руке бутылку с каким-то напитком. Этикетка смстрела как раз в сторону нацеленных кино- и фотокамер.

Кто-то из влиятельных лиц, ссудивших на экспедицию некую сумму, просил Пиккара сделать рекламу напитку. Профессор не мог отказать и выполнил просьбу, но как! Только он мог выкинуть такую шутку: полуголый профессор, в плавках и сапогах на босу ногу, протягивает к объективам бутылку — пейте напиток!

Громовой хохот встретил Пиккара. А несколько позже многие из тех, кто смеялся, за глаза обвиняли его в том, что он продался ради рекламы. Не было этого! Наоборот, он смеялся над теми, кто думал, что он способен на это.

Один репортер, терпеливо сидевший на «Скальдисе», дождался своей минуты и попросил интервью. Пиккар объяснил, что первое погружение — пробное, его цель — в принципе испытать батискаф. Дело вовсе не в глубине, на которую они опускались, — им нужно было увидеть, как под водой ведет себя батискаф.

— Ну а что-нибудь особенное, профессор? — спросил репортер. — Что вы там видели?

— Ничего, — ответил Пиккар.

— То есть как ничего?! — репортер не сдавался. Столько времени ждать, с надеждой первому узнать о сенсации — и вдруг «ничего».

— Извините, действительно ничего. Голое дно. Пара рыб — это все, что мы увидели. Но спросите профессора Моно, может быть, он что-то увидел?

На следующий день Моно дал журналисту небольшой текст, в конце которого он написал: «Две прибрежные рыбы, увиденные нами вчера на глубине 25 метров, — это, на мой взгляд, только авангард многочисленной и хорошо укрывшейся армии, которая сегодня еще стоит в ожидании, но с которой я спешу помериться силами».

Пиккар от души смеялся потом над Моно, когда прочитал в газете: «Пиккар и Моно сообщили, что видели авангард армии глубоководных чудовищ, с которыми они надеются вскоре помериться силами». Разумеется, он понимал, что Моно ни при чем, но уж больно лихо и весело все получилось. Газете нужны были страсти, а для этого надо только чуть-чуть подправить.

Время, отпущенное первой экспедиции, подходило к концу. «Скальдису» вскоре предстояло вернуться, а батискаф ждало еще одно, на этот раз глубоководное, испытание.

Пиккар и Козинс знали: это будет решающий день.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Капитан Ла Форс стоял на мостике «Скальдиса» и, попыхивая трубкой, наблюдал, как батискаф поднимали из трюма. Очень ему не нравился этот нескладный корабль, да и вся затея с ним тоже. Непонятные люди ученые... Мало им того погружения, теперь собираются опустить пустой батискаф. Если он и достигнет большой глубины, то вряд ли вернется. Капитан Ла Форс почему-то не верил в автопилот.

Вслед за батискафом из трюма поднялся балласт, связанный канатом в гирлянду. Пиккар, стоя на палубе, внимательно следил за всеми маневрами. В низу гондолы торчал металлический прут, который должен включить систему сбрасывания балласта, едва только коснется дна, и Пиккар предупреждал, чтобы с ним поосторожнее, иначе система может сработать в самый неподходящий момент.

Стрела крана уже разворачивала батискаф, как вдруг прут задел какую-то веревку, и в то же мгновение несколько тонн балласта рухнули вниз, со страшным грохотом ударили о палубу многострадального «Скальдиса» и соскользнули в воду. Все замерли.

Пиккар был почти в отчаянии — снова неудача, снова потеряно время. Он не заметил, как к нему решительным шагом приблизился капитан Ла Форс. Капитан был настроен весьма воинственно.

— Профессор, — сказал он, — ...я считаю, что ваш эксперимент необходимо закончить. Я отвечаю за судно и не могу допустить, чтобы ваш батискаф пробил мне в палубе брешь.

— Но это совершенно невозможно, капитан, — немного растерявшись, ответил Пиккар, — мы не сделали самого важного погружения!

— После вашего самого важного погружения «Скальдис» снова придется ставить в ремонт! Никакое судно не выдержит этой бомбежки!

Подошел Кусто.

— Капитан, вы должны понять, это просто случай. Ведь дело вовсе не в ошибке в расчетах! Мы должны сделать еще попытку!

Остальные ученые, увидев, что спор разгорается, поспешили на выручку. Общими усилиями им удалось укротить капитана.

Вскоре «Скальдис», «Эли Монье» и два фрегата, которые выделил адмирал экспедиции, направились к острову Сант-Яго. Там, в заливе Санта-Клара, было решено отправить батискаф в путешествие, на глубину в полтора километра. Такую глубину Пиккар и Козинс выбрали не случайно. Они собирались погрузиться в батискафе на один километр, а для этого его нужно было испытать на глубине, в полтора раза большей. Таков закон эксперимента.

...Занималось раннее утро 3 ноября. Профессор

Пиккар, наскоро перекусив бутербродами, припасенными с вечера, спустился в трюм к батискафу. Его бело-оранжевый корпус отсвечивал в темноте, как неясное видение. «Наверно, вот так он выглядит на большой глубине в океане, — подумал профессор, — загадочное существо в загадочном мире...»

Он зажег свет, и борта батискафа блеснули ровной поверхностью хорошо положенной краски. Пиккар забрался внутрь гондолы, придирчиво осмотрел все приборы, завел часовой механизм автопилота. Посмотрел на свои «Лонжин», сверил часы. Через двенадцать часов, в 16.40, батискаф должен всплыть.

Но прошло еще много времени, которое отняли подготовительные операции, пока подводный корабль не приготовили к спуску. На всякий случай Кусто предложил еще раз промерить глубину — не снесло ли корабли с глубокого места. И вовремя: эхолот показал всего 900 метров. Пиккар начал всерьез волноваться — время текло как вода, ему казалось, что он почти видит его движение. Часовой механизм в назначенный час точно сработает, и батискаф тут же всплывет, не успев опуститься до дна, — вот чего он боялся.

Батискаф уже качался на волнах, когда выяснилось, что его надо вести на глубокое место. Со «Скальдиса» завели трос, закрепили его и двинулись в путь. Пиккар то и дело смотрел на часы.

Снова невезение — лопнул буксировочный трос. Пока матросы побежали в трюм искать запасной, профессор, заложив руки за спину, большими шагами ходил по палубе. Осталось уже менее часа... Менее часа, чтобы пройти до дна путь в полтора километра.

Наконец все готово. Профессор махнул людям, сидевшим в шлюпке у батискафа, — среди них был и Жак, — и они спеша догрузили балласт.

— Отец, я буквально оцепенел, когда он исчез под водой, — сказал Жак, поднявшись на борт «Скальдиса».

Все. Теперь осталось лишь ждать. Только сорок минут...

«Успеет или не успеет? — обеспокоенно думал Пиккар. Больше его ничто не заботило. — Нет. Видимо, не успеет. Батискаф погружается медленно, сорок минут слишком мало...»

— Он дойдет до дна, отец, — произнес тихо Жак. — Вот увидишь, дойдет и вернется.

Отец ничего не ответил. Ему сейчас вообще не хотелось ни о чем говорить.

Пиккар не заметил, как к нему подошел капитан Ла Форс. Он постоял немного, молча покуривая, потом произнес затянувшись:

— Во время войны я видел корабли, которые погружались точно так же, как этот. Но ни один из них не вернулся.

— Ни одному кораблю не сравниться с этим, капитан, — ответил Пиккар. — Мой батискаф вернется. — Он точно знал, что вернется, потому что верил в расчеты, как верил в себя. И все же он не разрешил двум офицерам с «Эли Монье» занять места в батискафе. Они очень просили, абсолютно уверенные в полном успехе и в полной надежности батискафа, но эксперимент — это эксперимент. Первое погружение на большую глубину должно пройти без людей. Французские офицеры вернулись к себе на корабль. Одно из этих двоих звали Жак-Ив Кусто.

От этого погружения зависело многое. Никогда еще человек не покушался на дно океана, никогда еще он не был обладателем такого подводного корабля, который мог бы доставить его в любую точку в Мировом океане. Не этот батискаф, ФНРС-2 — не был рассчитан на предельную глубину, а другой, такой же

в принципе. И от этого, первого, зависело — станет ли дорогой тропа, ведущая в глубину океана, или она останется только тропой. Пиккар верил в свой батискаф, но было совершенно необходимо, чтобы и другие в него поверили.

Вот капитан Ла Форс — один из тех, кто привык считать, что дно океана недостижимо. Так было всегда, так и привыкли думать. Человек так устроен: он хочет верить в невероятное, но когда это еще недавно «невероятное» становится былью, реальностью, его одолевают сомнения. Но почему? Таков нормальный, естественный ход истории. То, что было невероятным вчера, сегодня обыденно. Конечно, это происходит не сразу, не вдруг, но существует порог, через который необходимо переступить, чтобы подготовить себя к предстоящему изменению и превращению невозможного в возможное.

Тот ноябрьский день сорок восьмого года был как раз таким днем. Правда, многие из тех, кто стоял на борту «Эли Монье», «Скальдиса» и двух французских фрегатов, этого не осознавали. Их можно понять: трудно в самом деле поверить, что на твоих глазах свершается необычайное. Особенно если это необычайное выглядит как любая другая работа, как ежедневный, и очень нелегкий труд.

Пиккар снова взглянул на часы. Время еще не иссякло. Балласт еще держится. Батискаф погружается. «Дойдет он до дна или нет?.. — неотступно думал Пиккар. — Дойдет или нет?..»

Он оглянулся. Вдоль борта толпились люди. Даже кок в белом колпаке вышел из камбуза. На рангоутах всех кораблей сидели матросы. Их белые береты с красными и голубыми помпонами Пиккар увидел даже на черных трубах «Скальдиса», даже на мачтах.

— Бутылку мартеля тому, кто первым увидит

его! — крикнул Кусто. Обещанный коньяк еще больше подогрел матросское рвение.

И вдруг кто-то воскликнул на «Скальдисе»: «Вот он!»

Пиккар поднял подзорную трубу и нацелил ее в ту сторону, куда показал матрос. Потом спохватился, посмотрел на часы. Не может быть! Прошло всего 29 минут после того, как началось погружение. Батискаф не мог пройти за это время полтора километра до дна и подняться. Наверное, что-то случилось.

Профессор почувствовал внезапную слабость, ему захотелось сесть. Только сейчас заметил, какая невыносимая жара здесь, на палубе. Он вновь поднял трубу. В окуляре мелькнуло оранжевое пятно поплавка. «Да, это он, — разочарованно подумал Пиккар. — Он не дошел. Что-то включило систему сбрасывания...»

Пока «Скальдис», ведомый скептическим капитаном Ла Форсом шел к батискафу, водолазы с «Эли Монье» внимательно осмотрели гондолу. Иллюминаторы были целы, но на одном из них с внутренней стороны виднелись капли воды. Об этом сказали Пиккару.

«Значит, где-то герметичность нарушилась. Хотя нет. Вовсе не обязательно. Может быть, эти капли — результат конденсации. Нет. Не стоит еще терять надежду, — убеждал Пиккар сам себя. — Может быть, он дошел...»

Кусто первый подплыл к батискафу и, погрузившись, внимательно осмотрел его подводную часть. Все, казалось, в полном порядке, но один из тонких листов, которыми обшит поплавок, был сильно помят и покороблен.

На батискаф уже завели буксировочный трос и подтянули к «Скальдису», когда налетел внезапный тропический шквал. Сразу стало темно — казалось, нагрянула ночь. Шланг для откачки бензина из поплавка батискафа подсоединить не успели — подня-

лись крупные волны, они сильно раскачивали даже большой корабль, а батискаф и подавно, поэтому оставлять на нем людей было рискованно. К тому же матросы видели возле батискафа большую акулу — она была у себя дома и уходит пока явно не собиралась.

Пиккар стоял на палубе «Скальдиса» и, глядя в сгущавшуюся прямо на глазах темноту — ночь в тропиках наступает решительно, — спешно искал выход из положения. Можно не присоединять шланг и вылить бензин прямо в море. Это проще всего. Но бензина на «Скальдисе» нет — и этот-то раздобыли с трудом. Вылить бензин — это значит больше не будет ни одного погружения, это значит — конец экспедиции.

Ему было трудно смириться с мыслью, что неожиданно все оказалось уже позади, что самому ему не придется совершить погружение и, если трезво смотреть, всю экспедицию можно считать неудачной. А с этим он не хотел соглашаться.

Но и рисковать жизнью людей он не мог. Пусть не сейчас, пусть в другой раз, но батискаф обязательно придет к своей цели. К цели Огюста Пиккара.

И он отдал приказ слить бензин в море. Тридцать тысяч литров бензина — все содержимое поплавка — разлились по поверхности волн.

Уже спустилась плотная ночь. Только прожекторы «Скальдиса» разрезали чернильную тьму, вырывая из нее оранжевый поплавок батискафа. Пиккар стоял один, и никто не мог видеть его лица. Ему было очень нелегко в эту минуту... Столько лет продвигаться вперед, тщательно выверяя каждый шаг, а когда цель уже близка, кажется — достанешь, стоит только вытянуть руку, она, эта треклятая и желанная цель, отступает. И снова приходится начинать все сначала. Почти сначала...

«А если я теперь не успею? — думал Пиккар. — Если время мое уже истекает? Если мне не суждено до конца выполнить все, что задумал? Нет. Кое-что сделано. В конце концов, батискаф я построил. Пусть не я, пусть другие погрузятся на нем в глубину. Может быть, Жак... Я указал им путь и дал батискаф...»

Кажется, это был единственный день в его жизни, когда он начал терять веру в себя.

От тяжелых мыслей Пиккара отвлек «Эли Монье». Он шел к батискафу и приближался к зоне, где был разлит бензин. Из выхлопной трубы французского судна вылетал сноп искр. Пары бензина окутали «Скальдис», и пожар мог возникнуть в любую минуту. Пиккар велел послать радиogramму капитану французского судна, но ответа по непонятным причинам не было. Тогда все, кто стоял на палубе «Скальдиса», стали кричать. Только тогда «Эли Монье» повернул и обошел стороной опасное место.

Когда батискаф подняли на борт и погрузили в трюм, Пиккар с болью увидел, как сильно потрепал его шторм. Всю ночь его бросали волны, и даже со «Скальдиса» было слышно, как трещала обшивка. Были минуты, когда Пиккар думал, что батискаф не удастся спасти. Ведь гондола без поплавка — просто тяжелое стальное ядро.

Уже рассвело, волны, утомившись, утихли. Пиккар еле дождался, пока снимут крышку люка, и то и дело торопил матросов — ему казалось, что они очень медлительны. Как только люк открылся, профессор немедленно забрался внутрь — ему не терпелось взглянуть на приборы. Ведь только сейчас он мог узнать, какой глубины достиг батискаф.

Он дошел до самого дна! Почти не веря своим глазам — а ведь как хотелось верить! — Пиккар смотрел на указатель манометра. Его стрелка показывала, что

батискаф дошел до глубины в четыре с половиной тысячи футов. Это 1380 метров. Пиккар доказал, что он создал подводный корабль, способный достичь и больших глубин. Если бы еще оставался бензин... Тогда бы он сам опустился на тысячу метров... Но на всех островах Зеленого Мыса не набрать столько бензина...

Обследовав батискаф, Пиккар понял, почему он так быстро всплыл, не дожидаясь, пока часы включат систему сбрасывания. Оказалось все просто: он быстро спускался. Достигнув дна, он коснулся его металлическим щупом, тем самым, что однажды уже сработал, сбросив балласт на палубу «Скальдиса». Теперь же автопилот сработал безукоризненно, и именно в тот момент, когда это стало нужно. Батискаф сразу же пошел на подъем. И поднимался он даже быстрее, чем Пиккар ожидал. Вот вся загадка.

Профессор Пиккар очень жалел, что его не было в батискафе во время последнего погружения. Честно говоря, хотя он сам и избегал тогда говорить об этом — ему хотелось установить новый рекорд погружения. 923 метра профессора Биба удалось бы перекрыть сразу почти на полкилометра. И это нельзя было бы назвать иначе, как громадным успехом. Так он сам говорил. Да так оно и было бы на самом деле. Если бы...

В газетах писали, что экспедиция закончилась неудачно, что профессору Огюсту Пиккару не удалось выполнить плана, что еще неизвестно, как будет чувствовать себя человек в батискафе. Что ж, со стороны так вполне могло показаться. Батискаф выглядел сильно разбитым, а большое погружение он совершил без людей. Но что думал сам профессор Пиккар?

— Что же сказать о нашей экспедиции к островам Зеленого Мыса? — говорил он. — Она принесла

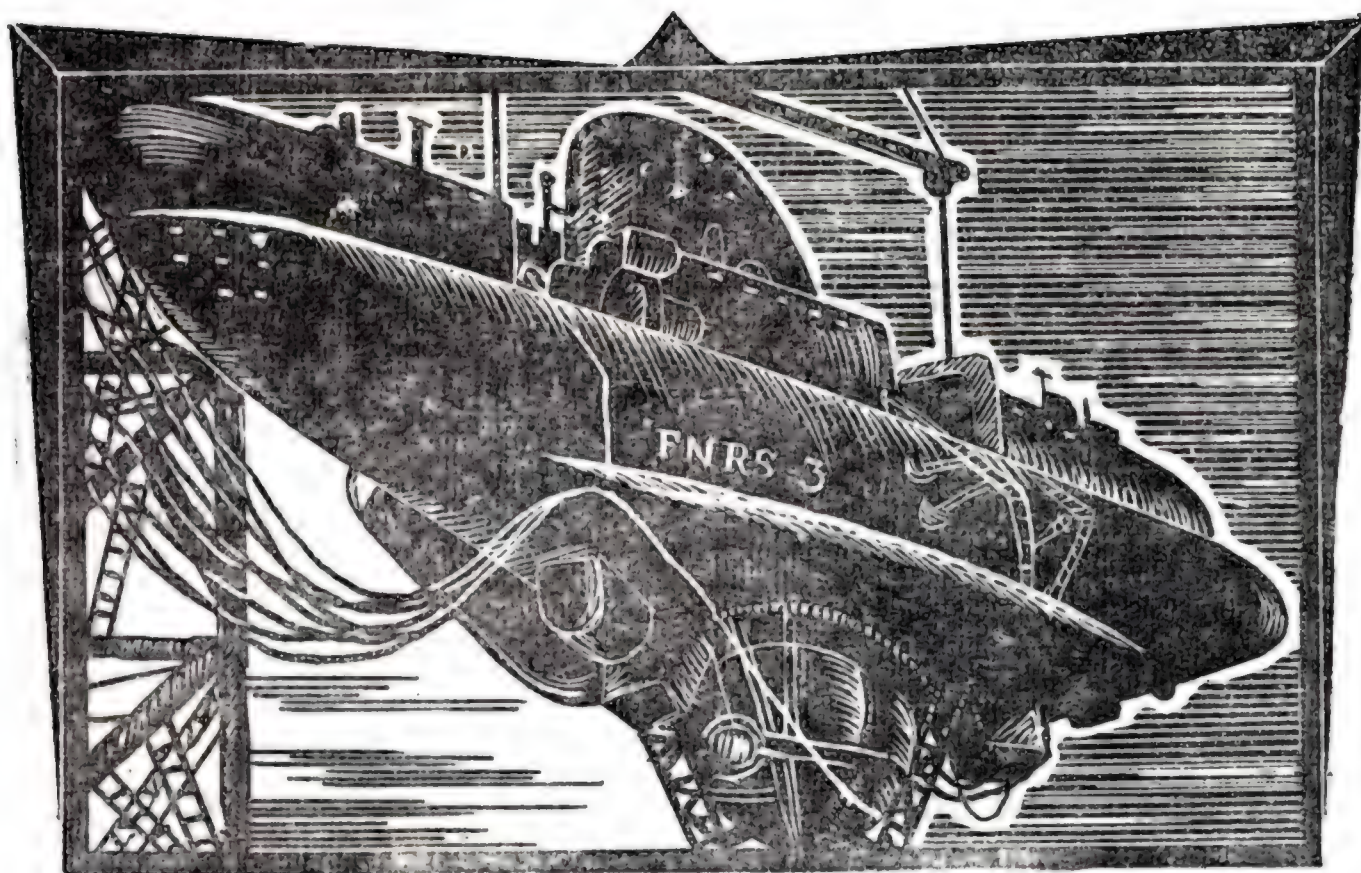
нам много разочарований, но, следует подчеркнуть, была далеко не бесполезной.

Не впервые для задуманного научного эксперимента создаются все условия, и все же эксперимент сканчивается неудачей. А в технике? Каково число самолетов, которые побежали по дорожке и никогда не смогли взлететь? Я помню те времена, когда нужно было лечь на землю, чтобы определить момент отделения колеса самолета от грунта. Какой восторг вызывал каждый дециметр, который появлялся между шинами колеса и полем аэродрома!

Важно ли для нас, что наша экспедиция не имела шумного успеха? Но зато мы получили доказательство правильности принципа батискафа!»

Вот главный итог экспедиции. Об этом Огюст Пиккар говорил в кают-компании «Эли Монье», стоя перед участниками экспедиции. Он говорил, что задумал строить другой батискаф, более совершенный и более самостоятельный. И он говорил, что еще надеется сам совершить в нем погружение и превзойти рекорд профессора Биба. Он не знал, что всего через несколько дней Отис Бартон в новой своей батисфере опустится на 1360 метров. Но это будет уже последний успех батисферы. Потому что в исследовании океана началась новая эра.

Эту эру открыл батискаф Огюста Пиккара.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Корабли расставались в Дакаре. «Скальдис» шел в Экваториальную Африку — искать груз, чтобы не возвращаться в Европу пустым. «Эли Монье» вместе с капитаном Кусто и его друзьями направлялся к необитаемым островам Сальведжа. Там Кусто хотел снять фильм о подводной жизни.

А Пиккар в эти дни был молчалив и выглядел озабоченным. Денег почти уже не осталось — их не хватало не только на самолет, но даже и на пассажирское судно. Еще недавно целая флотилия кораблей была у него в подчинении, а теперь, сидя на берегу, он раздумывает, как бы вернуться домой.

Жака волновали заботы отца, но он не мог ничего придумать, чтобы успокоить его. Жак понимал, что отец уже стар — седьмой десяток это не шутка, ему тяжело все нести одному — все эти заботы и хлопоты,

которые неизбежны в каждой большой экспедиции. Пора уж ему, Жаку Пиккару, встать рядом с отцом и разделить его трудности.

Помощь пришла неожиданно, и как нельзя более вовремя. Французские власти в Дакаре оплатили дорогу, и Пиккар вместе с одиннадцатью другими участниками своей экспедиции погрузился на борт самолета, вылетавшего поздним рейсом в Париж.

Была глубокая ночь, в салоне, освещенном тусклым желтоватым светом, все давно спали. Жак, сидевший рядом с отцом, дремал, свесив голову на плечо и вытянув ноги в проход между креслами. «Мальчику очень неудобно сидеть, — подумал Пиккар. — Наверное, он очень устал в экспедиции. Хотя теперь он уж не мальчик. Он стал мужчиной, мой Жак. Как быстро и незаметно это случилось. Да и вся жизнь человека проходит так быстро, почти стремительно. Но только в старости это можно по-настоящему понять и прочувствовать. Только тогда понимаешь, сколь скоротечно и неумолимо время...»

Профессор долго не мог уснуть. В голове роились назойливо мысли, мешавшие отвлечься, осознать наконец, что все позади, экспедиция кончилась, больше не будет таких волнующих, наполненных напряженным ожиданием дней.

Не будет... Нет, невозможно. Жизнь для него тогда сразу утратит смысл. Он не способен замкнуться дома или даже в лаборатории, ему обязательно нужно быть рядом с людьми, которые, как и он сам, стремятся куда-то, которым неведом покой, которые презирают удовлетворенность и благодушие. Нет, он никогда не осуждал тех, кто мог зарыться в стенах лаборатории, отрешившись от всех иных дел, кроме одного, самого главного — без таких людей, вероятно, не может развиваться наука — ей необходимы сподвижники, люди увлеченные, преданные. Да и сам

он, если отдавался делу, то весь, целиком. Но он не мог вести жизнь затворника. Его, как и в детстве, неудержимо влекли небо и море. Он не забыл, шестидесятипятилетний профессор Пиккар, о чем мечтал десятилетний мальчик, носивший такое же имя.

Пиккар заглянул в иллюминатор самолета, но ничего не увидел — земля растворилась во тьме, как дно океана в глубоких водах. Луна не красила ночь, и лишь звезды отметили небо — не будь их, его бы не отличить от земли. «А вот эта яркая звезда, даже пятно, — это Меркурий, — думал Пиккар. — В Европе его никогда не увидишь столь ярким. Пусть он принесет мне удачу».

Но удача долго обходила его стороной. У него уже почти был готов проект другого батискафа, который не надо поднимать на борт корабля, который может на буксире следовать за своим судном-базой. Но на этот раз фонд, уже трижды выручавший его, вынужден был поумерить щедрость: газеты обвинили его руководителей в том, что они «вкладывают средства в заранее обреченное предприятие». Попутно припомнили, что Пиккар иностранец, кроме того, в морском деле мало что понимает, так мыслимое ли дело — субсидировать его авантюру!

Вот какова человеческая благодарность, последовательность. Пока его имя сияло в зените славы, никто в Бельгии не вспоминал, что он иностранец, — еще бы, успех Пиккара можно было считать и успехом науки Бельгии. Первая неудача — неудача неполная, даже частичная, — и все забыто.

И все же в фонде были люди, которые понимали Пиккара и не теряли веры в него. Бельгийцы вступили в переговоры с Французским национальным центром научных исследований и Французским военноморским флотом с предложением вместе субсидировать строительство батискафа ФНРС-3.

Жак Пиккар, окончивший инженерно-экономический факультет, взял на себя всю организационную сторону дела и принялся курсировать между Брюсселем, Парижем, Тулоном. Впрочем, Жаку, судя по всему, такая работа нравилась; он сам говорил, что его с Францией многое связывало, он любил эту страну, любил и французов, он там воевал.

А во Франции у Пиккаров был верный союзник — капитан Жак-Ив Кусто, который тоже упорно долбил в одно и то же место, уговаривая военно-морское министерство принять участие в строительстве нового подводного корабля.

И вот стронулось. Позади бесконечные поездки, неиссякаемая переписка, официальные визиты, встречи, переговоры. Французы согласились разделить бремя расходов. Но на условиях, буквально связавших Пиккара. Профессор Козинс и профессор Пиккар всего лишь «советники». Батискаф после трех погружений переходит в военно-морское ведомство Франции. «...условия моего сотрудничества становились все более и более обременительными, — писал профессор Пиккар, — работы не начинались; положение мое было не из легких». В который уж раз он задавал себе одни и те же вопросы: почему у ученого нет почти никогда возможности работать спокойно? Почему он должен постоянно бороться с рутиной и косностью? Почему перед ним, если он делает действительно что-то новое, обязательно встает стена недоверия? Стена реальная, вполне ощутимая. Неужели так будет всегда?..

Работа в Тулоне над строительством ФНРС-3 шла полным ходом, когда профессор Пиккар получил письмо из Триеста. В письме ему предлагалось начать строительство нового батискафа в качестве главного конструктора и главного физика.

Вот это была удача! Он и надеяться уже перестал,

что когда-либо вновь станет самостоятельно руководить строительством батискафа. А этого ему очень хотелось — чувствовать полную свободу, принимать решения и знать, что их никто не оспорит, короче — делать именно то, что он считал нужным. Кроме того, сама идея построить еще один батискаф, как он сам говорил, «показалась чрезвычайно соблазнительной... Исследование больших глубин только выиграет, если вместо одного батискафа в одно и то же время окажутся построенными два».

Работа в Тулоне с самого начала была ему в тягость, он чувствовал себя неуверенно и потому быстро собрался и уехал в Триест, оставив французов самих заканчивать ФНРС-3.

Но почему вдруг Триест? Почему именно этот город проявил столь неожиданное великодушие? Профессор Пиккар догадывался: тут не обошлось без Жака. Как раз в это время Жак жил в Триесте и готовил материал для докторской диссертации, которую он собирался защищать в Женевском университете. Триест был темой его экономической диссертации. Все это профессор Пиккар знал. Но он не знал еще, что в Триесте судьба свела Жака с очень интересным человеком — директором Военного и исторического музея, профессором Энрикесом.

Профессор Энрикес был увлекающийся, порывистый человек, мечтавший увидеть возрождение своего любимого города. Он совершенно серьезно предлагал построить здесь космодром и послать ракету на Луну. А шел, между прочим, всего только 1952 год, до запуска первого в мире спутника оставалось пять лет. Не заразив никого из финансовых деятелей идеей лунного запуска, профессор Энрикес с жаром поддерживал мысль Жака Пиккара о батискафе. А батискаф — это вполне возможно, это было всем сразу понятно. Связей в влиятельных кругах у профессора Энрикеса

было достаточно. И вот профессор Пиккар получает письмо с приглашением: деньги есть.

Он ехал в Италию со смешанным чувством радости и смутным ощущением неожиданной грусти. Он долго не мог понять, откуда она, потом вдруг понял: он не был в Италии ровно двадцать лет. Двадцать лет с того самого дня, безветренного, солнечного, теперь уже далекого, почти нереального дня, когда его шар второй раз вернулся из стратосферы. Земля Италии приняла его после того путешествия. И вот он снова здесь. Теперь он верил, удача не покинет его.

А в Тулоне работа уже подходила к концу. Капитан Жорж Уо и инженер-механик Пьер Вильм заканчивали строительство ФНРС-3. Уо к тому же назначили вместо Кусто командиром «Эли Монье». Уо недавно болел, он перенес полиомиелит, и врачи запретили ему даже купаться, не то что нырять с аквалангом. Кусто, огорченный таким назначением, помчался искать поддержки к Филиппу Тайе: «Филипп, катастрофа! — всплеснул руками Кусто. — На мое место назначили офицера, которому противопоказано соприкасаться с водой!»

Но Уо и не нужно было соприкасаться с водой. Он хотел пойти за Огюстом Пиккаром — опуститься на дно в батискафе.

Батискаф «Триест», который Пиккары строили, не мог не походить внешне на ФНРС-3. Но поправки у них были разные — у ФНРС он очень напоминал корпус подводной лодки, увенчанной рубкой, а поплавки «Триеста» Пиккар решил сделать в виде цилиндра. Такая форма дает большую прочность, большую легкость, к тому же он обещал хорошую устойчивость в открытом море. Профессор Пиккар не мог забыть печальную судьбу первого своего батискафа, отлично выдержавшего давление большой

глубины и не сумевшего устоять перед натиском шторма.

Гондола «Триеста» была более прочной — каждая из двух ее полусфер выковывалась самым мощным в то время в Европе прессом. Расчеты Пиккара говорили, что его гондолу может сплющить давление, царящее на глубине шестнадцати километров. Такой глубины нет на Земле.

На верфи, где собирали «Триест», Жак Пиккар проводил целые дни — с раннего утра и до позднего вечера. Он сам следил за работой, стараясь ничего не упустить из поля зрения. Он наблюдал буквально за каждым болтом и каждой гайкой, и каждая деталь ставилась на место лишь после того, как он ее осмотрел. Он был не только сосредоточен, но и придирчив, а иначе и быть не могло: этому кораблю они с отцом собирались доверить жизнь.

Огюст Пиккар смотрел на своего молодого, энергичного сына и думал: «Какой же он молодец! Ведь он сам проверил решительно все. Он знает наш аппарат лучше меня. Что бы я делал сейчас, не будь со мной Жака. Какое это счастье, когда сын работает рядом с тобой!»

Только глядя на сына, без устали сновавшего по площадке, Огюст Пиккар чувствовал старость. Но это была не дряхлая, одинокая, безнадёжная старость — нет, он просто ощущал груз прожитых лет и все-таки ждал еще чего-то от жизни. Словно жизнь может быть бесконечно щедрой со всеми. Он ждал от жизни, что она отпустит ему время и силы, чтобы совершить еще что-то значительное, и она не обманула его.

Газеты довольно ревниво следили за ходом строительства обоих батискафов. Писали, что вот-вот начнется невиданное соревнование за достижение наибольшей глубины, за установление нового мирового рекорда. Писали, что близится такая научная «вой-

на» батискафов. Пиккар, читая такие сообщения, досадливо морщился. Журналистам, приходившим брать у него интервью, объяснял терпеливо, что лично он ни в каких соревнованиях не участвует и участвовать не собирается и что это французы виноваты в возникшей шумихе. А те, в свою очередь, заявляли, что если конкуренция существует, то уж, во всяком случае, не с их стороны. Подразумевалось, что это профессор Пиккар разжигает излишние страсти.

На самом же деле обе стороны были виноваты одинаково мало. В науке готовилось большое событие, и газеты просто не могли остаться от него в стороне. Уж чего-чего, а чутья газетчикам не занимать.

Как-то раз один из газетчиков пришел на верфь, где собирали «Триест», в надежде узнать о Пиккаре что-нибудь этакое, что позволило бы публике иными глазами взглянуть на профессора. Журналисту рассказали такой эпизод. У одного из рабочих ветром сорвало с головы кепку. Профессор Пиккар поймал ее и, сказав что-то веселое, водрузил владельцу на голову. Случай сам по себе, кажется, ничего и не значащий, но не в Южной Италии, где рабочие не привыкли к таким знакам внимания. Журналист понял, что профессора Пиккара не только уважают, но даже и любят.

И еще был случай, о котором рассказал Жак Пиккар. На верфи, одной из самых крупных в Италии, началась забастовка. Повсюду: у всех ворот и проходов — дежурили пикеты рабочих. И только в цех, где стоял батискаф, комитет разрешил пропускать на работу. Это была дань уважения. Пиккар это понял.

«Триест» спускали на воду 1 августа 1953 года. Весь берег бухты Кастелламаре-ди-Стабия, прилегающий к территории верфи, был заполнен людьми. Итальянцы собирались сделать из этого события внушительную церемонию — флаги, гимны, речи,

даже специальный молебен. И разумеется, традиционная бутылка шампанского, разбитая о борт корабля.

Пиккар хотел обойтись без всей этой помпезности: спуск на воду всего лишь спуск. Самое главное и самое трудное еще впереди. Но если воспрепятствовать молебну он так и не мог («это просто невозможно, синьор профессор!»), то уж против шампанского он решительно воспротивился.

— Но почему же, синьор профессор? Ведь так всегда делают все.

— Извините, — ответил профессор Пиккар, — но я никогда не мог понять, какая может существовать связь между осколками стекла и кораблем, которому желают счастливого будущего.

Первое погружение «Триеста» разочаровало тех, кто ждал рекорда: гондола его касалась дна, а флагшток выглядывал из воды. Глубина в этом месте бухты была чуть более восьми метров. Пиккар хотел проверить работу разных систем, герметичность гондолы, уточнить вес балласта. Все в полном порядке.

Через две недели после церемонии спуска на воду буксир отвел «Триест» в открытое море и остановил над глубиной в сорок метров. Глубина небольшая даже для аквалангистов, но спешить в таком деле было непозволительно, и Пиккар проводил испытания спокойно и расчетливо.

Профессор спустился на борт катера, который через несколько минут уже подходил к батискафу. Море было недвижно, и батискаф стоял совершенно спокойно. Возле входной шахты отца ждал Жак — он с самого начала оставался на палубе подводного корабля. Они открыли верхний люк шахты и по вертикальному трапу спустились в вестибюль батискафа. Здесь им преградила путь крышка второго люка, ведущего уже прямо в гондолу. Жак откинул ее — для отца она

была слишком тяжелой, и они друг за другом пролезли внутрь.

Гондола висела на глубине около пяти метров от поверхности моря, воды здесь были светлы и чисты, и ясный голубой свет, сочившийся в оба иллюминатора, заставил старого профессора вновь вспомнить о «Наутилусе». А ведь было время еще недавно, когда он почти уже не верил, что снова увидит этот чудесный свет теплого моря. И на этот раз рядом с ним Жак.

«Что ж, Жак по праву заслужил свое место в «Триесте», — думал профессор. — Это ему я во многом обязан этой минутой. Вряд ли я один сумел бы довести все до конца. Да я бы, наверное, без Жака и не смог бы начать. Какое же это счастье, что тридцать лет назад судьба подарила мне сына».

Жак смотрел на отца и, словно читая мысли, улыбался ему. Казалось, он понимал те мысли и чувства, которые испытывал в этот момент старый Пиккар.

— Ну что, отец, — спросил Жак, — пора начинать погружение?

Он взял телефонную трубку и отдал на буксир приказание. Через несколько минут они услышали, как в шахту батискафа шумным потоком ворвалась вода. Еще немного, и им доложили с поверхности: «Шахта наполнена».

— Открыть клапаны водяных балластных цистерн! — скомандовал Жак.

Батискаф чуть дрогнул и немного вошел в море. Но он еще был очень легкий.

— Добавить двадцать мешков балласта! — передал приказание Жак.

«Триест», медленно оседая, стал уходить в глубину. Но вскоре спуск прекратился, батискаф вошел в холодный слой воды, и теперь гидронавтам предстояло ждать, когда охладится бензин в поплавке, или,

презрев ожидание, подняться и взять побольше балласта. Пиккары решили подняться. Так будет быстрее и надежнее.

Наконец они увидели дно. Оно появилось неожиданно быстро и оказалось удивительно хорошо видимым. Даже сейчас, когда день клонился к концу, солнечные лучи отлично высвечивали дно, и Пиккарам незачем было включать прожектор. Море пустынно здесь, лишь кое-где можно увидеть неровности, а так — гладкое песчаное дно.

Батискаф плавно несло подводным течением, иногда гондола слегка задевала дно. Раздавался негромкий скрежет песка о металл, и со дна вздымалось мутное облако.

— Что вы видите? — спросили их сверху.

— Только песок. Пустую раковину, — сообщил в трубку Жак.

Отец не отрываясь смотрел в иллюминатор, словно в надежде увидеть сокровища, оставленные со времени последнего посещения капитана Немо... Но нет тут сокровищ. Вот разве что огромная анемона лимонного цвета, лениво шевелящая щупальцами.

«Как она красива сейчас, — думал профессор, — на этом зеленовато-голубом фоне дна! Какие здесь яркие, неожиданно сочные краски! Если бы их увидел художник...»

Когда «Триест» всплыл на поверхность и Пиккары поднялись на буксир, их окружили журналисты, засыпая вопросами:

— Скажите, профессор, что вы там видели? — Они прекрасно слышали весь разговор по телефону, но все равно надо было услышать ответ профессора.

— Профессор, вам попадались фосфоресцирующие рыбы?

— Нет ли на дне старых амфор? Неужели вы их не видели?

— А затонувшие римские города? Вы видели на дне их следы?

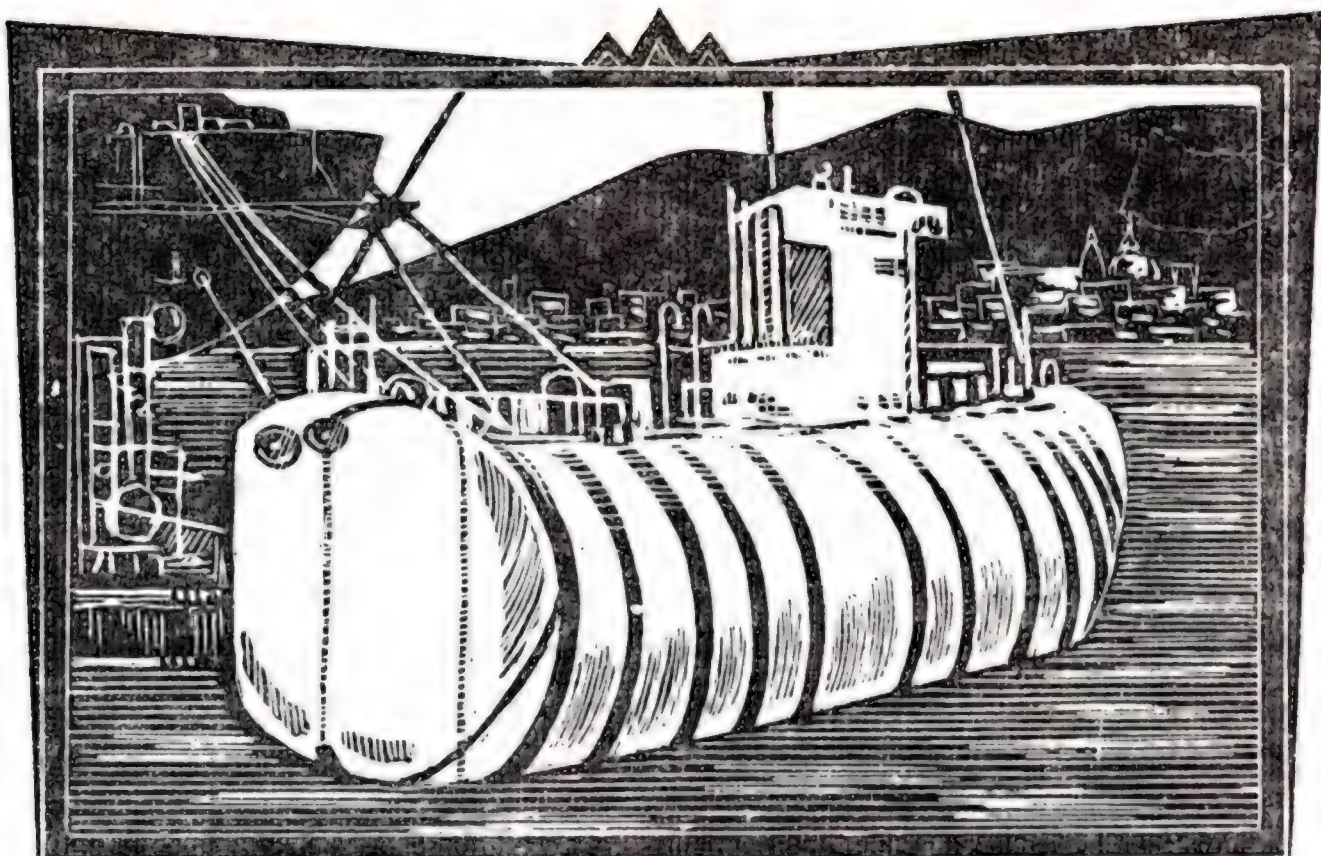
Последний вопрос мог только показаться наивным — ведь Кастелламаре построен как раз там, где когда-то стояла шумная Стабия. Огонь, лава и пепел Везувия уничтожили этот город вместе с Помпеей и Геркуланумом. Так что на дне вполне могли остаться следы их. Только, конечно же, не так далеко от берега.

Жак позже рассказывал, что на другой день в итальянских газетах появились интервью, где говорилось, что Пиккары увидели на дне «мириады разнообразных раковин и фосфоресцирующих рыб».

Из этих же газет отец с сыном узнали, что в один с ними день, 14 августа 1953 года, совершил погружение французский батискаф ФНРС-3. Жорж Уо и Пьер Вильм опустились на 2100 метров и побили достижение Отиса Бартона.

Огюст Пиккар отдал им не только свою идею, но и свой батискаф — ведь это он его выдумал, он его проектировал, и он начал строить его, и вот теперь он же, Огюст Пиккар, должен был их догонять.

Наверное, в те минуты старый профессор испытал какую-то горечь... Конечно, он ни за что не признался бы в том даже сыну, даже себе. Впрочем, он не собирался покинуть арену борьбы. Он еще не сказал своего последнего слова. У него был «Триест». У него был сын Жак. У него была надежда, и у него была вера в успех.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Этот старик, который уже вплотную подошел к рубежу в семьдесят лет, никак не хотел признать себя побежденным. Он отвергал самую мысль о том, что все в его жизни лучшее уже позади, и больше того, что он сделал, ему не добиться. Вероятно, он и не думал об этом. Просто он ощущал в себе еще достаточно сил, чтобы работать, чтобы не помышлять о времени, когда ему останется только одно: уйти на покой.

Многие люди — Пиккар это видел — быстро дряхлели, едва оставляли работу. Это только сначала казалось им — вот когда придет наконец долгожданный, заслуженный отдых, тогда и начнется спокойная, почти беззаботная жизнь, и можно будет целиком посвятить время себе самому, заняться тем, о чем прежде мечталось.

Нет, все это иллюзия. Человек, всю жизнь проживший в труде, уже не может обойтись без него. Жизнь, словно бы раз навсегда сообщив человеку скорость, движение, уже не позволит ему отойти в сторону, остановиться. Те, кто пытался покинуть орбиту движения, тот обречен, тот должен угаснуть.

Думал ли обо всем этом профессор Пиккар? Может быть — да, может быть — нет. Он не любил делиться сомнениями. Он считал, что у каждого человека и без того достаточно своих забот и сомнений, чтобы он мог нести еще чьи-то. Каждый должен сам понять себя и найти правильный выход. А если ты не сумеешь сделать это, то кто же тебе подскажет его? Кто знает тебя лучше, чем знаешь ты сам?

Огюст Пиккар понимал, что уже многое сделал — он изобрел стратостат и поднялся на нем в стратосферу. Он изобрел батискаф и опустился на нем на дно океана. И если достигнутая высота в стратосфере принесла ему чувство полного удовлетворения, то батискаф пока еще только разжег желание опуститься на ту глубину, на которую его аппарат был способен.

Все-таки, что бы он там ни говорил, ему очень хотелось превзойти достижение французов в батискафе, который он оставил в Тулоне. Пусть ради принципа, но все же хотелось.

После испытаний в Неаполитанском заливе профессор Пиккар убедился в надежности своего аппарата, теперь он был готов к большим погружениям.

В это время его заботил только один вопрос: какую глубину выбрать для первого серьезного испытания? Неподалеку от острова Капри на дне моря есть впадина — глубина там 1100 метров. Можно вывести батискаф дальше в открытое море, к острову Понца, там дно глубже — 3600 метров отделяют его от по-

верхности. Собственно говоря, это самое глубокое место Тирренского моря.

Пиккар мог пойти сразу к острову Понца, но предпочел направиться к Капри. Кажется, ему не хотелось, чтобы его экспедиция выглядела погоней за батискафом французов. Уж очень ему не нравился шум, поднятый прессой.

К вечеру 25 августа буксир вывел «Триест» из бухты Кастелламаре и взял курс на Капри. В дороге к каравану присоединился итальянский военный корвет «Феникс», который должен был охранять зону погружений «Триеста» от вторжения посторонних судов, ибо никто, даже сам профессор Пиккар, не мог предсказать, в каком именно месте всплывет батискаф. Это было бы настоящей катастрофой для обоих судов, если бы, поднимаясь, батискаф напоролся на днище проходящего корабля. Поплавок «Триеста» непременно разрушился бы, бензин вытек в море, и гондола весом в двадцать две тонны буквально камнем пошла бы на дно. Вот почему профессор Пиккар настойчиво просил в итальянском адмиралтействе корабль сопровождения.

Неизвестно, как журналисты узнали о том, что именно «Феникс» пойдет в экспедицию, но на его борт набилось пятьдесят репортеров.

А во время спуска начались неполадки. Водолаз задел аквалангом самое слабое место в системе сбрасывания, и две или три тонны дробы ссыпались в воду. Потом оказалось, что один из двух бункеров с балластом из-за этой случайной аварии работать не будет, и Пиккар уже собрался отменить в этот день погружение, как Жак предложил выход, позволяющий спускаться со сломанным бункером.

И вот они с сыном вновь спускаются по узкой шахте в гондолу, вновь глухо ударяет металл о металл — закрывается 160-килограммовая крышка лю-

ка гондолы, и сразу становится поразительно тихо. Еще несколько минут, и батискаф устремился к далекому дну.

Профессор Огюст Пиккар: «Меня часто спрашивают, о чем я думал в такие минуты? Ни мой сын, ни я не ожидали какого-либо несчастья. Но тем не менее все же надо сознаться, что меркнувший день, в то время как стрелки манометров показывают возрастающее давление, некоторым образом влияет на настроение. Мы были совершенно уверены, что после сумерек и ночи снова наступит день. К этому все человечество привыкло, присутствуя при смене дня и ночи сотни миллионов раз. Но до настоящего времени можно было по пальцам сосчитать тех, кто поднялся из подводного царства мрака».

Он был абсолютно спокоен, Огюст Пиккар, потому что не сомневался в расчетах, потому что верил в «Триест», потому что верил в незыблемость закона природы, открытого стариком Архимедом в тот самый момент, когда он сидел в мраморной ванне.

Сколько поколений людей сменилось на земле с той поры, когда жил Архимед, сколько поколений ученых привычно вооружались его великим законом, но, пожалуй, никто еще так полно не использовал этот закон, как профессор Пиккар. По закону Архимеда он рассчитывал оболочку своего стратостата, по нему же рассчитал батискаф. Ключом к двум стихиям стал для Пиккара этот древний закон. Более полно использовать его на нашей планете, кажется, уже невозможно.

Профессор Огюст Пиккар: «Вначале в иллюминаторы еще проникал день, и мы свободно могли различать предметы, находящиеся в гондоле. Потом постепенно начал сгущаться мрак. Видны только иллюминаторы: серо-голубые диски диаметром десять сантиметров. Краски медленно-медленно сгущались...

Все стало серым, потом темно-серым, наконец черным...»

Манометры показывают глубину в 800 метров, 900, 1000... Луч прожектора нацелен вниз, где вот-вот должно показаться дно. Жак, согнувшись — никто из них не мог встать в гондоле во весь рост, — стоял возле иллюминатора. Глядя на сына, Пиккар вспомнил, как однажды, еще в Чикаго, Уильям Биб предложил ему залезть в батисферу. Пиккар не без труда забрался в нее и поразился внутренней тесноте. Внутренний диаметр батисферы был всего 1,37 метра, и Пиккар мог лишь сидеть в ней, не в состоянии даже вытянуть ноги. Он удивился, как в ней устраивался высокий Биб, да еще вместе с ним Бартон.

Выбравшись из батисферы, Пиккар спросил Биба об этом. Тот ответил: «Уверяю вас, профессор, в батисфере я прекрасно себя чувствую!» Пиккар подумал на секунду о том, что это значит «прекрасно»: много часов подряд сидеть в одной и той же позе, скрючившись, и не иметь возможности выпрямиться. В «Триесте» в этом отношении, можно считать, полный комфорт: внутренний диаметр гондолы два метра. Только такому гиганту, как Жак, в ней тесновато. Он и сам-то ростом под два метра.

— Держись! — неожиданно крикнул Жак. Он увидел, как внезапно и быстро под ними возникло дно. Жак думал, что удар получится сильным и резким, а батискаф мягко и упруго, как нож в холодное масло, вошел в толстый слой ила. Гондола, кажется, почти целиком погрузилась в него вместе с иллюминаторами. Опускаясь, они мечтали увидеть редких рыб, интересное дно, все-таки человек здесь никогда не видел его, и вот теперь получили: иллюминаторы залеплены илом...

Через пятнадцать минут Жак повернул выключатель, открывая единственный действующий бункер с

балластом. Наступила гнетущая тишина. Ни звука не доносилось в гондолу извне. «Настоящее молчание могилы, — невольно подумал профессор. — Впрочем, положение еще не внушает тревоги. Дробь высыпается слишком медленно».

Видимо, все-таки батискаф крепко засел в иле. Отец и сын переглянулись — каждый хотел успокоить себя, увидев спокойствие другого.

— Ничего, Жак, — сказал отец, — мы ведь сможем сбросить и весь второй бункер, не открывая его. Мы здесь не останемся.

— Я и не думал об этом, отец. Просто обидно, что мы ничего не увидели...

Внезапно «Триест» дрогнул, наклонился вперед, ил перед иллюминатором заструился вместе с водой, и гидронавты почувствовали, что батискаф поднимается. Когда облако ила осталось внизу, профессор, заглянув в иллюминатор, увидел, что дно уже далеко.

Они выключили прожектор и остались в полной тьме, лишь изредка в поле их зрения попадали светящиеся рыбы, а так беспросветная мгла, полная тишина и, кажется, неподвижность — так плавно шел вверх батискаф.

И вот наконец море вокруг них посветлело. Оно делалось светло-серым, потом — синим, потом — голубым. Когда батискаф стал покачиваться, они поняли, что уже достигли поверхности.

Буксир и корвет смогли подойти к батискафу очень близко — море было почти спокойно, и Пиккары, выйдя из шахты, увидели, что все люди собрались на том борту, с которого был лучше виден «Триест».

Едва отец с сыном поднялись на борт буксирного судна, их засыпали вопросами репортеры. Всех волновало в основном только одно:

— На какой глубине вы были, профессор?

— Мы опустились на 1080 метров, — ответил Пиккар.

— Чем вы можете доказать это? — крикнул один журналист.

Пиккар, честно говоря, не ожидал такого вопроса. Ему и в голову не приходило, что кто-то мог сомневаться. Конечно, он мог попросить скептика залезть в гондолу «Триеста» и самому убедиться, взглянув на счетчики, которые перед спуском запломбировал морской офицер.

Пиккар улыбнулся, поймав себя на мысли, что ему очень хочется послать этого человека туда, откуда он только что поднялся, чтобы тот своими глазами увидел след, оставленный на иле гондолой «Триеста».

В этот момент к Пиккару подошел водолаз Бюше. В руке он держал комок серо-голубой глины. Показывая ее журналистам, Бюше сказал:

— Я соскреб ее с днища гондолы.

Лучшего доказательства для журналистов невозможно было придумать. Пиккар пожал руку Бюше.

И, как всегда, несколько новых любопытных подробностей о своем погружении профессор Пиккар узнал из газет. Он узнал, например, что вместе с сыном чудом спасся от гибели, что, оказывается, один из отсеков «Триеста» дал течь, батискаф стал быстро терять бензин, и если бы они поспешно не сбросили весь балласт, то уж вряд ли поднялись бы.

«Нет, все-таки в высшей степени любопытно читать о себе в газетах, — не без раздражения думал Пиккар. — Столько нового и интересного можно узнать. Как это только у них получается...»

Он понимал, что вряд ли его коллеги с полным доверием отнесутся к таким сообщениям, но все остальные воспримут эти небылицы как должное. Вот ведь,

совсем недавно в беседе с одним итальянским журналистом он сказал, что с его точки зрения батискаф ФНРС-3 имеет некоторые конструктивные недостатки. А напечатано было — «серьезные». Французы возмущались, узнав об этом: ведь это же он, профессор Пиккар, в конце концов, konstruировал ФНРС-3! И это накануне самых ответственных погружений! А чуть позже он совершил действительно непонятное: взял и написал письмо во французское министерство морского флота о необходимости рентгенографически проверить однородность металла гондолы.

Конечно, логичнее всего было объяснить появление этого письма вполне естественным желанием Пиккара оградить будущий экипаж батискафа от всяких случайностей, но Уо и Вильм, уже готовые к спускам, подумали, что профессор решил на всякий случай застраховать и себя — ведь это он автор конструкции. Он знал, что его письмо отсрочит погружение ФНРС-3, заставит понервничать Уо и Вильма, — и все равно написал.

Вильм позже рассказывал, что письмо Пиккара произвело переполох в министерстве, откуда прислали комиссию, заставили сделать тщательный рентгеноанализ и действительно обнаружили кое-какие пустоты.

Наверное, было бы лучше, если бы он не отправил это письмо. По крайней мере, не стали бы говорить, что он сделал такой шаг, чтобы не дать французам выйти вперед.

А как было на самом деле? Хотел он или не хотел помешать — и это вышло совершенно непреднамеренно? Кто теперь сможет ответить... Но, зная Пиккара, зная его честность и добросовестность, можно поверить: он и не думал о том, чтобы затормозить испытания ФНРС-3. Уж очень это на него не похоже.

Что ему мелкая житейская суета? У него свой путь и своя цель.

Он никогда не сворачивал со своего пути и никогда не изменял своей цели.

Как-то вскоре после того погружения неподалеку от Капри Огюст Пиккар сказал сыну:

— Ну вот, Жак... Еще один раз мы опустимся вместе... Знаешь, оказывается, я стал слишком стар...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Напряженно подрагивая всем корпусом, буксир «Тенас» выводил батискаф из бухты Кастелламаре-ди-Стабия. Суденышко было почти таких же размеров, как батискаф, к тому же «Триест» глубоко сидел в воде, так что буксиру приходилось трудиться изо всех сил.

Курс был проложен на северо-запад, где в нескольких сотнях километров лежал остров Понца. А там, возле острова, под водами моря, расстиралось плато. Ровное песчаное плато, лежащее на глубине более трех километров.

Пиккар стоял на корме «Тенаса» и, глядя на батискаф, послушно идущий в кильватере за буксиром, думал о том, что вот завтра или в другой близкий день он вместе с Жаком залезет в гондолу, батискаф приблизится к дну, и он в последний раз увидит мрак подводных глубин.

Странно, какой огромной притягательной силой обладает тот мрак. Однажды увидев его, постоянно ощущаешь властный призыв, влекущий вновь в глубину, в вечную черноту и покой, где, кажется, даже время — всемогущее время — бессильно. Только недра земли и глубины моря остались такими, какими были они миллионы лет прежде, когда человек, которому суждено было обжить и застроить планету, только-только стал человеком.

Да, конечно, море населяют другие животные, но в нем обитают и старые жители — те, которые живут в нем уж многие десятки миллионов лет. Их не тронуло время. Сколько могучих и грозных событий — раскалывалось дно, и из глубоких трещин изливалась жаркая лава, рушились подводные горы, и на их месте вырастали другие, — сколько таких событий случилось и прошло перед их глазами, привыкшими к вечной, никогда не светлеющей ночи. Эту ночь он, Огюст Пиккар, увидит еще только раз. Так он решил. Хватит. Он сделал все, что хотел. Дальше пусть идет его сын. Так и должно быть в жизни.

А ночью поднялся сильный ветер, он пробудил спящее море, погнал высокие ленивые волны. Звезды, еще недавно ярко сиявшие, укрылись теперь за плотными тучами, и небо стало черным, без единого проблеска.

Буксир медленно, то поднимаясь на крутобокую гору, то срываясь с нее, продвигался вперед. Пиккар боялся, что трос, не выдержав напряжения, лопнет, и батискаф станет добычей волн. Даже в свете прожекторов его было плохо видно — только верхняя часть рубки, да и то только тогда, когда волны, отступая, открывали его. Это была беспокойная ночь для Огюста Пиккара. Впрочем, не для него одного: Жак тоже не спал.

Рано утром на корме буксира состоялся научный совет. Жак предложил прежде всего внимательно осмотреть батискаф, как он перенес бурную ночь. Отец не очень охотно разрешил ему сесть на надувную лодчонку и совершить небольшой, но довольно трудный переход к батискафу.

Жак вернулся и рассказал, что все в полном порядке, но погружение, судя по всему, придется отложить: «Триест» сильно качает и водолазы не смогут подготовить его.

Кто-то сказал, обращаясь к Пиккару:

— Господин профессор, вероятно, имеет смысл все же попробовать. Возможно, водолазы сумеют спустить гайдроп и сделать все остальное.

— Нет. Я не могу поручить им это, — ответил Пиккар. — Можно ли требовать от людей, чтобы они после команды «бросайте все!» вплавь добрались до лодки, в то время как волны достигают высоты нескольких метров!

Подошел корвет «Феникс». Его капитан предложил вылить в море масло, чтобы успокоить волнение — старый, испытанный способ, открытый моряками бог знает когда.

Вылили. Волны ослабли. Буксир смог поближе подойти к батискафу. Но больше ничего сделать не удалось.

Они пошли к острову Понца, надеясь найти в его бухте укрытие.

На пирсе Понца их встречал мэр. Тут же, на пирсе, он рассказал о достопримечательностях острова, о том, что живут на нем пятнадцать тысяч человек и промышляют они в основном ловлей знаменитых во всей Европе лангустов. Ну и, конечно, туризм: Понца лежит довольно далеко от берегов Италии и производит впечатление лежащего в стороне от цивилизации, и это привлекает богатых туристов.

Мэр просил профессора Пиккара и его сына стать гостями муниципалитета острова Понца.

«День-два все равно придется ждать, пока шторм не стихнет, — подумал Пиккар. — Да и вряд ли когда-либо еще мне доведется увидеть этот прелестный остров. Сколько же осталось на земле мест, где я никогда не был и никогда уже не буду. Таков удел человека: жизнь открывает ему лишь немного из того, что могла бы открыть. Но, может быть, это и к лучшему: так жизнь оставляет нам ощущение вечной неудовлетворенности, постоянное желание видеть и открывать новое для себя, жажду искать и находить...»

Тридцатого сентября море, кажется, стихло. С корвета, который оставался в районе предполагаемого погружения, пришла радиограмма: «Волнение средней силы». Пиккар отдал приказ капитану буксира поднять якорь. Было двенадцать часов ночи. По мере того как они удалялись от острова, волны становились мощнее и круче, и Пиккар стал сомневаться, правильно ли он понял сообщение капитана корвета.

Через шесть часов пути они увидели корвет. «Волнение средней силы! — писал позже Пиккар. — Теперь мы узнали, что это означает. Такое состояние моря не представляет опасности для крейсера или авианосца. Море спокойнее, чем накануне. Но мы тревожно огляделись: сможем ли мы приступить к последнему испытанию? Возможны ли маневры? Да, у нас были эти возможности, потому что все рабочие с верфи, которые прибыли с нами, — электрики, механики, аппаратчики, — а также все инженеры вдруг превратились в отличных матросов. Вместе мы образовали один экипаж; всех нас объединяла одна мысль — одержать победу».

Профессор надел спасательный жилет — таков был приказ военного начальника экспедиции — и

спустился по трапу к шлюпке. Но сесть в нее оказалось задачей нелегкой: она прыгала на волнах, как живая рыба на сковородке. И снова Пиккар пожалел, что он уж не молод...

Когда шлюпка подошла к батискафу, Пиккар увидел, что и здесь ему придется проявить максимально возможную для него ловкость, иначе не подняться с прыгающей лодки на качающуюся палубу «Триеста». Но здесь его уже ждал Жак. Уцепившись за леера, он протянул руку отцу и помог ему ступить на палубу батискафа.

По одному — сначала сын, потом и отец — они спустились в гондолу «Триеста». Задраили люк. Последние приказания, и батискаф пошел в глубину. День начал гаснуть у них на глазах. И почти сразу стало спокойнее — сила волн иссякает на небольшой глубине. Потом появились светящиеся рыбы, отливающие слабым перламутровым светом.

Пиккары по очереди работали с приборами и вели наблюдения через иллюминатор.

«Вот она, эта мрачная бездна, — думал Пиккар. — Я снова вижу ее. Это в последний раз. Я должен лучше запомнить ее».

Они прошли глубину, которую достигли у Капри, прошли 1360 метров — рекорд Отиса Бартона, и вот 2100 метров — глубина, на которую опустились Жорж Уо и Пьер Вильм. Глубже никогда не был ни один человек. Каждый лишний метр сверх этой отметки давал новый, абсолютный рекорд глубины. Впрочем, у них не было времени думать об этом: они просто поздравили друг друга с тем, что пошли дальше всех. Больше их занимал вопрос: сколько времени уйдет на то, чтобы опуститься на дно и подняться, — метеосводка, полученная незадолго до погружения, обещала сильный шторм. Надо успеть вернуться до того, как он нагрянет.

И все-таки они оба, и отец и сын, не могли отделаться от ощущения, которое непременно охватывает человека, впервые ступившего на землю, никем еще не изведанную, или поднявшегося на вершину, никогда ранее не покоренную. Странное ощущение возникает, когда знаешь, что там, где идешь сейчас ты, никогда никто не ходил. Оно наполняет человека неожиданным в такие минуты чувством ответственности, чувством великой радости. И ты невольно, даже не помышляя об этом, чувствуешь себя открывателем, посланником всего человечества. Это испытали, наверное, все, кому, открывая землю, довелось идти впереди.

Пиккар неожиданно для себя самого вспомнил девиз бразильца Альберто Сантон-Дюмона, одного из самых первых аэронавтов и авиаторов: «Через моря, никем дотол не бороздимые!» Он, профессор Пиккар, и впрямь шел сейчас в водах, не знавших человека. Это его второе небороздимое море.

Пиккар взглянул на манометры. Глубина — два с половиной километра. Каждую секунду батискаф проходил метр. Для глубоководного погружения это большая скорость. Вот уже три километра отделяют их от поверхности. Скоро должно быть и дно. Теперь надо сбросить балласт — иначе батискаф на полном ходу врежется в дно.

И вот долгожданный легкий удар — шестьдесят три минуты они ждали его. Гондола «Триеста» въехала в ил на глубине 3150 метров. Сорок тысяч тонн давили в эту минуту на стальную скорлупу с заключенными в ней двумя смельчаками.

На этот раз один из иллюминаторов остался свободным от ила, и они смогли увидеть небольшое пространство дна — снова, как сказал Жак, «это была безжизненная, блеклая равнина, поодаль тьма все более и более сгущалась».

А что, собственно, здесь можно увидеть? Останки прекрасных храмов, погрузившихся в пучину тысячелетия назад? Кто знает, где искать Атлантиду... Полусгнившие остовы испанских галеонов, нагруженных золотом далекой Америки? Где-то и лежат, возможно, они... Невиданные, незнакомые науке чудовища, жившие в море с тех пор, когда по земле, сотрясая ее, ходили холмоподобные чудища? В море древние ящеры, может, и могли сохраниться, но вряд ли они сидят на глубине трех с лишним километров в ожидании, когда их навестит человек... Так что же еще здесь можно жаждать увидеть?

Нет, они и не надеялись увидеть на дне что-то необычайное, не мечтали сделать открытие, которое изумило бы и потрясло весь цивилизованный мир. Они сделали нечто другое, еще более важное: они дали науке корабль, которому подвластны любые глубины, корабль, которого никогда прежде не было, корабль, открывающий человеку Мировой океан. Как невозможно исследовать космос, не имея ракеты, так невозможно изучать океан без батискафа. Каждому небороздимому морю нужен новый корабль.

Они недолго оставались на дне. Жак включил балластную систему и опорожнил кормовой бункер с дробью. Некоторое время батискаф оставался недвижимым. Пиккары видели, как высыпается из бункера дробь и, несомненно, «Триест» сделался значительно легче и должен был всплыть, а он сидел в иле, не шелохнувшись.

Позже, вспоминая тот день, профессор Пиккар пишет: «Может быть, мы слишком тяжелы? Или нас затянуло илом? Известно, что для освобождения от балласта необходимо некоторое время, но неподвижность в подводной пустыне внушает волнение». Их можно понять: случись что-то с балластной системой, и они окажутся обреченными навсегда остаться

ся на дне. Никто и ничто не поможет им... Но так быть не могло. Расчеты Огюста Пиккара не могли оказаться неточными. Каждую строчку расчетов, каждую формулу и уравнение он выверял множество раз.

И вдруг они увидели, оба одновременно, как за иллюминатором появился водоворот из ила, и батискаф быстро стал подниматься. И снова в иллюминаторах стали появляться те же предметы, которые они видели при спуске. Только теперь они проходили в обратном порядке — сначала рыбы, мерцаая фосфоресцирующим светом, потом уже обычные, хорошо знакомые рыбы, потом первые проблески солнца, еще слабые на глубине, потом вода стала совсем прозрачной, и вскоре в ней заиграли яркие блики. Они вновь увидели день.

Сжатым воздухом они продули входную шахту, освободили ее от воды, отвели тяжелую крышку люка и вышли на палубу.

Солнце ударило им в глаза, и они на мгновение замерли, ослепленные его неожиданной силой. Они стояли рядом, два отважных человека — отец и сын, с трудом удерживаясь на палубе, качавшейся послушно желанию волн, — отец и сын, оба высокие — старик и молодой человек, и оба одинаково щурились, еще не привыкнув к солнцу после мрака подводного царства. Один из них завершал свой жизненный путь — он и так совершил подвиг в свои семьдесят лет, другой только начал дорогу.

К батискафу с фрегата пошел баркас. Он лихо нырял в ущельях меж волнами и так же бесстрашно взлетал на их гребни. Пиккар подумал, что с батискафа он еще сможет пересесть на баркас, а вот подняться по трапу на высокий борт военного судна будет ему нелегко.

Так и случилось. Качался фрегат, взлетал и опу-

скался баркас с гидронавтами, раскачивался как маятник трап, спущенный с борта фрегата.

Цепляясь за трап, Пиккар проворчал: «В таких условиях перейти с борта на борт гораздо опаснее, чем погрузиться в «Триесте» на три километра!»

Жак был рядом и снова помог ему. Сын подумал тогда: «Хотел бы я в семьдесят лет быть таким стариком...»

На борту корабля адмирал и журналисты спросили:

— Какой глубины вы достигли, профессор?

— 3150 метров! — ответил Пиккар.

— И вы не боялись? — отважился спросить кто-то из репортеров.

— Да, — неожиданно признался Пиккар. — Боялся, как бы не ослабло напряжение тока и не испортило нам дело, слишком быстро сбросив балласт.

Когда фрегат бросил якорь в бухте острова Понца и Пиккары направились к трапу, чтобы покинуть корабль, они увидели выстроенный на мостике экипаж. Сначала они не поняли, что эта честь оказана им. Смысл происходящего до них дошел, когда адмирал Жирози сказал что-то негромко вахтенному офицеру и тот удивленно ответил:

— Но ведь это салют адмиралу!

— Они и есть адмиралы морских пучин и заслужили такие почести! — произнес адмирал.

Пиккары ступили на трап, и тут же раздались пронзительные свистки боцманской дудки. Это был салют моряков.

Жак не удержался от улыбки, наклонился к отцу и сказал:

— Быстро продвинулись по службе два сухопутных швейцарских моряка, не так ли, отец? Вот мы уже и адмиралы!

А на острове их встречали как настоящих героев.

Пока они шли по узенькой улочке, поднимаясь к дому, что отвели им для отдыха, их буквально засыпали цветами, которые бросали сверху, из окон. Потом торжественный прием в муниципалитете, потом обед, незаметно превратившийся в ужин, — отцы гостеприимного города старались изо всех сил, чтобы этот день остался у героев в памяти.

Отец и сын чувствовали себя очень усталыми, им хотелось лечь и уснуть, но встать и уйти они не могли. Первыми поднялись отцы города: извинившись, они сообщили, что им нужно провести короткое экстренное совещание. Они вышли и через некоторое время вернулись, объявив гостям, что Пиккары единогласно избраны почетными гражданами острова. В подарок отец и сын получили огромный нос рыбы-пиры.

На другой день буксир ввел «Триест» в бухту Каstellаммаре, где он впервые соприкоснулся с водой. Был поздний вечер, и отец с сыном удивились, когда увидели идущие навстречу им корабли, украшенные гирляндами огней. Потом над кораблями вспыхнули султаны фейерверка... В городке был настоящий праздник...

А вскоре Пиккары переступили порог своей виллы в деревеньке Шебр, раскинувшей опрятные домики на берегу Женевского озера. Когда-то, много лет назад, Огюст Пиккар пролетал над этим озером на шаре... Теперь он вернулся на его берега после самого глубокого путешествия в морские пучины.

Где бы ни бывал человек, куда бы судьба его ни забросила, он всегда мечтает о доме и, возвращаясь, неизбежно чувствует себя обновленным. Ветры страстей перерождают нас, и стены родного дома открывают нам это.

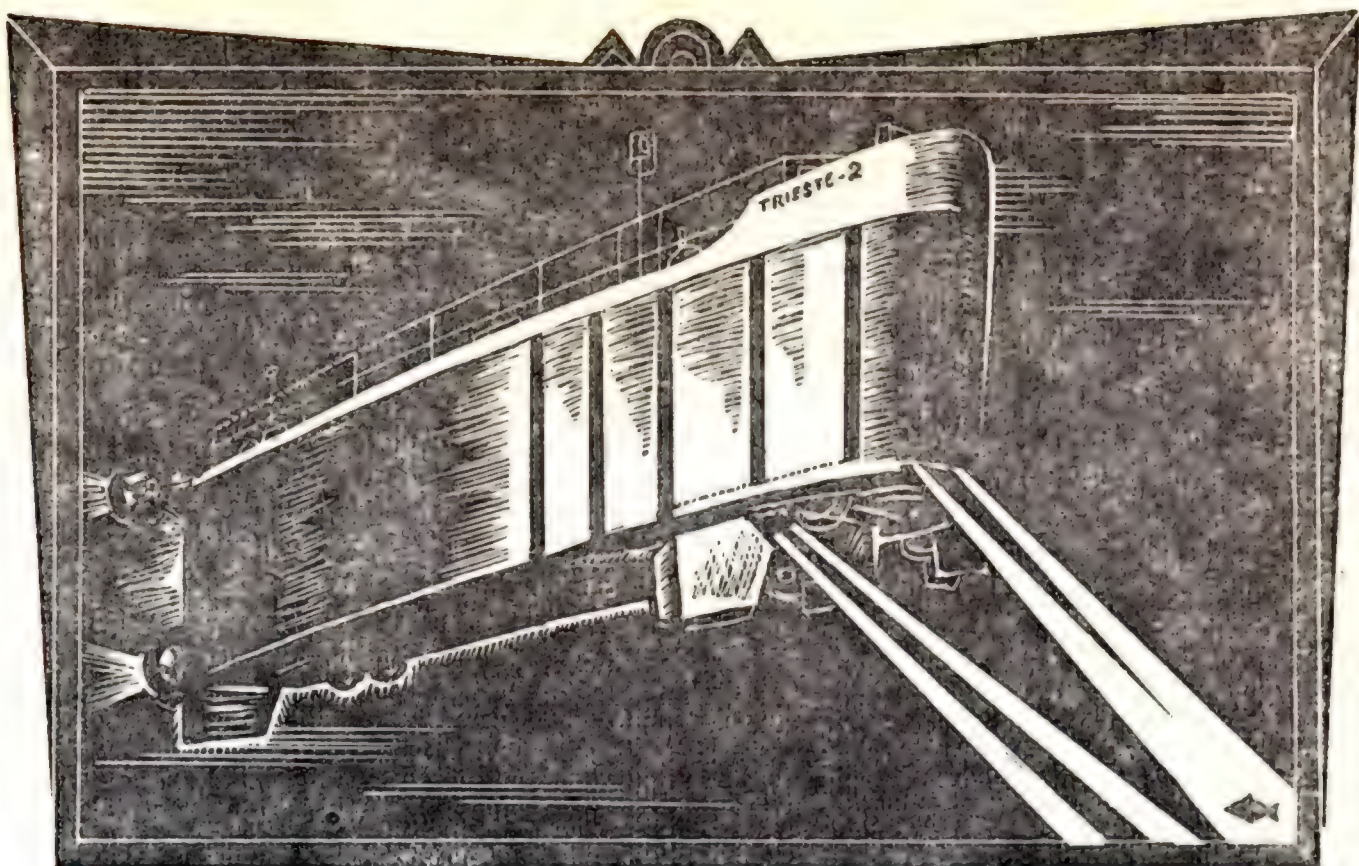
Что-то похожее, кажется, испытали в тот день Пиккары.

Вечером местные жители преподнесли им сюрприз.

Возле их дома в честь их достижения и в честь возвращения посадили серебряный кедр, а на стволе его укрепили дощечку, где было написано: «30 сентября 1953 года». День, когда Огюст Пиккар совершил свое последнее и самое глубокое путешествие в глубины моря. Еще мало кто знал, что он решил уступить свое место сыну.

В один из тех теплых осенних дней отец сказал сыну:

— Ну вот, Жак. Теперь ты будешь командиром «Триеста».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Стоял солнечный день апреля, деревья на бульварах Брюсселя уже оделись свежей, ярко-зеленой листвой, ветры несли сочные, чистые запахи влажной, хорошо прогретой земли. Наверное, только весной, вот в такие светлые, теплые дни верится, что все лучшее, что тебе отпущено жизнью, не позади, многое ждет еще впереди. Радость ожившей природы становится радостью человека, и он легко идет ей навстречу, доверчиво ей отдается, забывая, что весна — это лишь временно, потом будет лето, осень и снова зима...

Зато пока есть вот этот ясный, радужный день, немного пьянящий даже и наполняющий верой тех, кто хочет верить и кому есть во что верить.

Косые лучи солнца золотыми тонкими копьями

пронизывали прохладный сумрак аудитории, перед доской которой на возвышении стоял профессор Пиккар. Он был в темно-синем костюме и в галстук, аккуратно завязанном под воротником белой сорочки. Почти такой же белой, как его голова...

Как непохож он сейчас на того профессора Огюста Пиккара, фотографии которого печатали едва ли не во всех крупных газетах мира, — человека с всклокоченными волосами, в рубашке с расстегнутым воротом и закрученными выше локтей рукавами. Глядя на него сейчас, трудно поверить, что это он первым совершил полет в стратосферу, что это он всего лишь полгода назад достиг глубины, где никогда прежде человек не бывал. Зато он очень похож на маститого ученого, почти всю жизнь сидящего над расчетами, на ученого, творящего открытия в тиши кабинета или лаборатории.

В аудитории нельзя было найти свободного места, и тишина в ней стояла такая, что слышны становились даже слабые звуки, приходящие с улицы.

Профессор Пиккар читал свою последнюю лекцию. И все это знали.

Когда-то, очень давно, он так же сидел, внимательно слушал лекции, старательно покрывая страницы толстой тетради длинными формулами, которые профессор писал на доске. И рядом с ним сидели такие же молодые студенты, и всем им казалось, что каждый из них войдет в жизнь и останется в ней победителем.

Где они теперь, старые товарищи его студенческих лет... Многих давно уж не стало, многие потерялись, унесенные бог весть куда бурным потоком житейской реки... Где они ?.. Никогда уж ему не узнать...

Другое поколение сейчас перед ним, но такое же

молодое, сильное племя. Теперь им идти дорогой поиска, дорогой ошибок, дорогой открытий. Если бы можно было начать жизнь сначала... Впрочем, вряд ли ему стоит сетовать: уж он-то воистину сделал все, что хотел. Пусть и для них в жизни свершится задуманное.

Пиккар стоял перед студентами, заметно взволнованный, часто покашливая, чтобы скрыть неуверенность в голосе, то и дело доставая платок и тут же его пряча в карман. Он не думал, что это так трудно — прощаться.

Он прощался с университетом, уходил из аудитории, но он не уходил от жизни и не прощался с работой. Что из того, что ему семьдесят лет? Он еще полон энергии, у него есть интересные мысли. На той своей последней, прощальной лекции профессор Пиккар рассказал студентам о новом аппарате для подводных исследований, который он задумал построить. Он назвал аппарат мезоскафом, что означает «судно для средних глубин».

Он говорил о мезоскафе, все более и более увлекаясь, рисуя картины, открывающиеся перед экипажем ученых.

— Я знаю, — говорил профессор Пиккар, — найдутся люди, которые построят такой корабль и которые совершат в нем путешествие в глубины моря. И еще мне хотелось бы вам сказать: исследователь не должен необдуманно бросаться навстречу опасностям. Стремления ученого должны быть направлены к тому, чтобы использовать свои знания, предвидеть опасности, глубоко изучить все подробности и уметь применить дар математического анализа всюду, где это возможно. Если ученый убежден, что он сумел устранить заранее возможные опасности, что он ни о чем не забыл, только тогда он может доводить до конца свой труд.

Меня часто спрашивали, почему после стратостата мне захотелось сконструировать батискаф — подводную лодку для больших глубин. Когда я создавал свой аппарат, предназначенный для свободного плавания в глубине морей, я удовлетворял свою потребность в изысканиях, надеясь открыть пути к исследованию океанов...

Когда он кончил, студенты поднялись со своих мест и долго аплодировали ему. Пиккар стоял молча, растроганный, иногда склоняя в поклоне седую голову. Толстые стекла его очков отсвечивали, и никто не смог в те минуты разглядеть выражение глаз Огюста Пиккара. Глаз, которые успели очень много увидеть. Умных, добрых, проницательных глаз...

Жак искал средства для новых погружений «Триеста». Он весь погряз в заботах, подсчетах, прикидывая, сколько будет стоить дробь для балласта, сколько бензин, во что обойдется буксировка батискафа к нужному месту в море и, главное, батареи. Серебряно-цинковые аккумуляторы, без которых батискаф мертв и недвижим и которые очень быстро выходят из строя, стоят «всего-навсего» 12 тысяч долларов. У самих Пиккаров таких денег не было, давать их никто не хотел и все 1954 и 1955 годы «Триест» стоял в сухом доке.

Напрасно Жак горячился, доказывая людям, способным помочь, что эксплуатация обычной подводной лодки стоит много дороже, что даже недельные издержки сопровождавших их в последнем погружении итальянских военных кораблей позволили бы «Триесту» работать весь год. Все было напрасно. Его понимал только отец.

Одним из первых, как это ни покажется странным, пришел на помощь итальянский Олимпийский комитет. Профессор Пиккар сам нанес визит предсе-

дателю комитета, и тот, увидев в дверях Пиккара, поднялся из-за стола и поспешил навстречу, вытянув руку:

— Как же, как же, мы вас прекрасно знаем, господин профессор! И мы обязательно по мере сил поможем вам. Ведь вы в своем роде тоже спортсмен, не так ли? Разве исследования нельзя назвать спортом ученых?

Пиккар стоял улыбаясь, не зная, что сказать в ответ на итальянскую пылкость.

Как-то раз Жака пригласили в Лондон — прочесть лекцию о подводных исследованиях и выступить по телевидению. Так судьба свела его с доктором Робертом Дитцем, американским океанографом, и с этой встречи в истории «Триеста» произошло прояснение. Дитц, едва увидев батискаф, сразу же стал его горячим поклонником. Он заверил Жака, что сумеет заинтересовать батискафом американское военно-морское ведомство.

В 1958 году Пиккары получили от американцев предложение продать им «Триест». Отец с сыном совещались недолго — другого выхода у них просто не было. О том, как Пиккарам было жаль расставаться с «Триестом», можно не говорить. Но они не могли его сами использовать, а на полученные деньги решили построить новый подводный корабль — мезоскаф.

И вот батискаф грузят на океанское судно и везут в Сан-Диего, где он поступает в распоряжение военно-морской лаборатории электроники. Жак сопровождал батискаф: американцы, по договору, оставляли его консультантом по эксплуатации.

Однажды, беседуя с Жаком за чашкой кофе, Дитц заговорил о самой глубокой впадине в Мировом океане — о знаменитой котловине Челленджер. Дитц сказал:

— Этим летом флот поможет нам начать штурм этой впадины. Правда, некоторые океанографы могут сказать, что рывок в котловину Челленджер нарушит программу научных погружений. Но я убежден — большинство из нас согласится, что, если такая возможность существует, ею нельзя не воспользоваться.

— Да, конечно, — ответил Жак, — если эта котловина существует, ее следует взять. Истинное удовлетворение человек получит, только погрузившись на дно глубочайшей океанской впадины. У всех у нас неудержимая страсть к погружению в неведомое, и она заставляет нас познавать непознанное.

Эти слова произнес истинный сын Огюста Пиккара.

С того дня они начали готовиться к штурму самого глубокого дна нашей планеты. Во-первых, нужна была более прочная, более толстостенная гондола. Во-вторых, нужен другой поплавок, а то этот может взорваться и тогда, как говорил Жак, «все рыбы во всем Тихом океане спросят: «В чем дело?» На том и решились: нужна реконструкция.

Когда все было готово, «Триест» стал, по существу, уже иным батискафом. Теперь он мог доставить людей на дно их планеты. «Дно Земли» — так называли котловину Челленджер, глубочайшее место в самой глубокой Марианской впадине.

Начались испытания. Новый «Триест» проходит сначала 1500 метров, потом 5530, потом — уже в начале января 1960 года — 7025 метров. Теперь можно было идти на главный штурм океана.

Огюст Пиккар с радостью следил за успешной работой сына. Он был горд, что именно Жак пошел дальше его. «И он пойдет еще дальше, — думал Пиккар, — он опустится на дно этой впадины».

Профессор Пиккар едва не ошибся. Он не знал, что Жака не включили в группу гидронавтов, которую готовили к погружению. Впрочем, этого не знал и сам Жак.

Однажды, когда он работал на палубе батискафа, один человек, дружески к нему расположенный, отозвал его в сторону и сообщил неприятную весть. Жак был некоторое время в полной растерянности — он по праву считал себя основным кандидатом в пилоты «Триеста». Во-первых, батискаф изобрел его отец. Во-вторых, сам Жак свои последние десять лет посвятил этому аппарату. В-третьих, в договоре, заключенном с американцами, говорилось, что за Жаком Пиккаром «сохраняется право участвовать в любых погружениях», связанных с особыми проблемами. И вот теперь его хотели лишить этого права...

Наверное, если бы не отец, который ждал, что сын сумеет сделать то, что он не успел, Жак бы не стал добиваться места в гондоле «Триеста» во время рекордного штурма. Отец с такой надеждой смотрел на него...

Началась тревожная, томительная для младшего Пиккара переписка с различными ведомствами, от которых зависел окончательный выбор экипажа «Триеста». И наконец победа. Жак займет свое место в гондоле. Вместе с ним будет спускаться лейтенант Дон Уолш.

Штурм назначили на 23 января 1960 года.

В этот день в 220 милях от побережья острова Гуам, что находится в западной части Тихого океана, случился сильный шторм. Событие это, само по себе значащее чрезвычайно мало даже для метеорологов, поскольку район этот лежит далеко в стороне от сухоходных дорог, в истории, конечно бы, не сохранилось, если бы не одно обстоятельство. В тот день в

районе шторма находились три судна. Одно из них — военный эсминец, другое — обычный буксир, зато третье, которое тащил за собой буксир, было более чем необычно. Внешне оно напоминало подводную лодку, низкую палубу которой то и дело накрывали крупные волны, а рубка временами совсем исчезала от взоров тех, кто стоял на буксире. Среди них был и Жак с Доном Уолшем.

Жак смотрел на батискаф, который швыряли волны, и обеспокоенно думал о том, как «Триест» перенес четырехдневный переход от Гуама. Было и еще одно важное дело, с которым предстояло покончить, прежде чем начать погружение: нужно с абсолютной точностью найти центр котловины, иначе подводные течения смогут увлечь батискаф в сторону от самого глубокого места. Котловина Челленджер — это настоящее подводное ущелье около семи километров в длину и около двух в ширину, и, если представить, что до дна его — ни много ни мало — одиннадцать километров, можно догадаться, сколь трудно отыскать его центр.

Около трехсот промеров пришлось проделать, и всякий раз приборы показывали глубину 11 тысяч метров. Батискаф стоял точно над целью.

Рано утром, едва забрезжил рассвет, Жак Пиккар попросил спустить шлюпку и попытался сесть в нее. Волны высотой в семь с половиной метров заставили его отказаться от этой попытки. Тогда решили спустить резиновый плот и на нем подойти к батискафу.

Со щемящим сердцем осматривал Жак батискаф, потрепанный волнами. Телефон, укрепленный на палубе, бесследно исчез, тахометр — прибор для измерения скорости подъема и спуска — был разбит и не действовал. Поврежденными оказались и другие приборы. Жак колебался. Вероятно, следовало бы отло-

жить погружение... Но он, да и все столько ждали этого дня...

Подошел на катере, спущенном с борта эсминца, Уолш, высокий белобрысый моряк. Ловко прыгнул с катера на палубу батискафа, сразу спросил:

— Что вы думаете обо всем этом, Жак?

— Я смогу вам ответить только после того, как проверю все внизу, — ответил Жак.

Внизу, к счастью, все было в полном порядке.

Теперь Жак хотел только одного: как можно быстрее уйти в глубину, туда, где волны бессильны.

Когда они уже приготовились спуститься в гондолу, кто-то из зоологов крикнул им, не удержавшись: «Бога ради, узрейте там хотя бы одну рыбу». До сих пор никто не знал, живут ли рыбы на такой глубине. Может быть, сейчас наконец наука получит ответ на этот вопрос...

8 часов 15 минут. «Триест» стал погружаться. Это было шестьдесят пятое погружение Жака Пиккара.

В гондоле они чувствовали себя не слишком уютно. Наверху оба насквозь вымокли, и теперь одежда неприятно липла к телу, стесняя движения.

По существу, батискаф падал в пучину, — так велика была скорость его погружения. Так же быстро опускается лифт. В гондоле стояла тишина — двое людей молча занимались своими делами. Жак работал с приборами, Уолш возился с акустическим телефоном, пытаясь наладить связь с буксиром. Связи пока что не было.

По мере спуска в гондоле становилось все холоднее. Самое время переодеться, сухая одежда была, но разве повернешься в этом тесном ядре...

Одну за другой рекордную глубину проходил батискаф, опускаясь в бездну впадины. За стеклом

иллюминатора лишь черная, как ночное ненастное небо, вода. Вечный мрак, вечное спокойствие и вечная тишина.

По расчетам Жака, до дна оставалось что-то около двух километров — у всякой бездны есть все-таки дно, и он решил сбросить немного балласта, чтобы уменьшить скорость. Встретить дно на такой большой скорости означало бы полную катастрофу.

Жак напряженно вглядывался в иллюминатор, надеясь увидеть в свете прожектора дно, потом оборачивался и следил за пером самописца, вычерчивающим длинную ровную линию — видимо, эхолот отметил только что сброшенный балласт.

«Какое здесь дно?» — вот что его сейчас беспокоило. Если его покрывает толстый слой ила, батискаф может завязнуть в нем. Промелькнула тревожная мысль: «Не подстерегает ли нас опасность погрузиться в это вещество и навсегда в нем исчезнуть, прежде чем мы поймем, что соприкоснулись с дном?»

Это возможно... Вспомнил недавний эксперимент советских ученых, когда они спускали с «Витязя» в самые глубокие места котловины фотокамеру, пытаясь получить фотографии дна, и всегда пленка возвращалась идеально чистой. Ясно, что камера делала снимки, полностью погрузившись в толстый слой ила.

От этих мыслей его отвлек сильный, хотя и приглушенный взрыв, гондолу сильно потрянуло. Инстинктивно Жак и Уолш напряглись, их взволнованные взгляды встретились.

— Мы ударились о дно? — спросил Уолш.

— Не думаю, — ответил Жак.

— Тогда что это было?

— Возможно, взорвался прожектор над передним иллюминатором.

Внимательно все осмотрев, они продолжали спускаться. Батискаф шел медленно, плавно. Теперь в лю-

бую минуту можно было ждать соприкосновения с дном. «Каким оно будет? — подумал Жак. — По расчетам, мы уже на дне котловины. Впрочем, наверное, глубиномер ошибается. А вдруг мы уже погружаемся в дно?»

Заглянув в иллюминатор, Жак увидел освещенную прожектором маленькую красную креветку. Вот уж неожиданная встреча на такой глубине!

Вдруг Уолш воскликнул радостно:

— Замечательно, замечательно! Осталось три сажени — вы видите дно через иллюминатор? Ну наконец-то мы добрались до него!

Жак приблизил лицо вплотную к холодному плексигласу иллюминатора и увидел абсолютно плоское, чистое дно табачного цвета. Батискаф торжественно садился на самое глубокое дно планеты Земля... Никогда прежде человек не видел его.

Каким же странным оно показалось двум людям... Словно это было не дно океана, а мертвая, без признаков жизни поверхность иной планеты, чуждая, враждебная ко всяким пришельцам...

Жак вспомнил отца. «Жаль, что его сейчас нет со мной...»

Почему-то ему вспомнились слова отца, когда тот наставлял его в детстве. Отец часто давал ему решать задачи — разные, сложные и несложные, но всегда на сообразительность. Профессор Огюст Пиккар говорил тогда сыну: «Никогда не удовлетворяйся поспешным решением. Истинный ученый должен упорно добиваться единственно правильного решения».

Всю свою жизнь сын следовал этому правилу. И вот теперь он добился успеха. Успеха полного, закономерного, к которому он шел долгие годы. И всегда рядом с ним был отец. Даже сейчас, хотя, пожалуй, они никогда не оказывались так далеко друг от друга.

Неожиданно Жак увидел на дне рыбу. Плоское существо внимательно смотрело на батискаф — столь внезапно появившееся здесь чудовище. Рыба шевельнулась и медленно, едва заметно двигаясь, исчезла в царстве вечного мрака.

Только теперь человек смог ответить на извечный вопрос: есть ли жизнь на дне океана? Да, есть! Вся его многокилометровая толща насыщена жизнью. Она вездесуща, и нет ей в океане преграды...

В едином порыве Пиккар и Уолш повернулись и пожали друг другу руки.

И вдруг к ним донесся голос с поверхности, и это тоже казалось истинным чудом, что голос человека пробился через такую массу воды. Их вызывали с буксира.

Уолш доложил:

— Мы на дне котловины Челленджер, глубина 6300 саженей. Конец.

Голос, который они услышали, дрожал от волнения:

— Слышу вас слабо, но четко. Не можете ли повторить глубину?

Двадцать минут двое работали на дне котловины Челленджер — вели наблюдения, проделали ряд измерений. Постепенно в гондоле сделалось холодно — температура упала до десяти градусов тепла, у гидронавтов начали мерзнуть ноги.

Жак сбросил балласт, и батискаф, легко качнувшись, оторвался от дна. Через три с половиной часа «Триест» стало сильно раскачиваться — значит, они уже на поверхности.

Уолш продул сжатым воздухом входную шахту, они открыли люк, поднялись наверх и вышли на палубу. Было очень жарко, стоял ясный, солнечный день...

В этот день человек покорил самое глубокое дно

планеты. Свершилось. Жак Пиккар, сын Огюста Пиккара, в батискафе, изобретенном отцом, первым из людей совершил этот научный подвиг. Достижение Пиккара и Уолша побить невозможно — его можно лишь повторить. Если... Если, конечно, не откроют более глубокую впадину. Это возможно. И если какой-нибудь грандиозный катаклизм, случившийся в недрах земли, не сдвинет где-нибудь дно океана, не расколет его, создав новую бездонную трещину. И человек, узнав об этом, обязательно захочет опуститься в нее.

Что поделаешь — так он устроен.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В Шебре Огюст Пиккар жил недолго. Там можно прекрасно отдыхать, в этой милой деревеньке на берегу старого озера, а он хотел еще поработать — он всерьез решил заняться проектом своего мезоскафа. Он хотел дать науке еще один аппарат — подводную лабораторию, в которой бы экипаж из нескольких человек мог вести исследования, долгое время не выходя на поверхность. В батискафе, необходимом для достижения большой глубины, — он это знал по себе — все же трудно работать. В нем тесно. В мезоскафе он намеревался создать полный комфорт.

Пиккар перебрался в свой дом в Лозанне — он очень любил кабинет в этом доме — и погрузился в чертежи и расчеты. Иногда он выходил на прогулку, старый, высокий профессор, которого узнавали на улице все, даже дети. Его давно уже называли «про-

фессором вверх-вниз» — за то, что он первым проник в стратосферу и первым достиг недоступных прежде глубин. На улице ему часто кланялись совершенно незнакомые люди. Он не скрывал, что ему приятно такое внимание.

Журналисты оставили его в покое, хотя время от времени их интерес к Пиккару вновь пробуждался. Все-таки такого человека, сумевшего пройти в своих аппаратах две разные стихии, до него еще не было.

Его часто, как он сам говорил, спрашивали: «Почему после стратостата вам захотелось построить батискаф?» Он отвечал: «Эти аппараты чрезвычайно сходны между собой, хотя назначение их диаметрально противоположно. — И добавлял с хитрой улыбкой: — Возможно, что судьбе было угодно создать это сходство для того, чтобы работать над обоими аппаратами мог один ученый». Какая уж там судьба... Он сам создал это сходство. Оно возникло как математически выверенный результат, как решение единственно верное, как плод фантазии, воплотившейся благодаря волшебству расчетов в металл. Огюст Пиккар умел творить волшебство...

Как-то его спросили: «Довольны ли вы своей жизнью? Не ропщете ли вы на судьбу?» Он сказал: «Можно ли роптать на судьбу, имея такую высокую цель, как участие в грандиозных открытиях и творениях человечества — в изучении и освоении мира? Человек открывает новые страны, поднимается на вершины, осваивает небесные просторы, освещает области вечного мрака — это и делает его жизнь полноценной».

Да, это действительно полноценная жизнь, и он познал ее полностью, весь ее спектр, от спокойной надежды и радости победителя до горечи неудачи и жестоких минут безысходности. Он испытал все.

Однажды, после погружения у острова Понца, его спросили: «Есть ли у вас уверенность в полном успе-

хе? Море коварно». Пиккар ответил: «Математика никогда не ошибается. Что могло случиться с нами? Землетрясение, метеориты, шторм... Ничто не может проникнуть в нашу обитель вечного безмолвия. Морские чудовища? Я в них не верю. Но даже если бы они существовали и напали на нас, им ничего не удалось бы сделать, кроме как обломать свои зубы о стальной панцирь батискафа. А если бы на дне моря нас захотел удержать своими щупальцами огромный спрут, мы создали бы подъемную силу в десять тонн — нам не страшны никакие щупальца».

Все предусмотрел, даже щупальца спрута. И даже реальную опасность знал и предвидел. Тогда же его спросили: «А если батискаф попадет под выступ подводной скалы, что вы тогда будете делать?» Поднял в недоумении брови, пожал плечами: «Да, тогда... Тогда придется остаться внизу, если не удастся освободиться, дав обратный ход винту». Он и к этому был готов. Пиккар никогда не забывал об опасности, но шел вперед, презирая ее, уверенный в своих аппаратах, в расчетах.

Он всегда оставался поборником океанографии — науки, о которой он узнал еще в пору своего детства, но только-только вступающую в зрелость.

Пиккара спрашивали часто: «Чему же служат исследования океанографов? Где их можно применить?» Он понимал, что такие вопросы неизбежны — на экспедиции уходит много денег, пресса поддерживает к ним постоянный интерес — так в самом деле для чего все это?

«Но не спешите, — убеждал Пиккар, — ученый работает сначала ведомый исключительно страстью к исследованиям, не имея часто определенной цели, не видя возможности применить свой труд на деле. Он открывает новые явления, неизвестные соотношения. Но даже если на первых порах кое-что кажется незна-

чительным, наступит день, когда результаты будут реально использованы. Каждое открытие, кажущееся вначале незначительным, впоследствии оказывается полезным». И приводил пример Эрстеда, открывшего, что провод с электрическим током заставляет отклоняться стрелку компаса. Казалось всем сначала: что за польза в том наблюдении? Зато потом вдруг оказалось: электромагниты, генераторы — вся электротехника — ничего этого не было бы, не будь того, самого первого открытия Эрстеда. В науке так случается нередко.

В это время Пиккар часто думает о своих прожитых годах. Все ли в жизни было так, как он хотел?.. Нет, наверное. Да и можно разве ждать и требовать от жизни, чтобы все в ней протекало согласно нашим желаниям? Какой бы скучной стала наша жизнь, случись вдруг так? С чем тогда бороться, ждать чего, на что надеяться?

Нет, конечно, не все сложилось у него, как он задумывал. Но в главном — все. За его спиной, в далекой дали времени нет ничего, о чем он мог бы пожалеть.

Была ли жизнь счастливой? Наверно, да. А кто сумел бы сказать о себе определеннее? Разве что глупец...

Но вот что странно, почти невероятно даже: всю жизнь он помнил, о чем мечтал мальчишкой, всю жизнь работал, стараясь осуществить мечты, не отступил — добился. Его биографы сказали как-то: «Ему удалось осуществить две из самых безумных затей человечества...»

Он часто думал об Архимеде, человеке, вооружившем науку одним из самых могучих законов. Огюст Пиккар воспользовался этим законом как волшебным ключом, открывшим дорогу в просторы неба и в глубину океана.

Архимед встретил смерть, склонившись над чертежом, набросанным на песке, до последней минуты он что-то высчитывал. Что, мы никогда не узнаем. Он оглянулся, увидев рядом с собой тень воина с поднятым мечом, воскликнул: «Не тронь мои чертежи!..»

Огюст Пиккар сидел за рабочим столом, покрывая бумажный листок расчетами, когда с ним случился сердечный приступ. Это было 22 марта 1962 года. Перед ним лежал чертеж мезоскафа...

Через два дня он умер.

Его накрыли швейцарским флагом и синим покрывалом, соединившим в себе краски неба и моря. Неба и моря, которые он так любил...

Флаг принес Жак. Тот самый флаг, что висел на мачте «Триеста», когда он лежал на дне Марианской впадины. Этот флаг по полному праву принадлежал Огюсту Пиккару.

А вскоре в газетах промелькнула заметка: умер Уилл Биб, патриарх океана. Он всего на два месяца пережил Огюста Пиккара. Они не были большими друзьями, но все-таки их многое связывало, и казалось, Биб поспешил за Пиккаром... Старики остаются в одиночестве часто, но кто станет утверждать, что это им нравится...

Через два года Жак закончил строительство мезоскафа и дал ему имя отца.

За восемь лет до своей смерти Огюст Пиккар написал: «Когда я создавал свой аппарат, предназначенный для свободного плавания в глубине морей, я удовлетворял свою потребность в изысканиях, надеясь открыть пути к исследованию океанов».

Он открыл этот путь.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- А. Пиккар. Над облаками. ОНТИ, 1936.
- П. Молчанов. Тропосфера и стратосфера. ОНТИ ГТТИ, 1934.
- У. Биб. В глубинах океана. Гос. изд. био- и мед. литературы, 1936.
- О. Пиккар. На глубину морей в батискафе. Судпромгиз, 1961.
- Ж. Пиккар, Р. Дитц. Глубина семь миль. М., Изд-во иностранной литературы, 1963.
- А. Дмитриев, М. Диомидов. Покорение глубин. «Судостроение», 1969.
- А. Дмитриев, М. Диомидов. Разведчики океанских глубин. «Судостроение», 1968.
- Д. Даган. Человек в подводном мире. М., «Мысль», 1965.
- Ж. Кусто, Ф. Дюма, Д. Даган. В мире безмолвия. Живое море. М., «Знание», 1966.
- М. Гюберлет. Исследователи моря. Гидрометеоиздат, 1970.
- П. Лягиль, Ж. Ривуар. С небес в пучины моря. Гидрометеоиздат, 1967.
- Г. Соул. Подводные границы. Гидрометеоиздат, 1973.
- Г. Соул. Морские приключения. Гидрометеоиздат, 1971.
- П. Прингл. Приключения под водой. Гидрометеоиздат, 1963.
- Ю. Истошин, Б. Лагутин. В морях и океанах. М., «Высшая школа», 1962.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Выше птиц

Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	26
Глава четвертая	34
Глава пятая	43
Глава шестая	53
Глава седьмая	64
Глава восьмая	73
Глава девятая	85

Часть вторая. Салют адмиралу!

Глава десятая	95
Глава одиннадцатая	107
Глава двенадцатая	116
Глава тринадцатая	128
Глава четырнадцатая	138
Глава пятнадцатая	151
Глава шестнадцатая	160
Глава семнадцатая	171
Глава восемнадцатая	184
Краткая библиография	190

Репин Л. Б.

Р41 Дважды первый. Страницы жизни ученого.
(Огюст Пиккар.) М., «Молодая гвардия», 1975.
192 с. с ил. (Пионер — значит первый).

Книга рассказывает об Огюсте Пиккаре, всемирно известном швейцарском ученом, о человеке, соединившем небо и море, изобретателе стратостата и батискафа. Во всем мире его называли «профессором вверх-вниз», потому что он совершил рекордные полеты в стратосферу и рекордное погружение в морскую бездну.

Р $\frac{70803-211}{078(02)-75}$ 61—75

551.49

Леонид Борисович Репин

ДВАЖДЫ ПЕРВЫЙ

Редактор **Людмила Яковлева**

Художник **Давид Шимилис**

Художественный редактор **Леонид Лагута**

Технический редактор **Тамара Цыкунова**

Корректоры **Нина Павлова, Зоя Федорова**

Сдано в набор 19/II 1975 г. Подписано к печати 30/VII 1975 г.
А01368. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 6 (усл. 8,4).
Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 100 000 экз. Цена 36 коп. Т. П. 1975 г.
№ 61. Заказ 2761.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес
издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушев-
ская, 21.

36 коп.

45

ВЫПУСК

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III

III